

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1975

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. А. Хренов.</i> Русско-польский революционный союз в годы первой русской революции	3
<i>В. Ф. Кадацкий, А. Х. Клеванский, И. В. Михутина, М. М. Сумарокова.</i> Компартии Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии на пути к новой политической ориентации и VII конгресс Коминтерна	12
<i>И. В. Чуркина.</i> К вопросу о культурно-национальной автономии	30
<i>Петер Раткош (ЧССР).</i> Борьба словацкого населения свободных королевских городов за национальное равноправие	42
<i>О. Р. Лапатухина.</i> Изображение крестьянства в романе Реймонта «Мужики» (К вопросу о реализме писателя)	53
<i>М. А. Штудинер.</i> О долгих согласных в славянских языках	62

СООБЩЕНИЯ

<i>С. И. Бочкарева.</i> Сербская социалистическая газета «Радник» о русском революционном движении	69
<i>М. Я. Гольберг.</i> Живоин Жуёвич на страницах украинского журнала	77
<i>И. А. Калоева.</i> Состояние информации по славяноведению в европейских социалистических странах	84

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. Носкова.</i> «Studia Historiae Oeconomicae»	97
<i>Б. С. Попков.</i> М. Н. Serejski. Naród a pánstvo w polskiej myśli historycznej	99

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря.</i> Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в.	100
<i>В. Д. Королюк.</i> О некоторых спорных вопросах развития черняховской, славянской, древнерусской и балкано-дунайской археологических культур Днестровско-Прутского междуречья	102
<i>И. В. Шабловская.</i> В духе полемики и утверждения реализма	107
<i>Ю. К. Бегунов.</i> «Азбучная молитва» Константина Преславского в исследовании болгарского ученого	109

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1975 г. (продолжение)	111
Содержание иностранных журналов	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. И. Злыднев, Ю. И. Ритчик.</i> О научных итогах Международной конференции ЮНЕСКО по проблемам славянских культур	118
<i>И. В. Зайчиков.</i> Интересная научная конференция	124
<i>Ю. Лаучюте.</i> Третья конференция «Ареальные исследования в языкознании и этнографии»	126
<i>Е. В. Чешко.</i> Конференция, посвященная «Изборнику 1073 года»	127
<i>Л. В. Бондарко, Т. М. Николаева.</i> Научное заседание памяти Л. В. Щербы	130
<i>Т. Г. Булак.</i> Чтения памяти П. Г. Богатырева	131
<i>Т. Б. Ионова.</i> Десятый юбилей САС	132
<i>Игорь Балза.</i> <u>Академик Юльош Стажинский</u>	134

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИЦ, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубликовский пер., д. 30а. Тел. 290-27-40

И. А. ХРЕНОВ

РУССКО-ПОЛЬСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одним из важнейших периодов истории общероссийского революционного движения, когда народы России и Польши вели совместную борьбу против самодержавия и эксплуататорских классов, когда русский и польский рабочий класс продемонстрировали действенность принципов пролетарского интернационализма, была революция 1905—1907 гг.

Она открыла новый этап в истории развития международного революционного движения, оказав прогрессивное воздействие на весь последующий ход мировой истории.

Определяя историческое значение русской революции, В. И. Ленин назвал ее «генеральной репетицией» Октябрьской революции 1917 г. «Это была первая народная революция эпохи империализма. Она показала, что начался новый период всемирной истории, период политических потрясений и революционных битв»¹.

Историческая закономерность первой русской революции была предопределена всем предшествующим ходом социально-экономического развития России. Экономический кризис 1900—1903 гг., охвативший Россию, и начавшаяся русско-японская война еще более обнажили гнилость самодержавия и всего социально-экономического строя России.

Историческое значение первой русской революции выходит далеко за рамки российского государства. Нанеся чувствительный удар по твердыне самодержавия — одному из звеньев общей цепи мирового империализма, русская революция тем самым оказала влияние на ослабление империализма как системы в целом.

Это была первая в истории буржуазно-демократическая революция, в которой пролетариат выступил самостоятельной политической силой, вождем угнетенных масс, борющихся за социальное освобождение².

В. И. Ленин придавал огромное значение победе революции в России, как великой интернациональной силе, прокладывающей путь международному рабочему движению. «На пролетариат всей России, — писал В. И. Ленин, — смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара»³.

¹ Постановление ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России». «Коммунист», 1975, № 2, стр. 3.

² Там же, стр. 4.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 204.

Революция 1905—1907 гг. показала, что центр мирового революционного движения к началу XX столетия переместился в Россию, а русский пролетариат оказался в авангарде международного рабочего движения.

Борьба рабочих России за социальное освобождение явилась для рабочих и трудящихся всего мира вдохновляющим примером, она развязала их боевую энергию, способствовала мощному подъему их борьбы против экономического, политического и национального гнета. Рабочие всего мира, писал В. И. Ленин, «духовно оживают теперь при виде успехов революции в России»⁴.

Под влиянием первой русской революции развернулось мощное рабочее движение в капиталистических странах и национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах.

В итоге революции 1905—1907 гг. международное рабочее движение обогатилось новым революционным опытом — опытом массовой политической стачки как средства мобилизации и воспитания рабочих масс, опытом вооруженного восстания как высшей формы борьбы пролетариата, опытом создания Советов рабочих депутатов как прообраза государственной формы диктатуры пролетариата.

Революционная борьба трудящихся Польши явилась составной частью первой русской революции. Это определило суть русско-польского революционного союза, имевшего глубокие исторические корни. В новых исторических условиях на пролетарском этапе революционного движения основой русско-польского революционного союза стали принципы пролетарского интернационализма, как знамя совместной борьбы за интересы русского и польского пролетариата. Идеи пролетарского интернационализма, выработанные основоположниками научного коммунизма, были далее развиты и конкретизированы В. И. Лениным.

Глубоко интересуясь судьбами польского рабочего движения и его связями с российским революционным движением, В. И. Ленин писал: «...мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения»⁵.

Главными проводниками идей русско-польского революционного союза в годы первой русской революции и решительными борцами за их осуществление были большевики, с одной стороны, и польские социал-демократы — с другой. Уже в резолюции I съезда польской социал-демократии (1894 г.) подчеркивалось значение интернациональных связей пролетариата Польши и России. В. И. Ленин высоко оценивал деятельность социал-демократии Королевства Польского и Литвы, как рабочей, глубоко интернационалистической партии, партии, вооружавшей польский рабочий класс политической программой, основанной на принципах научного коммунизма. «Польской социал-демократии, — указывал Ленин, — принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями»⁶. Однако В. И. Ленин критиковал ошибочные концепции СДКПиЛ, которых она придерживалась по ряду важнейших вопросов революционной стратегии пролетариата. Так, В. И. Ленин указывал, что «ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д. лишь тогда, когда пробу-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 209.

⁵ Там же, т. 7, стр. 242.

⁶ Там же, т. 25, стр. 294.

ют — подобно Розе Люксембург — отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе *российских* марксистов»⁷.

Польские социал-демократы, выступая против всех видов политического и социального гнета, были горячими патриотами своей родины, их революционные стремления были проникнуты глубокими идеями борьбы за свободу своего народа, за всестороннее развитие национальной польской культуры, родного языка, польской школы.

В ходе первой русской революции польский пролетариат, активно откликаясь на все важнейшие революционные события, происходившие в России, продемонстрировал свою классовую солидарность и неразрывные интернациональные связи с русским рабочим классом. Боевыми революционными выступлениями под общим знаменем пролетарского интернационализма польский рабочий класс еще более обогатил традиции русско-польского революционного союза, значительно расширив фронт его деятельности. Революционная борьба польского пролетариата, как одного из передовых отрядов общероссийского рабочего движения, содействовала дальнейшему сплочению революционных сил Польши и России.

Живой отклик в Королевстве Польском нашло январское выступление петербургского пролетариата, положившее начало первой русской революции. Оценку развернувшегося в России революционного движения и вытекавших из этого задач польского пролетариата дало в своем воззвании, выпущенном 23 января 1905 г., Главное правление СДКПиЛ. «Рабочие! Не будем последними в борьбе, — указывалось в воззвании, — которую трудящиеся всей России должны повести с царским правительством. От совместной борьбы трудящихся масс России и Польши будет зависеть осуществление политической свободы для народа»⁸.

В ответ на призыв СДКПиЛ в Королевстве Польском развернулись массовые выступления пролетариата, охватившие все крупные промышленные центры. Состоялись мощные забастовки в Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне. «Самая выдающаяся политическая черта сегодняшнего движения, — писал о январской забастовке социал-демократический журнал «*Z pola walki*», — черта, которая всем бросается в глаза — это солидарность с рабочими Петербурга, это протест против резни, организованной царизмом в столице, протест такой же самый, какой возник в Москве и других городах России»⁹.

Широкий размах в Королевстве Польском приняла школьная забастовка, основными участниками которой были учащиеся средних учебных заведений. Их требование о введении в польских школах обучения на родном языке поддержали прогрессивно настроенные русские студенты, обучавшиеся в польских учебных заведениях. С выступлениями польской молодежи солидаризировался русский профессор Погодин, за что он был уволен царскими властями из Варшавского университета.

Высоко оценивая революционную борьбу польского пролетариата во время январско-февральской забастовки, В. И. Ленин писал: «Польша и Кавказ дали образец борьбы уже более высокой, где пролетариат стал выступать отчасти вооруженным, где война приняла затяжную форму»¹⁰.

Одной из важных форм русско-польского революционного сотрудничества в ходе революционно-освободительного движения являлась совместная деятельность российских и польских социал-демократов в военно-революционных организациях, действовавших среди войск Варшавского

⁷ В. И. Ленин. Там же.

⁸ «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.» (перевод с польского). М., 1956, стр. 129.

⁹ «*Z pola walki*», 1950, № 2.

¹⁰ В. И. Ленин. Там же, т. 11, стр. 351.

военного округа. Так, в связи с событиями «кровавого воскресенья» группа военно-революционной организации РСДРП выпустила обращение к солдатам, в котором говорилось: «...откажитесь стрелять в своих безоружных братьев... станьте под наше рабочее красное знамя... помните, братья, что у нас один враг — класс богатеев и первый богатей — царь»¹¹.

Касаясь социал-демократической пропаганды в войсках, Ф. Э. Дзержинский писал: «Южный комитет развернул среди войск действительно большую работу, революционизировал целые полки, которые необходимо удерживать, чтобы преждевременно не поднялись восстания»¹². Важно подчеркнуть, что в деятельности Южного комитета принимали участие и русские социал-демократы. «Южный комитет, — отмечал Дзержинский, — в настоящее время состоит совсем из других людей... Состоит он из семи человек: пять русских и два поляка»¹³.

Под влиянием роста революционного движения в стране и социал-демократической пропаганды в армии менялось настроение и среди демократической части офицерства. Чтобы избежать участия в подавлении выступления варшавских рабочих во время январской забастовки, 18 офицеров одного из полков варшавского гарнизона подали рапорты об отставке под предлогом болезни.

Отдельные солдатские выступления против невыносимого режима, отказ от отправки на дальневосточный фронт, от полицейской службы, отказы заменять бастующих рабочих — все эти акции содействовали расширению и углублению русско-польского революционного сотрудничества, укрепляли русско-польский революционный союз.

Все важнейшие революционные события в Польше были непосредственно связаны с общероссийским революционным движением. Огромное значение для расширения и углубления революции имели решения III съезда РСДРП, определившего стратегию и тактику революционной социал-демократии в буржуазно-демократической революции. Съезд обсудил основные вопросы развернувшейся революции в России и наметил задачи пролетариата как вождя, гегемона революции.

Делегаты съезда с негодованием встретили известие о кровавой расправе царских властей над участниками первомайских демонстраций в Варшаве и Лодзи. Выражая свою солидарность с польским пролетариатом, съезд принял специальную резолюцию. «Третий съезд РСДРП, — говорилось в резолюции, — выражает свое негодование по поводу новых убийств народа; организованных преступным правительством 1 мая в Варшаве и Лодзи, приветствует мужество и решимость братского пролетариата Польши и выражает уверенность в скором наступлении того дня, когда пролетариат всех национальностей России дружно выступит против ненавистного самодержавия и окончательной победой над ним расчистит себе путь для дальнейшей борьбы за социализм»¹⁴.

С гневным осуждением позорного поведения царских властей выступил Варшавский комитет Военно-революционной организации (ВРО). В его воззвании, обращенном к солдатам, говорилось: «...опомнитесь... Всякий из вас завтра снявши мундир будет таким же рабочим, таким же самым „врагом“, как и те, в которых вы стреляете»¹⁵.

Первомайские забастовки и уличные демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями рабочих с войсками и полицией, знаменовали новый

¹¹ Цит. по: И. Х р е н о в. Лодзинское восстание. М., 1958, стр. 94.

¹² F. D z i e r ż y ŋ s k i. Pisma wybrane. Warszawa, 1951, s. 75.

¹³ Ibid., s. 76.

¹⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 84.

¹⁵ Цит. по: И. Х р е н о в. Там же, стр. 94.

этап в революционной борьбе польского пролетариата, одним из важнейших событий которого было Лодзинское восстание, вспыхнувшее в июне 1905 г.

Хотя это восстание носило стихийный характер, тем не менее его политическое значение было велико. Самоотверженное выступление лодзинских рабочих содействовало новому подъему революционного движения в Королевстве Польском. В знак солидарности с лодзинскими повстанцами 24 июня вспыхнула забастовка в Варшаве. Примеру Варшавы последовали рабочие Ченстоховы, Домбровского бассейна, Белостока, Люблина и других промышленных центров края. Уроки Лодзинского восстания явились ценным вкладом в сокровищницу боевого опыта общероссийского революционного движения.

Горячие чувства интернациональной солидарности с лодзинскими повстанцами выразили пролетарии Петербурга, Москвы и других городов России. «Лодзинские события, — говорилось в прокламации Петербургского комитета РСДРП, — вновь и вновь показали, что борьба между самодержавием и народом — борьба неминуемо кровавая — разгорается и близок ее последний момент.

Кровавая борьба в Лодзи, Варшаве и Одессе требует, чтобы мы отозвались на нее, поддержали наших уже вступивших в открытую борьбу товарищей»¹⁶. «Товарищи! — говорилось в листовке Московского комитета РСДРП, — устраивайте собрания, рассказывайте на них о революционных днях Варшавы и Лодзи, посылайте ваш привет борющемуся за общее дело польскому и еврейскому пролетариату и возглашайте вместе с ними: Да здравствует вооруженная борьба с царским правительством! Да здравствует революция»¹⁷.

В листовках большевистских организаций Екатеринослава, Минска, Баку, Харькова, Луганска, Самары, Воронежа, Риги, Саратова подчеркивалось революционное значение Лодзинского восстания, его ценный вклад в общую борьбу пролетариата России.

Беззаветная борьба лодзинских рабочих, сражавшихся на баррикадах за свою свободу, сливалась с общей борьбой многонационального пролетариата России за свержение самодержавия, за завоевание политических свобод, за социальное и национальное раскрепощение народных масс.

В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием польского рабочего движения, откликаясь на все его важнейшие события, особо подчеркнул политическое значение самоотверженной борьбы лодзинских повстанцев. «И рабочие, — указывал он, — даже не подготовленные к борьбе, даже ограничивавшиеся сначала одной обороной, показывают нам, в лице пролетариата Лодзи, не только новый образец революционного энтузиазма и геройства, но и высшие формы борьбы»¹⁸.

Отмечая слабые стороны одиночных, изолированных выступлений рабочего класса России, В. И. Ленин в то же время глубоко верил в революционные силы пролетариата, подчеркивая значение даже отдельных революционных вспышек, какой по сути и было Лодзинское восстание. Он писал: «...объединенные вместе, эти вспышки могут слиться в такой могучий поток революционного пламени, перед которым не устоит никакая сила на свете»¹⁹. В ряду других революционных событий, развернувших-

¹⁶ «Листовки петербургских большевиков 1902—1907 гг.», т. I. М., 1939, стр. 235—236.

¹⁷ «Листовки московских большевиков в период первой русской революции». М., 1956, стр. 186—187.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 310—311.

¹⁹ Там же, стр. 312.

ся в России летом 1905 г., Лодзинское восстание явилось предвестником назревающих великих революционных бурь.

Одним из выводов, который сделала польская социал-демократия из уроков Лодзинского восстания, был вывод о необходимости расширения работы в царской армии.

В то же время Варшавский комитет ВРО РСДРП, проводя пропаганду среди царских войск, все более понимал, что успех его деятельности во многом зависит от тесных связей с польскими социал-демократами, которые ведут революционную работу в среде польского пролетариата. При совместной работе в армии российских и польских социал-демократов назревала необходимость оформления тесного организационного сотрудничества Варшавского комитета ВРО РСДРП и Варшавского комитета СДКПиЛ.

Выражением стремлений к единству действий русских и польских революционеров явилось заключение в июле 1905 г. соглашения между Варшавским комитетом СДКПиЛ и Варшавским комитетом ВРО РСДРП. В тексте соглашения²⁰ говорилось, что Военно-революционная организация РСДРП может вести агитационную работу среди войск только в тесной связи с местной социал-демократической организацией, поэтому Варшавский комитет ВРО предлагал своим членам, оставаясь в РСДРП, одновременно работать в рядах СДКПиЛ. В соответствии с соглашением представитель Варшавского комитета СДКПиЛ входил в состав Варшавского комитета Военно-революционной организации.

Неутомимая деятельность большевиков среди масс способствовала дальнейшему развитию революции. Осень 1905 г. ознаменовалась новой волной стачечного движения. Особое значение имела Всероссийская октябрьская стачка, начатая по призыву Московского комитета РСДРП. Она была горячо поддержана польским пролетариатом. «Геройская Польша, — указывал В. И. Ленин в связи с развернувшейся стачкой в Королевстве Польском, — снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы»²¹. 21 октября (3 ноября) забастовали железнодорожники Привислинской железной дороги, 25 октября (7 ноября) к забастовке примкнули рабочие и служащие Варшавско-Венской железной дороги. В разгар железнодорожной забастовки Главное правление СДКПиЛ обратилось к бастующим железнодорожникам со специальной прокламацией «Братство и единство пролетариата Польши и России — вот ваш лозунг»²².

Стремясь подавить стачечное движение польского пролетариата, царское правительство 28 октября (10 ноября) объявило о введении в Польше военного положения. Царские репрессии против польского народа вызвали гневный протест польского и русского пролетариата. Прибывшая 14 ноября в Петербург польская делегация обратилась к Петербургскому Совету рабочих депутатов с призывом поддержать польский пролетариат.

«Я, — заявил делегат польских рабочих, — приехал сюда обратиться к русскому народу и только к русскому народу, а не к правительству. Я приехал, чтобы сказать, что поляки в этой борьбе не хотят чего-то особенного для себя, их требования есть требования и русского народа, и они хотят идти с ним рука об руку при отстаивании этих требований»²³. Словами солидарности и чувством братской дружбы была проникнута ответная речь представителя Совета: «Борьба польского и русского пролетариата-

²⁰ «Социал-демократия Польши и Литвы и революции 1905 г.», стр. 337.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 2.

²² «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.», стр. 376.

²³ «Известия Совета рабочих депутатов», № 5, 1905 г.

та, — заявил представитель Совета, — есть общая борьба под одним девизом „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“²⁴. То дело, за которое стоит польский пролетариат, есть наше дело, то дело, за которое стоим мы, есть его дело, и поэтому мы готовы протянуть руку польскому пролетариату для нашей общей борьбы... мы должны рука об руку — пролетариат русский и польский — напрячь все усилия, чтобы раздавить окончательно ненавистную монархию»²⁴. В знак протеста против военного положения в Королевстве Польском и выражая братскую солидарность с революционным польским пролетариатом, Петербургский Совет рабочих депутатов призвал рабочих Петербурга к всеобщей забастовке.

Всероссийская октябрьская забастовка создала предпосылки для перехода к вооруженному восстанию. По решению конференции московских большевиков 7 декабря в Москве началась всеобщая политическая забастовка, переросшая 10 декабря в вооруженное восстание.

Главное правление СДКПиЛ в специальном воззвании «На стачку! На бой!» призвало польских рабочих к всеобщей забастовке²⁵.

Особое значение имела забастовка польских железнодорожников, которая препятствовала переброске войск из Королевства на подавление московского восстания. Замечательным проявлением русско-польского революционного сотрудничества в декабрьские дни было создание в Варшаве Совета солдатских депутатов, руководство которым взяли в свои руки Варшавский комитет ВРО РСДРП и Варшавский комитет СДКПиЛ. Солдатский Совет издал «Манифест ко всем солдатам Варшавского гарнизона», в котором подчеркивалось, что «защищать отечество — это значит защищать благо народа, а не идти против него со штыками, пулями, нагайками».

Забастовочное движение в Королевстве продолжалось до 3 января 1906 г. Польский пролетариат еще раз продемонстрировал свои неразрывные связи с русской революцией, рассматривая свое выступление как составную часть борьбы общероссийского пролетариата. Мощная волна стачечного движения, охватившая промышленные центры России в январе — феврале 1905 г., рассеяла в прах пепезовскую легенду о «незрелости» русского пролетариата, об «отсталости» русского революционного движения.

В ходе революции все более углублялся кризис внутри ППС. Левые элементы, которые все более брали перевес в партии, выступали с требованием пересмотра старых концепций ППС, отрицавшей значение польско-русского революционного сотрудничества. Вскоре после январско-февральской забастовки, в марте 1905 г., состоялся VII съезд ППС. После острой дискуссии, развернувшейся на съезде, победа осталась за «молодыми», левыми элементами; правые лидеры — Ю. Пилсудский, В. Иодко-Наркевич, Ф. Перль и др. — были отстранены от руководства партией. Во главе ее встали радикальные элементы — Г. Валецкий, М. Богецкий, Ф. Кон, Ф. Сакс, Е. Гольда-Стружецкая и др. Дальнейшим шагом на пути разрешения углублявшегося кризиса в ППС был июньский совет партии. Совет партии в принятых решениях решительно подчеркнул значение для победы революции польско-русских революционных связей. Далее в резолюции отмечалось, что победа революции в Королевстве Польском и Литве тесно связана с победой революции во всем российском государстве и, следовательно, революция в Королевстве Польском должна быть составной частью переворота в России, что свержение самодержавия, как предварительное условие каких-либо политических завоеваний, может наступить единственно под напором всех революционных сил в россий-

²⁴ Там же.

²⁵ «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.», стр. 437.

ском государстве. Совет считал, что необходимо стремиться к координации революционного движения всего пролетариата во всех частях российского государства²⁶.

В течение всего 1905 г. польские рабочие вели напряженную революционную борьбу. По степени напряженности стачечного движения рабочих В. И. Ленин ставил варшавский округ в один ряд с петербургским округом. «В петербургском и варшавском округах вместе,— указывал В. И. Ленин,— $\frac{1}{3}$ всего числа фаб.-зав. рабочих (550 тыс. из 1660), а стачечников они выставили $\frac{2}{3}$ всего числа (1920 тыс. из 2863). В этих округах каждый рабочий бастовал в среднем почти по 4 раза в 1905 г. В остальных округах приходится на 1110 тыс. рабочих 943 тыс. стачечников, т. е. пропорционально вчетверо меньше, чем в двух вышеназванных»²⁷.

Январско-февральская забастовка, вспыхнувшая в ответ на «кровавое воскресенье», первомайские выступления, Лодзинское восстание, октябрьско-ноябрьская всеобщая стачка, декабрьская всеобщая забастовка в Королевстве Польском, совпадавшие по времени с мощными революционными выступлениями российского пролетариата, знаменовали собой новые формы борьбы польского пролетариата, в ходе которой все более крепились узы интернациональной дружбы пролетариата России и Польши.

Деятельность польской социал-демократии в годы первой русской революции показывала настоятельную необходимость объединения СДКПиЛ с РСДРП, что диктовалось практикой революционной борьбы обеих партий и принципами пролетарского интернационализма.

Поэтому вполне естественным был положительный ответ Главного правления СДКПиЛ на предложение ЦК РСДРП направить свою делегацию на IV съезд РСДРП для обсуждения вопроса о слиянии СДКПиЛ с РСДРП. В составе делегации СДКПиЛ, прибывшей на съезд, были А. Варский, Ф. Дзержинский, Я. Ганецкий. IV съезд РСДРП единодушно утвердил предложенные комиссией съезда условия о слиянии СДКПиЛ с РСДРП. Вступая в РСДРП, СДКПиЛ сохраняла за собой право автономной территориальной организации. В кратком приветствии по поводу слияния СДКПиЛ с РСДРП В. И. Ленин подчеркнул, что объединение СДКПиЛ с РСДРП должно послужить залогом успешной работы²⁸. Вопросу о слиянии СДКПиЛ с РСДРП большое внимание уделил V съезд СДКПиЛ, состоявшийся в июне 1906 г. В отчетном докладе Главного правления, с которым на съезде выступил Ф. Э. Дзержинский, указывалось, что «важнейшим вопросом в нашей партийной политике был вопрос нашего объединения с РСДРП»²⁹. В статье, посвященной итогам V съезда СДКПиЛ, газета «Червоны штандар» писала: «Представители польского пролетариата единогласно и с признательностью приветствовали факт партийного объединения с пролетариатом всего государства»³⁰.

Объединение СДКПиЛ с РСДРП еще более содействовало сближению взглядов польских социал-демократов со взглядами большевиков по ряду важных вопросов революционной стратегии и тактики. Немаловажное значение имело и укрепление личных контактов руководящих деятелей СДКПиЛ с большевиками. Особая заслуга здесь принадлежит Ф. Дзержинскому, который в течение августа—сентября 1906 г. как представитель СДКПиЛ в ЦК РСДРП находился в Петербурге и, участвуя в работе большевистской фракции, поддерживал требование большевиков о созыве чрезвычайного съезда РСДРП.

²⁶ «PPS — Lewica. 1906—1918. Materiały i dokumenty». Warszawa, 1951, s. 11—12.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 384.

²⁸ «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, стр. 509.

²⁹ «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.», стр. 591.

³⁰ Там же, стр. 597.

V съезд РСДРП, состоявшийся в конце апреля — первой половине мая 1907 г., продемонстрировал решительную победу большевиков над меньшевиками по всем основным вопросам, обсуждавшимся на съезде. Делегация СДКПиЛ поддержала точку зрения большевиков почти по всем главным вопросам. В. И. Ленин отметил: «... мы, большевики, все время сходились и теперь сходимся с поляками в двух самых коренных вопросах»³¹. А именно в оценке классовой самостоятельности пролетариата по отношению ко всем буржуазным партиям и в признании обязанности за рабочей партией вести за собой на борьбу против самодержавия и либеральной буржуазии мелкобуржуазные демократические партии.

Сближение польской социал-демократии с большевиками, закрепленное их совместной борьбой против оппортунизма меньшевиков на V съезде РСДРП, явилось новым шагом в развитии и укреплении русско-польского революционного союза.

В истории борьбы русского и польского народов за свое освобождение идеи польско-русского революционного сотрудничества, нашедшие воплощение в совместной борьбе российского и польского пролетариата в годы первой русской революции, имели громадное историческое значение. На новом этапе борьбы, в новых исторических условиях идеи пролетарского интернационализма, которыми руководствовались революционные партии обеих стран, их совместная борьба, овеянная традициями русско-польского сотрудничества, верность пролетариата ленинскому учению — были путеводной звездой, озарявшей путь российским и польским революционным силам в их борьбе за светлое будущее.

Международное коммунистическое движение в наше время свято хранит и развивает традиции интернационального единства и сплочения всех революционных сил рабочего класса, его авангарда — коммунистических и рабочих партий в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс народов.

---

³¹ В. И. Ленин. Там же, т. 15, стр. 344.

*В. Ф. КАДАЦКИЙ, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ
И. В. МИХУТИНА, М. М. СУМАРОВА*

КОМПАРТИИ БОЛГАРИИ, ПОЛЬШИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ И ЮГОСЛАВИИ НА ПУТИ К НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ И VII КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА

VII конгресс Коммунистического Интернационала, 40-летие которого отмечается в этом году, стал знаменательной вехой в истории международного рабочего и коммунистического движения. На основе глубокого марксистско-ленинского анализа действительности и обобщения опыта классовых боев в различных странах он наметил четкий стратегический план и гибкую тактику, определил основные формы организации революционных и демократических сил, новые методы борьбы. Творчески развивая фундаментальные положения марксизма-ленинизма о классовых и политических союзах, он провозгласил в качестве основной задачу создания широкого союза демократических сил — народного фронта борьбы против фашизма, империализма и войны. Решения конгресса дали ответы на жгучие вопросы современности, указали реальные пути к победе сил демократии и социализма.

Новая политическая линия, закрепленная в его решениях, отражала назревшие объективные потребности борьбы антифашистских и антиимпериалистических сил в новых исторических условиях. Она была разработана с учетом важнейших событий, происшедших в мире в конце 20-х — начале 30-х годов и вытекавших из них уроков.

Решения VII конгресса Коминтерна стали основой всей последующей стратегии международного коммунистического движения. Их жизненность проверена в антифашистской освободительной борьбе, развернувшейся в годы второй мировой войны, национально-демократических и социалистических революций.

В настоящей статье сделана попытка на примере деятельности компартий четырех стран — Болгарии, Польши, Югославии и Чехословакии — проследить начало поворота к новой, плодотворной политической ориентации, выяснить как общие принципы и закономерности борьбы пролетарского авангарда в начале 30-х годов, так и ее конкретные особенности, предопределенные существенными социально-экономическими, политическими, национальными и культурными различиями этих стран.

Отставание Болгарии, Польши, Югославии от уровня экономического развития ведущих капиталистических государств, серьезная зависимость экономики Чехословакии от внешних рынков, острота классовых, социальных, а в Польше, Югославии и Чехословакии и национальных противоречий, нестабильность международного положения всех этих государств в рамках Версальской системы предопределяли неустойчивость правительственных комбинаций, вели к тому, что господствующие классы этих

стран уже в 20-е годы начинают вступать на путь отказа от принципов буржуазного парламентаризма и, хотя и с разной степенью быстроты и интенсивности, искать возможность осуществления своей власти с помощью все более неприкрытого насилия.

В Болгарии уже в 1923 г. был совершен государственный переворот, в результате которого к власти пришли фашистские группировки болгарской буржуазии. Был принят так называемый закон о «защите государства», направленный против революционного движения. На основании его была запрещена компартия и подверглись преследованию все прогрессивные массовые организации.

Разгул реакции в 1923—1925 гг. принял невиданные ранее масштабы. Только в течение двух лет было физически истреблено около 30 тыс. человек. Так правящие круги рассчитывали преодолеть кризис буржуазного государства, разразившийся под воздействием идей Октября.

В Польше майский переворот 1926 г. означал переход правящих классов этой страны от буржуазного парламентаризма к диктаторскому правлению, хотя этот переход и был замаскирован сохранением многих атрибутов прежнего политического устройства: оставались в силе конституция, сейм, сенат, институт выборного президента, продолжала действовать и многопартийная система. На нелегальном положении по-прежнему находилась только Коммунистическая партия, связанные с ней организации преследовались. Известная стабилизация экономики в первые годы после переворота и определенный спад массовых выступлений трудящихся, разобщенность отдельных групп оппозиции способствовали упрочению пришедшей к власти группировки.

6 января 1929 г. югославский король Александр, опираясь на реакционные круги буржуазии, прежде всего сербской, а также на армию, при поддержке внешней реакции совершил государственный переворот. Была отменена Видовданская конституция 1921 г., распущена Народная скупщина, запрещены все политические партии и организации¹. Коммунистическая партия была поставлена вне закона еще в 1920 г. Абсолютистский, диктаторский режим в Югославии был установлен в условиях резкого обострения национальных и классовых противоречий, что поставило под угрозу гегемонию великосербской буржуазии и могло вылиться в серьезные социальные конфликты. С помощью диктатуры, методами кровавого террора югославская правящая верхушка рассчитывала покончить с рабочим и национально-освободительным движением, уничтожить компартию и таким образом добиться стабилизации внутривнутриполитического положения.

Господствующие классы Чехословакии на протяжении 20-х годов, хотя и сохраняли в основном нетронутыми важнейшие атрибуты формальной буржуазной демократии, в свою очередь не преминули встать на путь нарушения конституционных норм, ограничений демократических прав и свобод, завоеванных народом в годы послевоенного революционного подъема. Уже в 1923 г. парламент утвердил закон об «Охране республики», предоставлявший властям неограниченные возможности преследовать прогрессивные организации и печать. Во второй половине 20-х годов избирательных прав были лишены военнослужащие, существенно ограничены избирательные права населения при выборах в местное самоуправление, проведена реформа административного управления, расширившая полномочия полицейско-бюрократических органов, давшая право полиции применять оружие против демонстрантов и стачечников.

¹ См. F. Culinović. Jugoslavija između dva rata, knj. II. Zagreb, 1961, s. 7—14.

Полицейские пули и тюремные камеры не раз еще становились главным аргументом всех правительств этой, как тогда говорили, «стреляющей демократии» в ходе классового диалога с собственными трудящимися.

Таким образом, тенденция к изменению, обострению форм классового господства в годы частичной и относительной стабилизации капитализма, хотя и в разной степени, прослеживается и в монархических, и в республиканских, буржуазно-помещичьих и буржуазно-демократических режимах рассматриваемого региона.

Новая политическая обстановка стала складываться в период самого разрушительного в истории капитализма экономического кризиса, начавшегося в 1929 г.

Обострив все противоречия империализма, он породил социальную и политическую неустойчивость, побудившую буржуазию искать пути укрепления своего господства средствами открыто террористической диктатуры. На мировую политическую арену как главная сила крайней реакции вышел фашизм — течение, в котором переплелись воедино тенденции к установлению тотальной системы государственно-монополистического регулирования хозяйства с антикоммунизмом, с подавлением всякой демократии.

Несмотря на различия в уровне экономического развития (Болгария и Югославия были преимущественно аграрными странами со слабо развитой промышленностью и преобладанием сельскохозяйственного населения, соответственно — 73,2% и 76,3%²; Польша — аграрно-промышленной страной также с перевесом сельскохозяйственного населения — 60,6%³; Чехословакия, хотя и была развитым промышленным государством, однако ее национальные окраины — Словакия и Закарпатская Украина — резко отставали от уровня развития Чешских земель⁴) и связанные с этим особенности экономического кризиса, в рассматриваемых странах можно выделить некоторые общие черты, имевшие важные экономические и социально-политические последствия. Общей для всех названных стран была зависимость их экономики от иностранного капитала, отлив которого в кризисные годы усугублял дезорганизацию хозяйственного механизма.

Массовая безработица, охватившая в Чехословакии и Польше почти треть промышленных рабочих, резко возросшая в Югославии и Болгарии, прогрессировала здесь и в последующие годы более благоприятной экономической конъюнктуры⁵.

Наряду с этим наблюдалось усиление земельного голода и аграрного перенаселения, ускорение классового расслоения и пролетаризации деревни.

Переплетение промышленного и аграрного кризиса резко обострило противоречия между различными группировками банковского, промышленного и аграрного капитала. Тяготы кризиса легли прежде всего на трудящихся города и деревни, национальных меньшинств и окраин, выз-

² «Статистически годишник на Царство България. 1938». София, 1938, стр. 42—43; M. Mirković. *Ekonomska historija Jugoslavije*. Zagreb, 1968, s. 306.

³ «Mały rocznik statystyczny 1939». Warszawa, 1939, s. 31—32.

⁴ В Чешских землях сельскохозяйственное население составляло 25,6%, в Словакии — 58,5% («Statistická ročenka Republiky Československé». Praha, 1938, s. 15).

⁵ V. Průcha. *Vliv výkyvů v zaměstnanosti na nomimální mzdu průmyslového delnictva v předmnichovském Československu*. «Sbornik historický», 1968, t. XVI, s. 128; Z. Landau, J. Tomaszewski. *Robotnicy przemysłowi w Polsce 1918—1939*. Warszawa, 1971, s. 512—513; Л. Б е р о в. Положението на работничката класа в България при капитализма. София, 1968, стр. 108; S. Dimitrijević. *Privredni razvitak Jugoslavije od 1918—1941 v. godine*. Beograd, 1962, s. 146—151.

вав бурный подъем рабочего, крестьянского, а в странах с многонациональным составом и национального движения.

Гитлеровская Германия, где все элементы фашистской диктатуры были представлены в наиболее концентрированном виде, служила примером для империалистической реакции, охотно заимствовавшей нацистские методы правления.

«Тенденция к фашистской форме правления прослеживается повсюду»⁶, — отмечал П. Тольятти в лекциях, прочитанных им в январе — апреле 1935 г. для итальянских коммунистов — слушателей международной ленинской школы в Москве.

Рассматриваемые нами страны не были исключением. В Болгарии 19 мая 1934 г. офицерская организация «Военный союз» и группа «Звено» совершили новый военный переворот, содействовавший дальнейшей фашизации государственного строя Болгарии. Была отменена конституция, распущен парламент, запрещена всякая политическая деятельность, ликвидированы прежние профсоюзные центры. Против коммунистов и их сторонников были организованы судебные процессы.

Санационное правительство в Польше, защищая экономические интересы монополий и земельных магнатов, в годы кризиса широко применяло антирабочее законодательство. Целям подавления стачечного движения, а по размаху стачечной борьбы Польша занимала тогда одно из первых мест в мире, служили попытки подчинить государству профсоюзное движение. Для расправы с революционными силами были введены чрезвычайные полевые суды, а в 1934 г. по гитлеровскому образцу создан концентрационный лагерь в Березе Картуской, куда заключали коммунистов и других противников санационного режима. Разрабатывалась новая реакционная конституция.

В годы мирового экономического кризиса раскрылась антинародная сущность диктаторского режима в Югославии. Стремление эксплуататорских классов выйти из трудного экономического положения за счет трудящихся, непрекращавшиеся репрессии, усиление централизма в государственном управлении вызвали недовольство народных масс. Вместе с тем политика диктаторского режима, направленная на подавление национальной самобытности, вытеснение и ликвидацию отдельных национальных культур и языков, создавала благоприятную почву для действий различных ультраимпериалистических и сепаратистских элементов, связанных с иностранными империалистическими кругами.

Крупный монополистический капитал Чехословакии также усилил наступление на буржуазно-демократические институты. 9 июля 1933 г. были приняты закон о наделении чрезвычайными полномочиями президента и главы правительства, серия законов, дававших правительству право для сохранения «общественного спокойствия и порядка» действовать, не считаясь с конституцией. В октябре того же года был обнародован правительственный декрет «Об установлении периода, требующего усиленной охраны государства». Все более настойчиво звучали в чешском буржуазном лагере голоса, ратующие за коренную ревизию конституции, установление откровенной диктатуры правительства «сильной руки». Вслед за этим подняли голову реакционные сепаратистские, клерикальные и фашиствующие элементы в буржуазном лагере национальных меньшинств, ориентирующиеся на государства, заинтересованные в расчленении Чехословакии, и прежде всего на фашистскую Германию.

Таким образом, в Болгарии, Польше и Югославии носителями усилившихся под влиянием кризиса фашистских тенденций были ранее узур-

⁶ П. Тольятти. Лекции о фашизме. М., 1974, стр. 11.

пировавшие власть реакционные группировки, как правило, не располагавшие широкой социальной базой и насаждавшие фашистские методы сверху, главным образом административным путем. Важнейшим элементом интенсивной фашизации общественной жизни в этих странах являлись и оппозиционные режимам, зачастую влиятельные партии, а также организации открыто фашистского толка.

В Польше в 30-е годы эти течения были представлены националистической польской партией «Стронництво народов», выделившейся из нее в 1934 г. откровенно фашистской организацией «Обуз народово-радыкальны» (ОНР) и позже — ОНР-«Фалагга», а также реакционными буржуазными партиями национальных меньшинств: нелегальной «Организацией украинских националистов» (ОУН), партией «Украинское народово-демократичне об'єднання» (УНДО), а также Младонемецкой партией и Новой сионистской организацией. В Югославии после государственного переворота 6 января 1929 г. активизировали свою деятельность прежние и возникли новые ультраправые фашистские и профашистские партии и организации — так называемая Югославская народная партия — «борбаши», Югославское народное движение — «Збор», «Культурбунд» и др. В Болгарии это были прежде всего — «Национал-социальное движение» А. Цанкова, «Национальные легионы», «Борцы за прогресс болгаризма».

Крайне правое крыло буржуазного лагеря в Польше и Югославии, имея определенное влияние в массах, способствовало фашизации общественно-политической жизни, создавая опасность тотализации по примеру «классического» фашизма. Болгарской реакции в течение 1934—1935 гг. удалось значительно приблизиться к этому образцу.

Носителями тенденций фашизации политической жизни в Чехословакии являлись главным образом правые круги чешских аграриев и национальных демократов, стремившиеся не только использовать в своих целях группировки чешских фашистов («Чешская национальная фашистская община» возникла уже в середине 20-х годов), но и наладить сотрудничество с прямой агентурой гитлеровцев в Чехословакии — генлейновским Судето-немецким фронтом, словацкими клерофашистами, польскими, венгерскими и украинскими сепаратистами. В 1931—1935 гг. национально-демократической партии, крупнейшей партии чешского промышленного капитала, удалось сплотить вокруг себя чешские националистические организации явно фашистского толка — «Национальную лигу» и «Национальный фронт», создав политический блок — так называемое Национальное объединение, в задачи которого входила подготовка массовой базы для будущего фашистского режима.

В странах Центральной и Юго-Восточной Европы источником фашистской опасности были не только силы внутренней реакции. Гитлеровские экспансионистские планы представляли прямую угрозу существованию таких государств, как Польша и Чехословакия. Активизация реваншистских тенденций в Европе в целом угрожала Югославии как единому государству. В случае же утверждения прогерманской ориентации реакционных правительств Польши, Югославии и Болгарии реальной становилась перспектива фактической утраты независимости их народами.

Поиски эффективных форм борьбы против фашизации государственно-го строя, против фашистской опасности, исходившей от правых экстремистов и сепаратистов, защита от угрозы военной агрессии и других форм внешней империалистической экспансии — таковы были насущные задачи компартий этих стран. Правящие клики Болгарии, Польши и Югославии, не имея сил полностью разрушить организации рабочего класса, направили свой главный удар на его коммунистический авангард. Революционная деятельность преследовалась законом, коммунистов и членов

других рабочих организаций терроризировали боевики из фашистских групп.

Загнанные в глубокое подполье, эти партии, однако, не только сохранились как организационное целое, но и активно вели борьбу против реакции, за насущные интересы трудящихся, нацеливая их на крупные выступления против капитала.

Перед трудящимися Чехословакии стояла задача преградить путь внутренним фашистским силам, защитить национальные и демократические завоевания народов от прямой угрозы внешней агрессии. Решение этой задачи было, однако, существенно затруднено вследствие широкого похода, начатого осенью 1933 г. «демократией сильной руки» против Коммунистической партии и находившихся под ее влиянием общественных организаций. Фактически партия была поставлена в полулегальное положение. Однако, несмотря на то что связи руководства с местными организациями партии были затруднены, значительно сократилось число ее членов, партия, сочетая легальные и нелегальные методы работы, развернула эффективную деятельность по сплочению рядов рабочего класса для борьбы против фашистской опасности.

Углубление и обострение противоречий капитализма, быстрая поляризация политических сил, широкое наступление монополистического капитала и его головного отряда — фашизма на демократические права масс выдвигали на первый план задачи общедемократического характера, задачи антифашистской и антимонополистической борьбы, в успехе которой был заинтересован не только рабочий класс, но и самые широкие слои народа.

Возглавляя и направляя революционную борьбу трудящихся масс своих стран, коммунисты в течение известного времени продолжали считать своей ближайшей целью подготовку пролетариата непосредственно к социалистической революции. Лозунг диктатуры пролетариата, верный как конечная цель борьбы, не отвечал, однако, той изменившейся конкретной ситуации, которая сложилась в капиталистическом мире и требовала сосредоточения всех усилий первоначально на решении общедемократических, антифашистских задач. отождествление буржуазно-демократических и фашистских методов и режимов мешало компартиям реалистически оценить и использовать противоречия между демократией и фашизмом, громадные возможности, открывшиеся для вовлечения в борьбу с империалистической реакцией самых широких слоев трудящихся. Коммунисты ошибочно полагали также, что в новых условиях есть еще больше, чем прежде, оснований рассматривать социал-демократию, защищавшую буржуазно-парламентские режимы, как основную социальную опору буржуазии.

КПН вела упорную борьбу против санационного режима, гнета и насилия буржуазии и помещиков. В оценке VI съездом КПН в 1932 г. последствий кризиса и общей ситуации в Польше доминировал лишь один момент — обострение противоречий между буржуазией и пролетариатом. Съезд констатировал, что «Польша подходит непосредственно к революционному кризису»⁷, хотя на самом деле пролетариат вел уже не наступательные, а оборонительные бои. В формулировке демократической программы съезд ограничился постановкой нерешенных задач буржуазно-демократической революции, не учитывая, что ликвидация режимом санации политических и социальных прав народных масс значительно расширила объем грядущих общедемократических преобразований. Отсюда следовала необоснованная оценка демократической оппозиции и партий центра как опоры санационного режима. КПН продолжала придерживаться

⁷ KPP. Uchwały i rezolucje, t. III. Warszawa, 1956, s. 367—368.

ошибочных взглядов о якобы фашистском характере социалистических и крестьянской партий и вплоть до середины 1934 г. следовала установка, согласно которой первый удар пролетариат должен направить против них.

Государственный переворот 6 января 1929 г. застал Коммунистическую партию Югославии в процессе идейной и организационной консолидации, в борьбе с беспринципной фракционностью. КПЮ явилась единственной организационной политической силой в стране, которая решительно выступила против нового режима, охарактеризовав его как военно-фашистскую диктатуру, и призвала трудящихся к немедленному вооруженному восстанию⁸. В неравной борьбе героически погибли сотни коммунистов и комсомольцев; крупнейшие организации КПЮ были разгромлены. Численность компартии резко сократилась.

Организационная слабость КПЮ, недооценка борьбы за частичные требования трудящихся, сектантское отношение к другим оппозиционным группировкам, непонимание всей сложности и исторической обусловленности постановки национального вопроса⁹ — все это создавало большие трудности для упрочения связи партии с массами.

БКП в условиях непрекращавшихся арестов продолжала спланировать свои ряды и создавать опорные пункты среди народа. Активную работу проводила руководимая БКП рабочая парламентская группа. Она вела борьбу за амнистию, против реакционных законов и террора властей, за улучшение материального положения трудящихся. Росту авторитета и влияния БКП способствовало героическое поведение Г. Димитрова на Лейпцигском процессе. Сделав необоснованный вывод о том, что военно-фашистский переворот поставил на повестку дня осуществление социалистической революции, ЦК БКП призвал народные массы к всеобщей политической стачке и вооруженной борьбе за установление в Болгарии Советской власти и диктатуры пролетариата. Такие, не соответствовавшие реальной обстановке политических сил в стране и настроению и готовности масс, лозунги не могли мобилизовать широкие слои народа на антифашистскую борьбу¹⁰.

КПЧ, после V съезда активизировавшая всю свою деятельность и добившаяся крупных успехов в организации борьбы рабочего класса, также не сразу смогла оценить новую расстановку классовых сил, четко определить характер противоречий в буржуазном лагере. Ряд установок и лозунгов КПЧ уже не соответствовал изменившейся обстановке, не содействовал расширению социальной базы антифашистского движения. Это, в частности, относится к лозунгам, выдвинутым январской конференцией КПЧ 1934 г. («Единственное спасение — Советы», «Против единого фронта фашизма — единый фронт коммунизма»)¹¹, и к позиции, занятой компартией на президентских выборах в мае 1934 г. и выраженной, в частности, в листовке «Не Масарик, а Ленин» и др.¹².

Преобразование фашизма в международную опасность требовало от коммунистов решительных действий для достижения единства рабочего класса. Коминтерн и его секции стали настойчиво искать реальные пути сплочения всех прогрессивных сил для отпора фашистскому наступлению. Поражение германского рабочего класса стало уроком и для рядовых социал-демократов, среди которых усилилась тяга к сотрудничеству с рабочими-коммунистами.

⁸ «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963, стр. 165.

⁹ См., например, «Proleter», № 28, decembar 1932; № 1, januar 1933.

¹⁰ В. К о л а р о в. Избрани произведения. София, 1955, стр. 309—310.

¹¹ «K 50 výročí vzniku KSČ». Praha, 1971, s. 102.

¹² «Za chleba, práci, půdu a svobodu». Praha, 1954, s. 401—403.

5 марта 1933 г. Исполком Коминтерна обратился с воззванием к рабочим всех стран, в котором выдвигалась конкретная боевая программа антифашистской борьбы коммунистических и социалистических партий¹³. Существенно новым в документе было то, что коммунисты предлагали соглашения на уровне руководства партий, тогда как прежде речь велась о единстве только снизу.

Из подполья звучал призыв польских коммунистов к антифашистскому единству рабочего класса. После мартовского обращения Исполкома Коминтерна ЦК КПП направил руководствам ППС, Бунда и других социалистических партий открытое письмо «К рабочим, трудящимся, бедным крестьянам Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии», в котором предлагал выступить единым фронтом за сохранение организаций рабочего класса, политических свобод, призывал бороться за отмену полевых судов, освобождение политических узников, используя массовые собрания, демонстрации, политические забастовки вплоть до всеобщей стачки¹⁴.

Переход Коммунистической партии Югославии к новой ориентировке проходил одновременно с восстановлением и укреплением ее организаций. Важным шагом в расширении связей с массами было принятое руководством КПЮ в середине 1932 г. решение о вступлении коммунистов в реформистские профсоюзы¹⁵. Больше внимания стало уделяться повседневным интересам трудящихся.

Весной 1933 г. руководство КПЮ через свой печатный орган — газету «Пролетер» призвало социалистов к единству действий против фашизма и реакции, в защиту конкретных требований трудящихся: регулярной выплаты заработной платы и ее повышения, помощи безработным, борьбы за гражданские свободы¹⁶.

14 марта 1933 г. ЦК КПЧ в свою очередь обратился к руководству чехословацкой и немецкой социал-демократических партий, а также национально-социалистической с письмом, призвав к совместным действиям против угрозы фашизма¹⁷. В марте же ЦК КПЧ предложил реформистским партиям совместно добиваться от чехословацких властей предоставления права политического убежища для германских антифашистов. Как известно, все социалистические партии, к которым обращались коммунисты, под различными предлогами отклонили предложение о создании единого антифашистского фронта. Однако коммунисты не прекратили поисков путей сплочения рабочего класса. Так, руководство КПЧ в апреле 1933 г., а также ЦК Французской и Английской коммунистических партий обратились в ИККИ с предложением обсудить вопрос о единстве действий в рамках отдельных стран с руководством Социалистического рабочего интернационала¹⁸, и, хотя предложение это не было осуществлено, сближение рабочих социалистов, социал-демократов и коммунистов нашло свое практическое воплощение и в так называемом амстердамско-плейельском движении, и в международной кампании в защиту Г. Димитрова и его товарищей на Лейпцигском процессе, и, наконец, в усилении левых течений в реформистских партиях ряда стран.

Но в первое время коммунистическое движение ставило новые тактические задачи антифашистской борьбы в рамках прежней стратегии немед-

¹³ «Правда», 1933, 6 марта.

¹⁴ «Nowy Przegląd», 1933, № 3—4, s. 123—125.

¹⁵ «Преглед историје СКЈ», стр. 186.

¹⁶ «Proleter», № 4, april 1933.

¹⁷ «История Чехословакии», т. 3. М., 1960, стр. 265.

¹⁸ «Коммунистический Интернационал». Краткий исторический очерк. М., 1969, стр. 354.

ленной социалистической революции. Вывод о том, что для успешной борьбы против фашизма необходим стратегический поворот, нужна новая политическая ориентация, предусматривавшая антифашистскую фазу борьбы, вызревал в коммунистическом движении постепенно, на основании опыта его национальных отрядов, обобщавшегося руководством Коминтерна в единую концепцию. Этот процесс развивался особенно интенсивно в 1934 г., в ходе подготовки к VII конгрессу Коминтерна¹⁹.

Компартия Польши уже к осени 1934 г. достигла реальных результатов работы по-новому. С середины этого года единый фронт стал играть заметную роль в практике польского рабочего движения. Широкое распространение получила посылка делегатов-коммунистов на собрания организаций ППС и Бунда. В мае — июне коммунисты по согласованию с молодежными организациями ППС в Варшаве оказали организованный отпор налетчикам из фашистской ОНР; затем вместе с социалистами на местах было развернуто движение протеста против попыток правительства «унифицировать» по образцу Италии и Германии профсоюзные организации²⁰. Одновременно с этим переговоры о сотрудничестве коммунистов и социалистов, во многих случаях успешные, проходили на уровне районных и окружных организаций обеих партий в таких важных промышленных центрах, как Варшава, Лодзь, Верхняя Силезия²¹.

Одними из первых в коммунистическом движении вслед за ФКП польские коммунисты стали подходить к пониманию необходимости расширения политики единого фронта на антифашистской основе и вовлечения в него широких непролетарских масс. Представитель КПП в Исполкоме Коминтерна Б. Бронковский еще в июне 1934 г. выступил за включение в единый фронт непролетарских слоев — крестьянства, мелкой буржуазии, кустарей, служащих, — подчеркивая, что важно «учитывать их конкретные пожелания и требования, помогать бороться за них, несмотря на то, что эти элементы политически еще незрелы»²².

В сентябре 1934 г. была издана брошюра генерального секретаря КПП Ю. Ленского «Правда о едином фронте»²³, в которой нашла отражение теоретическая разработка партией вопросов единства рабочего класса на антифашистском, общедемократическом этапе революционного процесса. В брошюре получила дальнейшее развитие идея широких антифашистских, демократических союзов. «Единый фронт, — говорилось в ней, — поднимет роль пролетариата как руководителя миллионных масс крестьянства, угнетенных народов и обнищавшей мелкой буржуазии в борьбе с монополистическим капиталом, фашизмом, империализмом»²⁴.

Вскоре после того, как французские коммунисты в октябре 1934 г. выдвинули лозунг народного фронта, КПП официально заявила, что образование народного фронта, боевого союза всех пролетарских сил, крестьянства, городской мелкой буржуазии, национально-освободительного движения, является главной задачей партии. В статье Ю. Ленского «За широкий антифашистский фронт» в ноябрьском номере теоретического органа КПП «Новы пшеглэнд» подчеркивалось, что «единый фронт пролетариа-

¹⁹ К. К. Ш и р и н я. Вклад Г. Димитрова в разработку новой ориентировки Коминтерна в 30-е годы. Сб. «Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец». М., 1974, стр. 139—163.

²⁰ «Robotnik», 31 V, 1 VI 1934; F. K a l i c k a. Z zagadnień jednolitego frontu KPP i PPS w latach 1933—1934. Warszawa, 1967, s. 384.

²¹ «Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964», t. I. Warszawa, 1967, s. 476—477.

²² F. K a l i c k a. Z zagadnień jednolitego frontu..., s. 343.

²³ J. L e Ń s k i. Prawda o jednolitym froncie. «O front ludowy w Polsce 1934—1937». Warszawa, 1956, s. 1—37.

²⁴ Ibid., s. 34—35.

та и антифашистский народный фронт — фронт борьбы миллионных масс против фашизма и войны — вот сегодня главное звено нашей тактики»²⁵.

В целом же переход КПП к новой ориентации оказался сложным процессом. Ошибочные и устаревшие представления и формулировки уживались еще некоторое время со смелыми положениями новой политической линии. Так, наряду с выдвижением на первый план антифашистских общедемократических задач свержение санационного режима в некоторых документах КПП еще связывалось непосредственно с социалистической революцией и образованием Республики Советов²⁶.

Лишь постепенно уточнялся подход к национальному вопросу. По-прежнему борясь за свободу и самоопределение угнетенных польским империализмом народов и разоблачая антисоветские замыслы мировой реакции и фашизма, КПП стала обращать внимание на опасность для самой Польши гитлеровских планов агрессии. «Поддерживаемая санацией политика экспансии германских империалистов на Советский Восток, — писал в июне 1935 г. Ю. Ленский, — будет проводиться ценой крови миллионных масс польского народа и вассальной зависимости Польши от гитлеровской Германии»²⁷.

Не свободным от противоречий оставалось и отношение к потенциальным союзникам коммунистов в едином фронте. Порой их еще продолжали считать основной опорой буржуазии, в связи с чем внимание концентрировалось на признаках «разложения» внутри ППС и СЛ²⁸. Однако КПП постепенно избавлялась от сектантского отношения к левым течениям в этих партиях.

Свои призывы к единству действий КПП адресовала теперь не только к рядовым социалистам, как это было раньше, но и к центральным инстанциям социалистических партий, реально считаясь с их влиянием, а также учитывая настроения в пользу единого фронта в массах социалистов и значительной части руководящего состава. Последнее заставляло правое руководство ППС, в принципе враждебное идее единого фронта, все чаще вступать в контакты с коммунистами при проведении крупных политических мероприятий пролетариата, примером чему стала конференция рабочих делегатов Варшавы в феврале 1935 г. Осенью 1934 г. ЦК КПП вел переговоры о едином фронте с ЦК Бунда²⁹.

Некоторые изменения в политической обстановке произошли в связи со смертью Пилсудского в мае 1935 г. Утрату лидера, обладавшего значительным личным авторитетом, правящий лагерь пытался восполнить мерами по дальнейшему сосредоточению власти в своих руках. Вслед за незаконно проведенной через сейм в апреле 1935 г. новой антидемократической конституцией был принят реакционнейший избирательный закон, направленный по существу против самого принципа многопартийности.

КПП в ходе кампании против этих реакционных нововведений и бойкота оппозицией выборов вновь обратилась к социалистическим и крестьянским партиям, профсоюзным и молодежным организациям с предложением о создании народного фронта³⁰. Тогда же коммунисты конкретизировали свое отношение к задачам общедемократической стадии борьбы, заявив, что готовы поддержать лозунг учредительного собрания, созданного путем демократических выборов³¹.

²⁵ J. L e Ń s k i. O szeroki front antyfaszystowski. «O front ludowy w Polsce», s. 61.

²⁶ «Dokumenty Komunistycznej Partii Polski 1935—1938». Warszawa, 1964, s. 14.

²⁷ J. L e Ń s k i. Na drodze do antyfaszystowskiego frontu ludowego. «O front ludowy w Polsce», s. 118.

²⁸ «Dokumenty KPP...», s. 15.

²⁹ «Historia polskiego ruchu robotniczego...», t. I, s. 477—478.

³⁰ «Dokumenty KPP...», s. 28—31, 45—47.

³¹ «Dokumenty KPP...», s. 44.

Поставленный по-новому вопрос об отношении к реформистским и мелкобуржуазным партиям, гибкость в выборе форм сотрудничества не замедлили сказаться. Между КПП и ППС впервые был установлен контакт на уровне центральных руководств. Переговоры, проходившие в период работы VII конгресса Коминтерна, завершились заключением соглашения, предусматривавшего ряд совместных выступлений общедемократического характера.

Осенью 1934 г. ЦК КПЮ, отметив недостаточную активность компартии в применении тактики единого фронта, рекомендовал использовать для достижения единства более разнообразные и гибкие формы. При этом подчеркивалась важность учета местных условий³². Опираясь на опыт польских коммунистов, руководство КПЮ рассматривало возможность непосредственного обращения подпольной компартии к легальной социалистической партии³³.

В ходе стачечных боев конца 1934 — начала 1935 г. были заложены основы единства действий рабочих различных профсоюзных объединений. Под лозунгами борьбы против внешней и внутренней реакции компартия Югославии вела работу по сплочению непролетарских слоев населения. Была организована кампания за освобождение политзаключенных, выдвинут лозунг широкого антивоенного фронта³⁴.

Некоторые новые моменты, связанные с оценкой ближайших задач партии, нашли отражение в документах IV Всеюгославской конференции партии в декабре 1934 г. Были намечены пути расширения влияния КПЮ среди трудящихся, приняты решения о создании в ее рамках компартий Хорватии и Словении, о вступлении коммунистов в кооперативные и другие массовые крестьянские организации³⁵. Однако социал-демократы по-прежнему рассматривались как «главная опора фашистской диктатуры», а вся буржуазная оппозиция причислялась к лагерю реакции³⁶. Решения конференции по этим вопросам означали шаг назад по сравнению с тем, что уже делалось партийными организациями на практике.

Пережитки сектанства подверглись критике в резолюции «О ближайших задачах КПЮ» и «Внутреннем письме Секретариата ИККИ к ЦК КПЮ», принятых Политкомиссией ИККИ в марте 1935 г. Важнейшей задачей КПЮ, говорилось в резолюции, является создание широкого антифашистского народного фронта. Его основа — союз рабочего класса с трудящимся крестьянством и угнетенными народами, а конечная цель — свержение военно-фашистской диктатуры³⁷.

В ходе подготовки к парламентским выборам 1935 г. компартия Югославии предприняла первую попытку образовать избирательный блок вместе с другими демократическими силами. Однако переговоры с руководством социалистической партии, левыми земледельцами и лидером Хорватской крестьянской партии В. Мачеком, возглавлявшим тогда блок буржуазной «Объединенной оппозиции», не дали результатов³⁸. Тем не менее широкая политическая пропаганда, развернутая КПЮ в период предвы-

³² ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 636, л. 43—48.

³³ Там же, л. 44.

³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 20.

³⁵ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. II. Београд, 1949, стр. 220—268.

³⁶ Там же, стр. 223.

³⁷ Там же, стр. 346.

³⁸ M. B o s i ć. Aktivnost Komunističke partije Jugoslavije na stvaranju Jedinствене radničke partije. 1935 godine. «Istorija radničkog pokreta», № 3, Beograd, 1966, s. 133—140.

борной борьбы, создание совместных комитетов, сбор подписей под списками кандидатов содействовали сплочению различных слоев населения вокруг платформы КПЮ.

Успехи и недостатки в борьбе компартии за единый пролетарский и широкий народный фронт были проанализированы на Пленуме ЦК КПЮ, состоявшемся в июне 1935 г. в Сплите³⁹. С докладом «О фронте народной свободы» на Пленуме выступил член ЦК КПЮ Б. Парович. Важнейшими составными частями Фронта народной свободы в Югославии, отмечалось в докладе, должны стать: Коммунистическая партия как руководящая сила, объединенные профсоюзы, крестьянское движение, национально-революционное движение и все прогрессивные массовые организации⁴⁰. Пленум рекомендовал приступить к повсеместному формированию легальных комитетов профсоюзного единства и контактных комиссий на производстве.

В целом к середине 1935 г. КПЮ добилась реальных успехов в укреплении связей с массами. Благодаря деятельности коммунистов в массовых организациях, партия разрывала оковы нелегальности и выходила на арену открытой политической борьбы. Вместе с тем еще не были до конца изжиты левосектантские взгляды, что сказывалось в профсоюзной политике партии, в отношении к потенциальным союзникам и их организациям, в упрощенном толковании национального вопроса, вследствие чего недооценивалась угроза внешней экспансии и опасность националистической пропаганды сепаратистских фашистских организаций внутри страны.

Весьма сложным был процесс политической переориентации БКП. Здесь положение усугублялось тем, что между руководящими органами компартии — Заграничным бюро ЦК БКП, находившимся в эмиграции, и внутриболгарским ЦК — выявились существенные разногласия во взглядах на формы и методы антифашистской борьбы компартии и на ее политический курс в целом.

Мелкобуржуазная стихия, воздействие которой на партию в значительной степени обуславливалось структурой болгарского пролетариата, среди которого процент промышленных рабочих был относительно невелик, явилась питательной средой для оппортунистического уклона в деятельности БКП⁴¹. Поэтому дух сектантства и левачества глубоко укоренился в рядах БКП.

Костяк Заграничного бюро партии составляла замечательная плеяда революционеров, таких как Г. Димитров и В. Коларов, прошедших через горнило антифашистских боев 20-х годов, глубоко овладевших марксистско-ленинским учением и творчески подходивших к его применению сообразно конкретно-исторической обстановке.

Летом 1934 г. Заграничное бюро повело решительную борьбу против левого оппортунизма в БКП. В июне — июле 1934 г. оно указывало на необходимость коренной перестройки всей деятельности партии, сосредоточения всех ее усилий на создании в стране широкого антифашистского народного фронта⁴².

³⁹ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 351—361.

⁴⁰ M. R a k i ć. Splitski plenum SK KPJ i stvaranje Narodnog fronta. «Pregled», № 5, Sarajevo, 1963, s. 371—372.

⁴¹ В. Коларов. Избрани произведения, т. II, стр. 342.

⁴² Тр. Ангелова. Ролята на Коминтерна и на Заграничното бюро на БКП за изграждането на единен антифашистки народен фронт в България до Седми конгрес на Коммунистическия Интернационал (1934—1935 г.). «Известия на Института по история на БКП», т. 12, стр. 204—206.

Положению в болгарской компартии было уделено исключительное внимание со стороны руководящих органов Коминтерна. Деятельность БКП и ее политический курс вслед за обсуждением в Заграничном бюро партии подверглись тщательному анализу в Балканском лендер-секретариате Коминтерна, а затем в Политсекретариате ИККИ⁴³. В результате в середине августа Политсекретариат ИККИ на своем чрезвычайном заседании принял резолюцию «БКП в связи с событиями 19 мая 1934 г.». В ней говорилось о необходимости полного осмысления компартией допущенных ошибок и устранения их в кратчайший срок. Важнейшей политической задачей болгарских коммунистов Политсекретариат считал «создание в городах и селах действительно широкого и единого фронта борьбы против фашизма»⁴⁴. Для осуществления этой задачи резолюция требовала от БКП изменить отношение к мелкобуржуазным и реформистским партиям — БЗНС и СДП, ранее характеризовавшимся коммунистами как фашистские⁴⁵.

В докладе «За решительный поворот в БКП», сделанном 28 марта 1935 г. перед болгарской эмиграцией в Москве, В. Коларов отмечал: «Нам предстоит период широкой массовой борьбы под знаменем народного антифашистского фронта, но еще не за пролетарскую диктатуру и Советскую власть, а за значительно более скромные требования — за демократические и другие свободы масс, за их хлеб и жизнь, за их самые насущные жизненные интересы, общие для всех трудящихся, независимо от того, — коммунисты ли они, социал-демократы, земледельцы или беспартийные»⁴⁶. Создание единого фронта всех антифашистских сил, продолжал далее В. Коларов, возможно лишь на основе платформы, которая была бы приемлема не только для компартии, но и для ее потенциальных союзников — БЗНС и СДП⁴⁷.

Однако к реализации поставленных в резолюции Политсекретариата ИККИ задач по созданию народного фронта БКП приступила лишь весной 1935 г., когда приверженцы левооппортунистической тактики были выведены из состава ЦК. Новое руководство начало переговоры о создании народного фронта и его платформе, о путях и методах антифашистской борьбы с лидерами СДП и крупнейших фракций БЗНС⁴⁸. Представители БКП заявляли о своей готовности поддержать на парламентских выборах блок этих партий и обещали им свое содействие при реализации демократической платформы⁴⁹.

В апреле 1935 г. руководству компартии удалось заключить соглашение об антифашистском сотрудничестве с левой фракцией БЗНС, однако земледельцы вскоре от него отказались⁵⁰.

Летом 1935 г. БКП, предлагая СДП и БЗНС сотрудничество в рамках народного фронта, пришла к выводу о возможности привлечения к нему и нефашистских партий⁵¹.

На пути к созданию народного фронта в стране новое руководство БКП сталкивалось с трудностями не только в ходе переговоров с партиями так

⁴³ Тр. Ангелова. Ролята на Коминтерна ..., стр. 206—207.

⁴⁴ «БКП в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК», т. III. София, 1954, стр. 322.

⁴⁵ Там же, стр. 322—324.

⁴⁶ В. Коларов. Избрани произведения, т. II, стр. 322.

⁴⁷ Там же, стр. 329—330.

⁴⁸ Стенографски дневници на 24 ОНС. I РС. София, 1938, стр. 360.

⁴⁹ Там же, стр. 363.

⁵⁰ «Работническата партия в България». Сборник от документи и материали София, 1966, стр. 420—422; Д. Петрова. БЗНС и Народният фронт (1934—1939). София, 1967, стр. 28—29.

⁵¹ Стенографски дневници на 24 ОНС. I РС, стр. 363.

называемой демократической оппозиции. Организация народного фронта тормозилась не преодоленными до конца левооппортунистическими доктринарскими взглядами среди коммунистов, продолжавших бороться — не редко жертвуя собой — за Советскую власть и еще не уяснивших смысла нового политического курса.

Поиски новых решений, первоначально в подходе к тактике единого рабочего фронта, а чем далее, тем энергичнее и в области общей стратегической концепции широкого народного антифашистского фронта, КПЧ начала еще в 1933 г. Мартовский (VII) пленум ЦК КПЧ 1933 г. принял решение предложить реформистским партиям совместные действия против фашизма и опасности войны, обратил внимание на необходимость чуткого, дифференцированного подхода к рабочим — членам социал-демократической и национально-социалистической партий ⁵².

Преодолевая рецидивы сектанства, партия начинает настойчиво искать пути объединения демократических сил. IX пленум ЦК КПЧ (июль 1934) констатировал, что прежняя политическая платформа чрезмерно узка и не в состоянии объединить всех трудящихся на борьбу с фашизмом, и нацелил партию на расширение социальной базы массового антифашистского движения, включающего прежде всего рабочих, независимо от их политической принадлежности ⁵³.

По инициативе КПЧ широкий размах в конце 1933 — начале 1934 г. получило движение за создание комитетов единого антифашистского фронта, в которые входили представители различных политических партий и организаций. Проведенный в мае 1934 г. нелегальный съезд сторонников единого антифашистского фронта избрал общегосударственный комитет и принял манифест, излагавший задачи борьбы против фашизма и войны ⁵⁴. Жизненность политической ориентировки на сплочение демократических и антифашистских сил продемонстрировали и июньские события 1934 г., когда в ответ на провокационные выступления чешских фашистов, вначале в Праге, а потом по всей стране прошли мощные антифашистские манифестации, митинги и стачки.

Важной вехой на пути разработки новой политической линии партии стал X пленум ЦК КПЧ (ноябрь 1934), выдвинувший идею боевого сотрудничества коммунистической, социал-демократической и национально-социалистической партий, указавший на необходимость привлечения широких слоев крестьянства и трудящихся, угнетенных наций к борьбе против угрозы фашизма и расчленения республики ⁵⁵.

Результаты парламентских выборов 1935 г. показали всю серьезность перегруппировки политических сил, происходящей в стране. Несмотря на то, что планы крайней реакции, рассчитывавшей похоронить буржуазную демократию, не осуществились, реальность фашистской опасности, особенно в некоторых национальных районах, стала совершенно очевидной. Именно поэтому КПЧ, опираясь на успехи, достигнутые ею в ходе выборов, вновь обратилась к социал-демократам и национальным социалистам с предложением о совместных действиях ⁵⁶. Хотя и на этот раз предложение коммунистов было отвергнуто руководством реформистских партий, идея антифашистского единства находила все более широкий отклик

⁵² См. «Rozviňme velký zápas o sjednocení dělnictva proti fašismu, hladu a válce», Praha, 1933.

⁵³ K. Gottwald. Spisy, sv. V, s. 208—263.

⁵⁴ К. Готвальд. Избр. произведения, т. I. М., стр. 380.

⁵⁵ «Na obranu republiky proti fašismu a válce». Sb. dokumentu k dějnam KSC. Praha, 1955, s. 15—36.

⁵⁶ Ibid., s. 63—73.

среди рядовых членов социал-демократической и национально-социалистической партий.

В результате совместных усилий коммунистических партий, в том числе и партий рассматриваемого нами региона, руководящих органов Коминтерна, в которых активно и плодотворно работали выдающиеся представители польского, болгарского, чехословацкого и югославского коммунистического движения, постепенно пересматривались устаревшие или неверные установки, препятствовавшие объединению всех миролюбивых демократических и антифашистских сил, и, на основе творческого применения ленинских идей, выработывалась новая политическая ориентация.

VII конгресс Коминтерна открылся в Москве 25 июля 1935 г. и продолжался почти месяц, до 21 августа.

Компартии Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии были представлены авторитетными делегациями, выступления которых содержали критический анализ предшествующей деятельности их партий, отражали новые процессы в коммунистическом движении, развивали и конкретизировали применительно к условиям своих стран принципы новой стратегии и тактики.

Польская делегация констатировала первоочередность общедемократических задач и особую актуальность народного фронта в Польше, где наряду с широкой борьбой пролетариата развернулось массовое крестьянское и национально-освободительное движение. Его эффективность в целом зависела от того, сумеют ли коммунисты слить воедино главные революционные потоки и направить их объединенные силы на свержение санационного правительства.

Аналогичные выводы сделала делегация КПЮ, заявив, что народный фронт в Югославии должен объединить три основные силы — рабочий класс, крестьянство и угнетенные народы. В постановлении Политбюро ЦК КПЮ, принятом в Москве 1 августа 1935 г., намечались конкретные пути создания народного фронта через сотрудничество КПЮ с Хорватской крестьянской, Земледельческой, Демократической партиями, независимыми демократами и даже вовлечение в народный фронт демократических элементов из правящей партии — Югославского радикального союза⁵⁷.

Следует отметить, что в то время как представители некоторых компартий, оставаясь в плену старых представлений, доказывали, что антифашистские, демократические преобразования в их странах могут и должны проводить лишь советские правительства диктатуры пролетариата⁵⁸, польские, югославские и болгарские коммунисты заявили о готовности поддержать любое антифашистское правительство, способное осуществить программу народного фронта⁵⁹.

Более того, компартия Польши еще до конгресса, в ходе борьбы против реакционной конституции и фашистского избирательного закона, выдвинула лозунг учредительного собрания, органически связав его с платформой народного фронта. Польские коммунисты считали маловероятным непосредственный переход к диктатуре пролетариата после падения режима санации и предвидели «различные варианты переходных правительств вплоть до правительства народного фронта с участием Стронництва людового». Генеральный секретарь КПЮ. Ленский подчеркивал, что такой путь может оказаться наиболее вероятным для Польши, где КПП «нелегальна,

⁵⁷ «Исторически архив КПЮ», т. II, стр. 368, 371.

⁵⁸ К. К. Ш р и н я. Вклад Г. Димитрова в разработку новой ориентировки Коминтерна в 30-е годы, стр. 151.

⁵⁹ «Коммунистическая партия Польши — за антифашистский народный фронт». М., 1935, стр. 24—26; В. К о л а р о в. Избрани произв., т. II, стр. 378; «Исторически архив КПЮ», т. II, стр. 373—374.

и преобладающее влияние на рабочий класс имеют социалистические партии, а Стронництво людове ведет за собой огромную массу трудящегося крестьянства»⁶⁰. Этот вывод польской делегации, очевидно, лег в основу более широкого обобщения, сформулированного Г. Димитровым в заключительном слове на конгрессе, о том, что в таких странах, как Польша, «движение общенародного фронта может даже обгонять движение рабочего фронта»⁶¹.

Делегация БКП, сообразуясь с особенностями социально-политического развития Болгарии, большим политическим весом Болгарского земледельческого народного союза и слабостью позиций социал-демократии в рабочем движении, подчеркивала, что судьба народного фронта в стране будет зависеть в первую очередь от готовности рядовых членов и руководства крестьянской партии участвовать совместно с БКП в антифашистской борьбе⁶².

В своих выступлениях на конгрессе представители КПЧ — К. Готвальд, А. Запотоцкий, Я. Шверма и другие подчеркнули, что объединение всех демократических и патриотических сил страны становится важнейшей задачей в борьбе за сохранение независимости Чехословацкой республики, против угрозы фашизма. Компартия, отметил К. Готвальд, стремится к боевому сотрудничеству со всеми социалистами в целях сохранения мира, решительно выступает в поддержку миролюбивой внешней политики СССР. Перед лицом угрозы демократии со стороны фашизма, заявил Готвальд, коммунисты самоотверженно будут защищать от него «существующую республику»⁶³.

Указывая единственно реальный и действенный путь защиты трудящихся всех наций республики от фашистского порабощения, коммунисты, заявил с трибуны конгресса Я. Шверма, в то же время подчеркивают, что «оборона республики от гитлеровского империализма не является и никогда не может стать политикой классового мира с буржуазией. Борьба в защиту республики против внутренней и внешней контрреволюции — это классовая борьба против буржуазии, борьба за социальные, экономические, политические и национальные интересы трудящихся всех наций Чехословакии. Единство действий социалистических партий и народный фронт труда, свободы и мира — это реальная гарантия успеха борьбы; реальная защита демократической республики перед угрозой внутреннего и внешнего фашизма»⁶⁴.

Бороться за мир против гитлеровского фашизма в нынешних условиях, отметил он, значит бороться за сохранение и углубление дружеских связей Чехословакии и СССР, за последовательное выполнение заключенного между ними договора о взаимной помощи⁶⁵.

Полностью соответствовало задаче сохранения независимости Польши требование польских коммунистов об отказе от политики сотрудничества режима санации с гитлеровской Германией и заключении договора о взаимопомощи с СССР в рамках системы коллективной безопасности в Восточной Европе. В связи с опасностью гитлеровской агрессии было покончено с догматической трактовкой патриотизма как проявления национализма и шовинизма. Реалистически, с учетом сложившейся международной обстановки, рассматривали польские и чехословацкие ком-

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Г. Д и м и т р о в. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1939, стр. 71.

⁶² В. К о л а р о в. Избрани произведения, т. II, стр. 378—379.

⁶³ К. Г о т в а л ь д. Избр. произведения, т. I, стр. 413.

⁶⁴ «Na obranu republiky proti fašismu a válce», s. 144.

⁶⁵ Ibid., s. 138.

мунисты и другой аспект национальной политики: выступая за полное национальное равноправие, за бережное отношение к национальным чувствам всех народов, за принцип самоопределения наций, КПП и КПЧ в то же время разоблачали демагогию нацистов и их агентуры в Польше и Чехословакии, которые под предлогом защиты немецкого меньшинства добивались присоединения северо-западных районов Чехословакии и западных территорий Польши к третьему рейху.

Позиция КПЮ по национальному вопросу в свете стремления фашистских государств использовать национальное движение для осуществления своих захватнических планов была изложена в упомянутом выше постановлении Политбюро от 1 августа 1935 г. В нем говорилось, что, принимая во внимание сложившуюся международную обстановку, и при условии ликвидации национального неравноправия, коммунисты не будут выступать за выделение какого-либо народа из состава югославского государства, поскольку это ослабило бы борьбу прогрессивных сил страны и объективно отвечало бы интересам агрессора.

Болгарские коммунисты справедливо указывали, что свои империалистические вождедения болгарская буржуазия рассчитывала осуществить в союзе с реваншистскими государствами, и в первую очередь, в союзе с Германией⁶⁶. Задача состояла в том, чтобы не допустить новой национальной катастрофы, к которой неминуемо привело бы Болгарию ее участие в империалистической войне⁶⁷.

Отзвуками старого левооппортунистического курса в рядах БКП являлись по-прежнему бытовавшие у определенной части коммунистов «мнения о неизбежности и даже желательности войны как средства, ускоряющего свержение фашизма»⁶⁸. Борьба против этих взглядов рассматривалась новым руководством партии в качестве составной части общей борьбы за окончательное искоренение левого оппортунизма в партии и за создание в стране народного антифашистского фронта. В платформе народного фронта, выработанной БКП, одним из основных пунктов значилась борьба против военной опасности, против милитаризации страны и проповеди шовинизма⁶⁹.

Веское слово в дискуссии по вопросу о роли крестьянства в антифашистской, демократической борьбе принадлежало на конгрессе представителям компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

В должной мере оценив демократические традиции крестьянского движения, представители этих компартий подчеркивали на конгрессе, что крестьянство в их странах составляет массовую базу народного фронта, поэтому сотрудничество с крестьянскими партиями, несмотря на непоследовательность их лидеров, является важнейшим элементом новой политической ориентации⁷⁰.

Опираясь на собственный опыт теоретической разработки основ новой политической ориентации и практического ее применения, представители компартий Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии внесли существенный вклад в подготовку исторических решений VII конгресса Коминтерна, связанных с анализом характера фашизма, политики единого рабочего и народного фронта, вопросов защиты демократических завоеваний и национальной независимости, борьбы против опасности войны.

⁶⁶ «Работническо дело». Избрани статии и материали. 1927—1944. София, 1954, стр. 505—508.

⁶⁷ «БКП в резолюции и решения...», стр. 329.

⁶⁸ Тр. К о с т о в. Избрани статии, доклади, речи. София, 1964, стр. 198.

⁶⁹ «БКП в резолюции и решения...», стр. 335.

⁷⁰ В. К о л а р о в. Избрани произведения, т. II, стр. 363—374; «Коммунистическая партия Польши — за антифашистский народный фронт», стр. 3.

Результатом решительного поворота в стратегии и тактике всего коммунистического движения, осуществленного VII конгрессом Коминтерна, был быстрый рост активности коммунистических партий Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, неуклонное возрастание их роли и влияния в общественно-политической жизни.

Еще более широкие и глубокие политические последствия VII конгресса обнаружались на последующих этапах деятельности коммунистов этих стран, когда поставленные и разработанные им коренные вопросы соотношения борьбы за демократию и борьбы за социализм, в новой исторической обстановке, стали основой победоносной стратегии коммунистического движения.

И. В. ЧУРКИНА

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ

Теория и программа Коммунистической партии Советского Союза по национальному вопросу разрабатывалась в длительной борьбе с различными буржуазными и мелкобуржуазными концепциями, в том числе и с так называемой программой культурно-национальной автономии. В исторической литературе, посвященной разработке теории и программы Коммунистической партии по национальному вопросу, довольно четко раскрыта реакционная сущность программы культурно-национальной автономии, показана борьба большевиков во главе с В. И. Лениным против российских и европейских оппортунистов, защищавших ее. Однако в советской историографии еще нет работ, в которых бы исследовались условия возникновения программы культурно-национальной автономии, ее истоки и классовые корни. В литературе широко распространено ошибочное мнение, что теория культурно-национальной автономии была создана в конце XIX в. австрийским социал-демократом К. Реннером¹ и развита затем О. Бауэром. Такой точки зрения придерживаются, например, специалисты по истории национального вопроса в России Т. Ю. Бурмистрова и И. И. Грошев². Между тем эта теория возникла задолго до Реннера, да и в рядах австрийской социал-демократии в конце XIX — начале XX в. имели хождение два варианта программы культурно-национальной автономии. Один из них был разработан представителями немецкой социал-демократии в Австрии К. Реннером и О. Бауэром; другой — главою словенских социал-демократов Э. Кристаном.

Интересно, что в своих статьях, посвященных культурно-национальной автономии, В. И. Ленин критиковал прежде всего программу Кристана, которая обсуждалась на Брюнском (Брненском) съезде австрийских социал-демократов как проект резолюции по национальному вопросу, предложенный югославянской социал-демократией³; в то время как И. В. Сталин выступал против теории Реннера и Бауэра⁴.

При всем своем сходстве в главном программы Реннера и Бауэра, с одной стороны, и Кристана, с другой, имели и различия. Выяснение сте-

¹ Псевдонимы: Синоптикус, Рудольф Шпрингер.

² Т. Ю. Бурмистрова. Ленинская национальная программа партии большевиков. М., 1967, стр. 36; е е же. Национальный вопрос и рабочее движение в России. М., 1969, стр. 51; И. И. Грошев. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967, стр. 35.

³ См. статьи: «Критические заметки по национальному вопросу», «О национальной программе РСДРП», «К истории национальной программы в Австрии и в России». В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 113—150, 223—229, 313—315 и др.

⁴ И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Собр. соч., т. 2, стр. 290—367.

пени их общности и различия, а также освещение истории появления программы культурно-национальной автономии являются задачами предлагаемой статьи.

Впервые элементы культурно-национальной автономии четко обозначились в национальной программе Л. Кошута, с которой он выступил в эмиграции в начале 50-х годов XIX в. Уроки поражения венгерской революции не прошли для него даром. Кошут понял, что венгерские революционеры не смогут добиться победы без привлечения на свою сторону немадьярских народов, населявших земли венгерской короны. Сделать же это можно было только удовлетворительно решив национальный вопрос. Являясь сторонником территориальной целостности земель венгерской короны, Кошут предлагал свой план решения национальной проблемы с помощью создания общин и округов по национальному признаку и устройства парламента по национальным куриям⁵. Идеи Кошута в то время не получили отклика. Зато в 60-е годы они были подхвачены и развиты рядом национальных деятелей угнетенных народов Австрии.

В 60-х годах XIX в. в австрийской империи развернулась борьба между централистами, дуалистами и федералистами по вопросу о путях дальнейшего развития этого многонационального государства. Централисты, представлявшие интересы немецкой либеральной буржуазии, бюрократии и части консервативных придворных кругов, желали установления сильной правительственной власти при минимуме автономных прав для народов, населявших австрийскую монархию. Дуалисты, выразившие чаяния обуржуазившегося венгерского дворянства, стояли за раздел Австрии на две части (коронные земли Габсбургов с Галицией и земли венгерской короны), которые пользовались бы большой самостоятельностью во внутренних делах и имели бы общего монарха. Практически это означало разделение между немецким и венгерским господствующими классами сфер эксплуатации славянских народов австрийской монархии. К началу 1867 г. большая часть централистов из числа либералов и близкой им бюрократии, поняв, что им одним не отстоять централизм, отказались от него и приняли программу дуалистов, в свою очередь пошедших им навстречу и признавших необходимость создания нескольких общих для обеих частей министерств (иностранных дел, финансов и т. д.). Федералисты, объединявшие в своих рядах буржуазных национальных деятелей славянских народов и консервативное федералистски настроенное дворянство, выступали за превращение Австрии в федеративное государство на основе исторически сложившихся провинций, получавших автономию во внутренних делах. Автономия провинций была выгодна консервативному дворянству, которое в этом случае получало известную самостоятельность во внутренних делах от венского правительства, не раз находившегося в руках либеральной буржуазии. Она отвечала интересам чешских и хорватских национальных деятелей, стремившихся к объединению своих земель на основе исторического права, т. е. в границах старых феодальных государств чехов и хорватов. К федералистам примыкали польские аристократы, ратовавшие за автономию Галиции.

Однако многие славянские народы Австрии (словаки, словенцы, западные украинцы, воеводинские сербы) не имели традиций государственности. В середине 60-х годов национальные деятели этих народов, не желая лишаться поддержки более сильных национальных движений хорватов, чехов, поляков, а также федералистски настроенного дворянства, также присоединились к программе федералистов. В их рядах и офор-

⁵ T. Z o r n. Andrej Einspieler in slovensko politično gibanje na Koroškem v 60. letih 19. stoletja. «Zgodovinski časopis», Ljubljana, 1969, № 1—2, s. 37.

милась программа культурно-национальной автономии. Наиболее полно она была обоснована словенскими национальными деятелями.

Словенское национальное движение по своей классовой сущности являлось мелкобуржуазным, ибо дворянство и крупная буржуазия в словенских землях были почти полностью инонациональными. Основную массу словенцев составляли крестьянство, уже сильно дифференцированное, мелкая буржуазия города, часть средней буржуазии, а также пролетарские и полупролетарские слои населения. По своей классовой основе словенское национальное движение имело большое сходство с чешским, которое тоже было мелкобуржуазным и которому были свойственны те же колебания от радикализма к реакции.

Но словенцы находились в менее выгодном положении. Во-первых, словенские земли были раздроблены между шестью провинциями (Крайной, Штирией, Каринтией, Саладским комитатом в Венгрии, Приморьем и Горицей), из которых только в двух (Крайне и Горице) они составляли большинство, в остальных же находились в меньшинстве. Кроме того, словенцы очень рано потеряли независимость (в VIII в.) и в своих национальных требованиях не могли подобно чехам, хорватам, венграм, полякам опираться на историческую традицию государственности.

Поэтому первая национальная политическая программа словенцев, выдвинутая либералами в революционном 1848 г., исходила не из историческо-правового принципа, как большинство национальных программ других угнетенных народов австрийской монархии, а из национального принципа. Программа Объединенной Словении предусматривала объединение всех словенских земель в одно административно-политическое целое со своим национальным собранием и со своим правительством, автономными по отношению к центральным властям; введение во всех школах и учреждениях словенского языка. В отличие от национальных программ исторического права, носивших на себе отпечаток феодально-дворянской национальной традиции, программа Объединенной Словении являлась чисто буржуазной демократической программой, наиболее полно соответствующей капиталистическому развитию словенской нации.

В период абсолютистского режима, установленного после подавления революции 1848 г., национальные круги словенцев не поднимали вопроса об Объединенной Словении. Однако после октябрьского диплома 1860 г., вводившего в Австрии определенные конституционные свободы, программа Объединенной Словении снова стала знаменем наиболее прогрессивной части словенских национальных деятелей.

В середине 60-х годов XIX в. словенские национальные деятели, видевшие в федералистах естественных союзников в борьбе с централистами и дуалистами, пошли с ними на компромисс. В сентябре 1865 г. на собрании в Мариборе они приняли новую словенскую национальную программу, предусматривающую создание внутриавстрийской политико-административной общности. Внутренняя Австрия являлась исторической административной единицей австрийской монархии, существовавшей в 1564—1747 гг. и объединявшей провинции Каринтию, Штирию и Крайну с Горицей и Приморьем. Воссоздание Внутренней Австрии ни в коей мере не могло решить национального вопроса, ибо ее население было смешанным в национальном отношении: на севере (сев. Каринтия и сев. Штирия) жило компактное немецкое население, на юге (Горица и Приморье) — итальянское. Словенское население во Внутренней Австрии составляло бы приблизительно 43%⁶. Таким образом программа Внутренней Авст-

⁶ F. Gestrin, V. Melik. Slovenska zgodovina od konca osemnajstega stoletja do 1918. Ljubljana, 1966, s. 146.

рии практически была мертворожденным детищем, поскольку она не отвечала интересам ни немцев, ни итальянцев, ни словенцев. Это понимали и словенские национальные деятели, принявшие Мариборскую программу. Они сознавали, что при таком соотношении населения словенцы во Внутренней Австрии не смогут обеспечить свои национальные права.

В октябре — ноябре 1865 г. в газете «Словенец», издававшейся видным словенским национальным деятелем в Каринтии А. Эйншпиллером, активным сторонником Мариборской программы, была опубликована статья «Программа словенских федералистов», подписанная «Штирийский словенец». Автор указывал, что словенцы Штирии мало надеются на справедливость своего провинциального собрания по отношению к ним (три четверти населения Штирии составляли немцы) и что, если голосование не будет происходить по национальным куриям, то национальное большинство будет терроризировать национальное меньшинство⁷. Поэтому «Штирийский словенец» предлагал создать при каждом провинциальном собрании (Штирии, Каринтии, Крайны, Горицы) национальные курии, которые бы все вместе составили общенациональное собрание в составе внутриавстрийского провинциального собрания. Каждое общенациональное собрание выбирает свой национальный комитет, который ведает национальными делами своего народа. Избирательные округа также должны строиться по национальному признаку⁸. Таким образом программу Внутренней Австрии «Штирийский словенец» дополнял своего рода программой культурно-национальной автономии, ибо все национальные дела передавались в руки специальных национальных учреждений (национальных курий и национальных комитетов), которые полностью отделялись от административных.

Но наиболее полную и четкую программу культурно-национальной автономии в словенских землях развил Матия Маяр Зильский. В 1848 г. он был одним из создателей программы Объединенной Словении. В 1861 г. Маяр первый выступил на страницах словенской прессы с призывом вернуться к ней. Мариборская программа вызвала его резкую критику. В статье «Соображения по поводу австрийских провинций и наций»⁹, опубликованной в газете просветителя лужицких сербов Яна Смолера, Маяр заявлял, что для решения национального вопроса «неизбежно всегда следует строго отделять чисто политические дела от национально-политических». При таком подходе совсем не требуется вводить новое административное деление: остаются старые провинции со своими провинциальными собраниями. Для удешевления аппарата управления Маяр предлагал объединить мелкие провинции в более крупные политико-административные единицы. Так из Крайны, Каринтии, Горицы, Истрии, Триеста и двух словенских округов Штирии он думал создать королевство Иллирию, которое, по его словам, также имело исторические права (Иллирийские провинции Наполеона). Маяр решительно отдавал предпочтение Иллирии перед Внутренней Австрией, так как во Внутренней Австрии словенцы не будут иметь большинства: «Каринтийским и штирийским словенцам это бы не помогло, а словенцы Крайны, Горицы и Истрии понесли бы еще ущерб, так как большинство, которое они имели раньше, было бы потеряно». В Иллирии же словенское большинство сохранялось. При создании королевства Иллирии все вошедшие в него провинции «должны всю свою собственность, свои прежние границы, свой ландтаг, свою мощь сохранить неуменьшенными». Провинциальная ад-

⁷ «Slovenec», Celovec, 1865, 25 X (№ 82).

⁸ Ibid., 1 XI (№ 84).

⁹ [M. M(ajar)]. Betrachtungen über die österreichischen Länder und Nation. «Slavisches Centralblatt», Bauen, 1865, № 10, 11, 12.

министрация будет вести административные и чисто политические дела. Для ведения национально-политических дел Маяром предусматривалось совершенно другое управление. Прежде всего в каждой провинции общины должны были формироваться по национальному признаку, как церковные приходы (протестант принадлежит к протестантскому приходу, католик — к католическому, хотя живут они рядом). Каждая национальная община должна входить в национальный район, каждый национальный район — в округ соответствующей национальности. Провинциальные собрания тоже должны быть разделены по национальным куриям. Во всех учреждениях и школах должен употребляться родной язык населения.

В провинциальном собрании чисто политические дела решаются большинством голосов, а национально-политические — по национальным куриям. При этом каждая нация будет решать дела только своей нации. Посредником между национальными учреждениями и центральной властью должны быть национальные гофканцелярии, некоторые из них могли обслуживать несколько наций — например, чешская гофканцелярия кроме чехов — еще словаков и украинцев и т. д.

Таким образом, принятие в 1865 г. словенскими национальными деятелями программы исторического права (Внутренней Австрии или королевства Иллирии) повлекло за собой возникновение программы культурно-национальной автономии, которая должна была обеспечить национальные права словенцев в исторических провинциях, где они не имели большинства среди населения. Эта программа появилась в результате отказа словенских национальных деятелей от демократической программы Объединенной Словении как уступки дворянско-федералистским кругам.

Несколько позднее чем словенцы с программой культурно-национальной автономии выступил видный национальный деятель закарпатских украинцев А. И. Добрянский. Западные украинцы, как и словенцы, жили в трех различных провинциях (Галиция, Буковина, Венгрия), население которых было смешанным в национальном отношении. Так же как и словенцы, они являлись «неисторическим» народом, основу которого составляло крестьянство и отчасти мелкая буржуазия города, да немногочисленная прослойка интеллигенции, в подавляющем большинстве духовной. Поэтому и в Западной Украине национальное движение было мелкобуржуазным по своему классовому составу с той лишь разницей, что оно находилось на еще более низкой ступени развития, чем в словенских землях. Сходные исторические условия борьбы и однотипный классовый характер национальных движений словенцев и западноукраинцев породили у них и аналогичные национальные программы. В 1848 г. Добрянский выступал за объединение всех западноукраинских земель Австрии в этнических границах. В ноябре 1868 г. на венгерском сейме он выдвинул новую национальную программу, целью которой было обеспечить в условиях дуалистической конституции хотя бы минимальные права, и пусть даже не всех западных украинцев, а только закарпатских. К закону о правах национальностей в Венгрии, признававшему во всех официальных сферах (школе, суде и т. д.) только один язык — венгерский, Добрянский предложил дополнения, сводившиеся к следующему.

Все народы Венгрии являются единым политическим целым и каждый в отдельности не пользуется политическими правами. Однако «народы эти призваны в качестве корпораций единственно к развитию своего языка и народности, следовательно, к деятельности на культурном поприще... в этом отношении каждый народ предоставлен своим собственным силам без права иметь притязания на какую бы то ни было помощь другого народа или государства»¹⁰.

¹⁰ Ф. Ф. А р и с т о в. Карпато-русские писатели. М., 1916, т. I, стр. 159.

Подчеркивание политического единства народов земель венгерской короны было рассчитано на венгерское дворянство, с которым Добрянский пытался найти возможность компромисса. Дополнения Добрянского тоже по сути дела являлись программой культурно-национальной автономии.

Таким образом, программа культурно-национальной автономии, созданная национальными деятелями малых славянских народов, являлась уступкой дворянским кругам (федералистским или дуалистическим) с целью добиться у них некоторых национальных прав для своих народов.

С точки зрения буржуазного развития словенских и западноукраинских земель программа культурно-национальной автономии являлась шагом назад по сравнению с их национальными программами 1848 г. и носила черты несомненной консервативности. Ее консерватизм и пригодность для реакционных сил отмечал и В. И. Ленин. «Лозунги последовательного демократизма непримиримо враждебны и реакционерам и контрреволюционной буржуазии всех наций, — писал он, — а лозунг культурно-национальной автономии вполне приемлем для реакционеров и контрреволюционных буржуа некоторых наций»¹¹.

Элементы программы культурно-национальной автономии имели хождение в Австрии и в последующие годы. Так, созданное в 1870 г. словенское каринтийское политическое общество «Трднява», в котором Маяр в первые годы играл значительную роль, выступало за объединение словенских земель, но при сохранении целостности Каринтии. Решить же национальный вопрос в последней оно предполагало путем создания национальных курий¹². В 1871 г. лидер старочехов Ф. Ригер предлагал ввести в чешском ландтаге две национальные курии — немецкую и чешскую. Все законопроекты должны были приниматься по куриям, и если абсолютное большинство какой-либо курии отвергало законопроект, он не принимался¹³. Некий «Патриот» в своей брошюре «Die Verfassung als die Quele des Nationalitätenhaders in Oesterreich. Studie eines Patrioten (Wien, 1897)» писал о необходимости создания национальных курий в венском рейхсрате.

На Ригера и «Патриота» Реннер прямо указывал как на своих предшественников¹⁴. На словенца Э. Кристана, вероятнее всего, оказали влияние идеи его земляков, тем более что в начале XX в. многие словенские либералы Триеста, города, где протекала деятельность Кристана, являлись сторонниками культурно-национальной автономии¹⁵. В частности, эту теорию в начале 90-х годов сформулировал издатель и редактор журнала «Словански свет» Ф. Подгорник. Подчеркивая, что провинциальная автономия не сможет защитить права ряда австрийских народов, в том числе и словенского, Подгорник предлагал наряду с провинциальными органами управления создавать национально-юридические органы, которые бы заботились о национальных школах, учреждениях и т. п., и имели бы для этого собственные средства¹⁶. По-видимому, именно эта программа была известна Кристану более всех других словенских программ культурно-национальной автономии.

Впервые программа культурно-национальной автономии обсуждалась социал-демократами Австрии на Брюнском (Брненском) съезде.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 320.

¹² Т. З о г н. Andrej Einspieler..., s. 43.

¹³ С. Г. Л о з и н с к и й. Национальный вопрос и политические партии в Австрии. М., 1907, стр. 37.

¹⁴ Р. Ш п р и н г е р. Национальная проблема (борьба национальностей в Австрии). СПб., 1909, стр. 45, 46.

¹⁵ D. K e r m a v n e r. O političnem liku Ethina Kristana. «Naši razgledi», 1953, № 24, s. 5.

¹⁶ «Slovanski svet», 1891, № 18, s. 282—283.

Она была предложена комитетом Югославянской социал-демократической партии¹⁷, возглавляемым Э. Кристаном.

Э. Кристан (1867—1953) был первым словенским интеллигентом, перешедшим на позиции социал-демократии. Он сразу же выдвинулся среди словенских социал-демократов как признанный вождь и теоретик.

Этбин Кристан и являлся автором проекта резолюции по национальному вопросу, предложенного комитетом Югославянской социал-демократической партии. Резолюция исходила из положения, что «живая нация никогда не может отождествляться с мертвым географическим фактором — ограниченной территорией». Поэтому для свободного национального развития каждого народа «необходимо совершенно отторгнуть всякий бюрократически государственный централизм, так же как и земельно-национальные принципы и вообще всякое отождествление нации с территорией»¹⁸.

Программа культурно-национальной автономии формулировалась в § 2 проекта резолюции так: «Каждый живущий в Австрии народ, без отношения к занимаемой его членами территории, составляет автономную группу, которая совершенно самостоятельно ведает всеми своими национальными (языковыми и культурными) делами»¹⁹. Именно этот параграф Ленин привел в своей статье «К истории национальной программы в Австрии и России» как квинтэссенцию культурно-национальной автономии, означающей, по его словам, тот факт, что «государство должно закрепить разграничение наций в школьном и т. п. деле, при свободной записи каждого в любую нацию»²⁰.

Такое решительное отделение национального вопроса от территориального, характерное для югославянской резолюции, в определенной степени было присуще и всей социал-демократии Австрии. Во-первых, австрийская социал-демократическая партия рассматривала национальный вопрос как чисто культурный, не связанный ни с экономическими, ни с политическими факторами. В предложенной на Брюнском съезде соединенной исполнительной комиссией резолюции, явившейся основой для дебатов по национальному вопросу, хотя и предлагалось разделить Австрию на автономные национальные самоуправляющиеся области, все же подчеркивалось, что «окончательное разрешение национального вопроса и вопроса о языках в Австрии в духе равноправия и благоразумия есть прежде всего культурная необходимость»²¹. Эта формулировка была включена и в резолюцию по национальному вопросу, принятую на Брюнском съезде²².

¹⁷ Югославянская социал-демократическая партия объединяла рабочих Словении, Истрии, Далмации. Ядро ее составляли словенцы.

¹⁸ «Дебаты по национальному вопросу на Брюнском партийтаге». Киев—Петербург, 1906, стр. 75—76.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 313.

²¹ «Дебаты...», стр. 27.

²² Там же, стр. 78. Такая формулировка была основана на неправильном понимании некоторыми австрийскими социал-демократами сущности нации. В частности, К. Реннер считал, что «нация — это союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих личностей. Это культурная общность группы современных людей, не связанных с землей» (Р. Ш п р и н г е р. Там же, стр. 43). Такого же мнения о нации придерживался и Э. Кристан. «Нацию составляет не общность отдельных лиц, живущих на определенной территории, — писал он, — но сумма отдельных лиц, которые говорят на определенном родном языке и признают себя национальностью» (F. K l o p č i č. Prvi nastop Etbina Kristana za kulturno-narodnostno avtonomijo leto 1898. «Sodobnost», 1965, № 1—2, s. 208).

Хотя Брюннский съезд отверг культурно-национальную автономию и принял территориальную национальную программу²³, однако понимание национального вопроса как чисто культурного оставляло почву для распространения в рядах австрийской социал-демократии идей культурно-национальной автономии. Достаточно сказать, что кроме Кристана и Элленбогена, о которых упоминал Ленин²⁴, о культурно-национальной автономии на съезде положительно высказывался лидер австрийских социал-демократов В. Адлер²⁵. Остальные ораторы тоже не выступили против нее с принципиальных позиций. Принципиальную оценку ей дал только депутат рабочих Вены Прейслер (и это отметил В. И. Ленин²⁶): «Предложения Кристана и Элленбогена поведут к тому, что шовинизм будет увековечен и каждая маленькая нация, каждая незначительная группа будет им заражена»²⁷.

Таким образом, программа культурно-национальной автономии не получила должного отпора в рядах австрийской социал-демократии. Окончательно разоблачить ее смогли только русские марксисты, и прежде всего В. И. Ленин.

В. И. Ленин считал лозунг культурно-национальной автономии проявлением буржуазного национализма, соединяющего пролетариат и буржуазию одной нации, разделяющего пролетариат разных наций²⁸. От отмечал, что этот лозунг «(1) безусловно противоречит интернационализму классовой борьбы пролетариата, — (2) облегчает вовлечение пролетариата и трудящихся масс в сферу влияния идей буржуазного национализма, — (3) способен отвлекать от задачи последовательно демократических преобразований государства в целом, каковые преобразования одни только обеспечивают (насколько вообще это возможно при капитализме) национальный мир»²⁹. В статье «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин определил программу культурно-национальной автономии как утопию «австрийских мелких буржуа, отчаявшихся в осуществлении последовательной демократии, в прекращении национальной грызни и выдуманых ф у т л я р ы для наций в школьном деле, чтобы они не могли грызться и з - з а д е л е ж а школ..., но „конституировались“ для в е ч н о й грызни одной „национальной культуры“ против другой»³⁰. В другой своей статье «О „культурно-национальной“ автономии» В. И. Ленин снова подчеркнул, что культурно-национальная автономия «выдумана не капиталистами..., а оппортунистической мещанской интеллигенцией Австрии», что она является гениально-мещанской и гениально-националистической идеей. И далее он указал: «Только на востоке Европы, в отсталой, феодальной, клерикальной, чиновничьей Австрии, где в с я к а я общественная и политическая жизнь застопорена мизерно-мелкой дракой (даже хуже: сварой, потасовкой) из-за языков, возникла эта идея отчаявшегося мелкого буржуа. Хоть бы разгородить раз навсегда все нации с абсолютной чистотой и последовательностью на „национальные курии“ в школьном деле, если нельзя помирить кошку с

²³ При этом не следует путать принятую в Брюнне программу со взглядами К. Реннера. Брюнская национальная программа была прогрессивна для своего времени. Она провозглашала территориальный принцип и являлась единственным официальным документом австрийской социал-демократии по национальному вопросу. См. В. М. Турок. В. И. Ленин и Брюнская программа (1899) по национальному вопросу. «Народы Азии и Африки», 1970, № 6.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 313.

²⁵ «Дебаты...», стр. 42.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 314.

²⁷ «Дебаты...», стр. 60.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 209.

²⁹ Там же, стр. 317—318.

³⁰ Там же, т. 24, стр. 135.

собакой! — вот психология, породившая глупенькую „культурно-национальную автономию“»³¹.

Почти одновременно с Э. Кристаном программу культурно-национальной автономии выдвинул видный теоретик австрийской социал-демократии К. Реннер³². Уже во время выступления на Брюннском съезде Адлер заявил, что предложение югославянской комиссии есть выражение идей Рудольфа Шпрингера (т. е. Реннера), ибо именно последний предлагал «присвоить право на самоопределение группам индивидуумов так же, как оно присвоено церковным общинам»³³. И действительно, идеи Реннера во многом совпадали с предложениями Э. Кристана. Он также считал, что нация есть «культурная общность группы современных людей, не связанных с территорией», и что для решения национального вопроса необходимо «конституировать нации не как области господства, а как союзы людей». Реннер предлагал чтобы члены одной национальности в разных округах образовали единый союз данной нации со своим общим представительством, управлением, сбором налогов на удовлетворение своих культурных потребностей³⁴. Однако в отличие от Кристана, полагавшего, что территориальные области должны иметь чисто административное значение³⁵, Реннер считал, что административное деление должно быть проведено таким образом, чтобы $\frac{9}{10}$ административных областей были одноязычными по своему населению³⁶. Таким образом, Реннер выступал поборником смешанного территориально-культурно-национального принципа, а не чисто культурно-национального, как Кристан.

Мелкобуржуазная сущность программы культурно-национальной автономии характерна и для теории Реннера и для теории Кристана. Однако исходные позиции их программ были различны. На это впервые обратил внимание словенский историк Ф. Клопчич в своем выступлении в Которе в октябре 1967 г. на научной конференции, посвященной Октябрьской революции³⁷.

К. Реннер, выдвигая свое решение национальной программы, исходил из стремления сохранить Австрию путем ее обновления³⁸. Он прямо подчеркивал, что «нужно создать Австрию, в которой нации будут управлять сами собой, каждая сама своими делами и все вместе общими делами»³⁹. В более поздней работе Реннер высказывался еще более ясно: «Национальная автономия в том виде и в том объеме, какие мы считаем возможными и необходимыми, является не угрозой, а гарантией существования Австрии»⁴⁰. Реннер мотивировал это положение тем, что главные материальные орудия власти — военная сила, транспортные средства — будут находиться в руках государства, и национальные округа, расположенные в различных административных областях, не смогут превратиться в само-

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 176.

³² Кристан впервые выступил в печати по этому поводу в 1898 г., а Реннер — в 1899 г.

³³ «Дебаты...», стр. 42.

³⁴ Р. Шпрингер. Национальная проблема..., стр. 43, 44, 234.

³⁵ «Дебаты...», стр. 76.

³⁶ Р. Шпрингер. Там же, стр. 53.

³⁷ Ф. Клопчич. Lenin, Kristan i Renner o kulturno-nacionalnoj avtonomiji. Beograd — Kotor, 1967.

³⁸ Большинство социал-демократов Австрии, в том числе и принадлежавшие к угнетенным народам, признавало необходимость сохранения ее государственной целостности. «...Создалось, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — чрезвычайно своеобразное положение: со стороны венгров, а затем и чехов, тяготение как раз не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями!» (Полн. собр. соч., т. 25, стр. 270).

³⁹ Ф. Клопчич. Lenin, Kristan i Renner..., s. 8, 9.

⁴⁰ Р. Шпрингер. Там же, стр. 199.

стоятельные экономические единицы. Кроме того, свободные нации не будут стремиться выйти из государства, ибо «если нации в национальных делах свободны от государства, тогда нет для них лучшей родины, чем Австрия»⁴¹. В новой Австрии, по мнению Реннера, австрийские немцы не будут господствующим народом, но «народом-руководителем они навсегда останутся». Их роль в общенемецком национальном движении Реннер определял как роль форпоста против России и в сношениях со славянскими народами. Австрийские немцы должны «во что бы то ни стало южным и восточным славянам открыть дверь на запад, а не гнать эти народы в объятия всепоглощающей России», — писал он⁴².

Все национальные преобразования в Австрии Реннер предполагал провести «не в год и не в десяток лет»⁴³, т. е. явно не революционным, а реформистским путем.

Таким образом, Реннер выступал как реформист, выразивший в национальном вопросе интересы мелкой оппортунистической буржуазии господствующей в Австрии нации, буржуазии, зараженной чувством своего превосходства по отношению к другим народам и получавшей крохи выгод от эксплуатации угнетенных народов Австрии немецкими правящими кругами.

Э. Кристан выступал с прямо противоположных позиций. В статье «Национализм и социализм в Австрии», опубликованной в чешском радикальном студенческом издании⁴⁴, он утверждал, что как теперешняя Австрия не в состоянии решить национальный вопрос, так и федералистическое переустройство ее ничего не может изменить в этом плане, ибо требования угнетенными национальностями автономии «означают только замену австрийского централизма галицийским, чешским или хорватским. Но малый централизм не лучше большого». Кристан указал, что в своей собственной автономной единице хорваты, чехи и прочие будут так же жестоко угнетать национальные меньшинства, живущие на их территории, как немцы сейчас угнетают их самих. Ничего не изменит, с его точки зрения, и проведение федерализации Австрии по национальному признаку, а не в соответствии с историческим правом: все равно на территории, заселенной преимущественно одной национальностью, нашлись бы национальные меньшинства, которые были бы отданы на милость и немилость большинства⁴⁵. Для Кристана не имело значения, будет ли Австрия монархией или республикой: «Австрия... может быть централистским государством, может быть смешением централистских государств или провинций, но она всегда будет учреждением с абсолютистской властью. Совершенно все равно, будет ли этот абсолютизм монархическим или министерским»⁴⁶. Кристан вообще не делал различия между республикой или монархией и на одну доску ставил русский царизм и французскую республику, султанскую Турцию и конституционную Австрию, считая конституционализм разновидностью абсолютизма⁴⁷. Он пришел к выводу, что в рамках существующей в Австрии системы возможности решения национального вопроса практически отсутствуют.

Программа Кристана основывалась на понимании нации, полностью совпадавшем с решениями Брюннского съезда австрийских социал-де-

⁴¹ Там же, стр. 200.

⁴² Там же, стр. 201.

⁴³ Там же, стр. 281.

⁴⁴ E. K r i s t a n. Nationalismus und Sozialismus in Oesterreich. «Akademie», Praha, № 11 (VIII), 1898.

⁴⁵ Ibid., s. 487—488.

⁴⁶ Ibid., s. 488.

⁴⁷ Ibid., s. 487.

мократов. «Нацию составляет не сумма отдельных лиц,— писал он,— которые живут на определенной территории, но сумма лиц, которые говорят на одном родном языке и добровольно признают себя национальностью». Исходя из этого он делал вывод, что «полное равноправие наступит лишь тогда, когда представители одной национальности будут пользоваться одинаковыми правами, несмотря на место жительства, в отношениях как между собой, так и с представителями других народов. Условием для этого является единство нации, а именно культурное единство, ибо территориальное полностью исключено»⁴⁸.

Кристан считал, что территориальный федерализм должен быть заменен федерализмом наций. С введением последнего исчезли бы территориальные границы внутри Австрии, вслед за чем начали бы исчезать и внешние, ибо немцам в Австрии захотелось бы соединиться с германскими немцами, а итальянцам Триеста — с итальянцами в Италии. Национальный вопрос перестал бы быть вопросом власти и стал бы исключительно культурным вопросом. Перестала бы существовать и Австрия, ибо «федерализм (в понимании Кристана.— И. Ч.) означает отмену государства... Действительный федерализм равнозначен свободе: свободе личности, свободе наций, свободе человечества»⁴⁹.

Кристан подчеркивал, что решение национального вопроса невозможно без решения социальной проблемы в целом. «Национальный вопрос только часть социального вопроса»,— писал он.

Все это — и отмену границ, и решение всего комплекса социальных вопросов — Э. Кристан предполагал провести в жизнь революционным путем. Уже в самом начале статьи он указывал, что «национальный вопрос является еще одним доказательством того, что необходима социалистическая революция»⁵⁰. И эта фраза не была случайной. О социалистической революции как единственном средстве решения социальных вопросов, в том числе и национального, Э. Кристан писал и позднее в заметке «Национализм и социализм», опубликованной в органе Югославянской социал-демократической партии — газете «Рдечи прапор» в ответ на нападки словенской либеральной прессы на его статью в чешском журнале⁵¹.

Итак, в отличие от К. Реннера, Э. Кристан выдвигал программу культурно-национальной автономии как национальную программу для социалистического общества, в котором не будет государственных и национальных границ и которое должно установиться в результате социалистической революции. Его программа должна была служить целям прямо противоположным целям Реннера — не укреплению Австрии, а ее разрушению. Поэтому Кристан протестовал на Брюнском съезде против отождествления его программы с программой Реннера.

При всей своей революционности по сравнению с программой Реннера, программа Кристана включала ряд положений, роднивших ее с анархизмом, особенно в вопросе о государстве. Так, он не видел разницы между монархией и республикой, считая их одинаково вредными для пролетариата. Кристан полагал, что социалистическая революция сразу же приведет к отмене всех государств и всех границ⁵². И позднее, на Брюнском съезде, он еще раз подчеркнул это. «Если мы отрицаем государство как таковое,— говорил Кристан,— и хотим поставить на его место свободное общество, то в наши задачи не может входить создание новой фор-

⁴⁸ E. Kristan. Ibid., s. 489.

⁴⁹ Ibid., s. 490.

⁵⁰ Ibid., s. 486.

⁵¹ «Rdeči prapor», Trst, 1898, № 22 (5 XI).

⁵² Мнение, что государство будет ликвидировано сразу же после социалистической революции, было широко распространено среди социал-демократов конца XIX в

мации государства»⁵³. Отрицая необходимость создания пролетариатом государства, Кристан тем самым выступал и противником диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин, указывая на отличие марксистов от анархистов в вопросе о государстве, подчеркивал, что «(1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. (2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, чем ее пролетариат заменит и как он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. (3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают»⁵⁴.

Если Реннер представлял в национальном вопросе интересы мелких буржуа господствующей национальности, то на Кристана оказала большое влияние мелкобуржуазная национальная программа угнетенного народа, а именно словенцев. Последние испытывали на себе социальный и национальный гнет как со стороны немецкого капитала, так и со стороны немецкого правительства. Поэтому у словенской мелкой буржуазии не было причин желать сохранения и укрепления австрийского государства.

Таким образом, подходя с двух, казалось бы противоположных, позиций — Реннер с позиций правой социал-демократии, а Кристан — с позиций близких к анархизму, — они оба практически пришли к общей программе культурно-национальной автономии, мелкобуржуазной по своей сущности и носившей половинчатый, непоследовательный характер даже с точки зрения буржуазного развития нации.

Эта программа не могла стать национальной программой революционной марксистской партии по ряду причин.

Во-первых, как указывал Ленин, она разъединяла рабочих разных национальностей, объединяя в то же время рабочих со «своей» национальной буржуазией. Следовательно, программа культурно-национальной автономии противоречила принципу пролетарского интернационализма.

Во-вторых, программа культурно-национальной автономии из-за игнорирования социально-экономических причин национальной борьбы, своей расплывчатости и утопичности, не могла объединить вокруг себя широкие демократические массы угнетенных народов, не могла поднять их на революцию, сделать их активным союзником пролетариата не только в социалистической, но даже и в буржуазно-демократической революции.

В-третьих, культурно-национальная автономия, призванная, по словам Ленина, отгородить одни нации от других, по сути своей противоречила объективному процессу исторического развития, характеризующегося постепенной ломкой межнациональных перегородок, интернациональным сближением народов. Поэтому она была обречена на неудачу и не имела будущего.

⁵³ «Дебаты...», стр. 49.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 112—113.

ПЕТЕР РАТКОШ

БОРЬБА СЛОВАЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВОБОДНЫХ КОРОЛЕВСКИХ ГОРОДОВ ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ РАВНОПРАВИЕ

Вопросы национального состава городов средневековой Словакии и межнациональные отношения в них еще недостаточно изучены. В историографии при освещении этих вопросов мы подчас сталкиваемся с упрощенными и ошибочными суждениями.

Австрийский историк Гюнтер фон Пробст в работе по истории средне-словацких горнорудных городов утверждает, что якобы стоявший на «низком» уровне словацкий элемент, укрепляя свои позиции в этих городах, наносил лишь «вред» горному делу¹. Он не обратил внимания на «унгаризацию» свободных королевских городов вследствие наплыва в них венгерского дворянства и игнорировал результаты работ П. Крижка, М. Матунака, А. Гельнеровой и Я. Маркова, в которых в той или иной мере рассматривается вопрос национального состава горных городов. В работе венгерских историков «История венгерского народа» в ряде случаев вместо необходимого по контексту термина «magyarországi nép» — «население Венгерского королевства» используется термин «magyar nép», т. е. «венгерский народ»².

Недостаточно учитывается многонациональный характер Венгерского королевства и в I томе «Истории Венгрии»³.

Думается, что в настоящее время не нужно специально доказывать многонациональный характер средневекового Венгерского королевства, в котором существовала наряду со многими славянскими этническими группами и румынским меньшинством также словацкая феодальная народность. Развитие этой народности в период феодализма было тесно связано с борьбой словацкого населения за равноправие в свободных королевских городах.

В XIII — XV вв. на смену доколониационным словацким феодальным зависимым поселениям (сельским, горнорудным, торговым) приходят города на королевской земле, и реже, на земле отдельных феодалов. Чужие (чаще немецкие) колонисты оседали, как правило, на королевской земле. Уже в XIII в. возникают зависимые города, где начали селиться в качестве «hospites» не только немцы, но и мадьяры и словаки (в 1217 г. Бенядик над Гроном). Сохранившиеся налоговые списки XV в. говорят также о значительных группах словацкого населения и в свобод-

¹ G. v. Probst. Das deutsche Element im Personal der neiderungarischen Bergstädte. (Buchreihe des Südostdeutschen hist. Kommission, 1.) München, 1958, S. 1.

² G. Heckenast, B. Karácsonyi, L. Lukács, Gy. Spira. A magyar nép története. Rövid áttekintés. Budapest, 1951.

³ «История Венгрии», т. I. М., 1971.

ных королевских городах ⁴. Поэтому не случайно мы находим «Словацкую улицу» в Гельнице, Кошице и Бардееве или «Мадьярскую» и «Словацкую» улицы в Прешове.

Для внутренней жизни этих городов, так же как и для других западноевропейских городов эпохи средневековья, были характерны порождавшиеся всем социально-экономическим развитием феодального общества конфликты между патрициатом, богатым купечеством, цеховыми мастерами, с одной стороны, и не пользовавшимся правами городского гражданства населением — городской беднотой, с другой. В XIII—XIV вв. в условиях, когда городская верхушка, сосредоточивавшая в своих руках управление, главные позиции в экономической жизни, судопроизводство и «культурные учреждения», была по своему составу немецкой, а низшие слои города пополнялись за счет притекавшего из сельской округи словацкого населения, социальные конфликты в целом ряде случаев стали носить характер локальной «национальной» борьбы.

В городе Жилине наследственный рихтар (фойт, шолтис) вместе со своими заседателями всячески препятствовал участию словацкого населения в ведении городских дел. По указу короля Людовика I в Жилине вместо фламандского права по образцу силезского города Тешина должно было применяться магдебургское право по образцу словацкого города Крупина. Городское управление Жилина было апелляционной инстанцией для десятков эфитевтических (шолтиско-сельских) немецких и словацких поселений в северо-западной Словакии.

Город Крупина в своем поучении жилинцам указывал, что городское управление должно состоять из выборных рихтара и 12 присяжных («божеников»). Этот порядок по сравнению с институтом наследственного рихтара был более демократичным. Словаки Жилины (Slavi) выдвинули требование, чтобы из их среды также избирались члены городского совета.

По привилегии 1381 г. устанавливалось, что городской совет должен состоять наполовину из немцев и наполовину из словаков ⁵. Но внезапная смерть Людовика I и наступивший политический хаос в стране не дали возможности жилинским словакам полностью осуществить эту привилегию. Только после гуситских походов, вследствие которых часть немецкого купечества бежала, соотношение сил в Жилине изменилось, и процесс эмансипации словаков начал реализовываться более последовательно. Хотя права семейства фойта и не были нарушены (судопроизводство, мельницы, необлагаемые два поселения), но в городском совете с 1431 г., когда жилинские словаки добились подтверждения привилегии 1381 г., количество словаков постепенно стало преобладающим. Походы гуситов в Словакию, явившиеся ответом на «крестовые» походы венгерского дворянства против «еретиков», привели к изменению соотношения сил и в ряде других королевских городов.

Влияние гуситских походов наиболее ярко проявилось в королевских городах Скалица, и в особенности в Трнаве, откуда немецкие купцы в страхе временно бежали в Айзенштадт (Кишмартон). Трнаву в 1432 г. захватил гуситский гетман Блажек из Боротина. После того как гусит-

⁴ M. Matunák, Z dejín slobodného a hlavného banského mesta Kremnice. Kremnica, 1927, s. 100—121; A. Gácsová. Spoločenská štruktúra Bardejova, v. 15. a № 1, pol. 16, stor. Bratislava, 1972, s. 14; P. Rátkoš. Povstanie baníkov na Slovensku 1525—1526. Bratislava, 1963, s. 287—295; О «словацких улицах» в городах пишет Б. Варшик в работе: «Zo slovenského stredoveku». Bratislava, 1972, s. 336—337, 379.

⁵ V. Chaloupeký. Kniha žilinská. Bratislava, 1934, s. XIII—XXXIV; его же. Privilegium pro Slavis. «Bratislava», 1936, № X, s. 360—364.

ские войска в 1434 г. ушли из Трнавы, немецкие купцы возвратились сюда. Немецкий купеческий элемент сумел сохранить свою гегемонию в городе еще на несколько десятилетий, но вынужден был сделать уступку словацким горожанам, признав их естественным правом иметь своего проповедника. Но к 1486 г. конфликты в городе достигли такого накала, что король Матвей I под страхом смерти запретил управлению города вести споры о том, кто должен быть городским рихтаром или священником, немец или словак⁶. Нельзя исключить, что борьба вокруг национальной принадлежности священника уже в то время была связана с борьбой за право богослужения на родном языке, но учитывая, что до реформации богослужение было по преимуществу латинским и живой язык мог быть использован только в проповеди, во время крещения, исповеди и при совершении свадебного обряда, правильнее было бы видеть в этом споре одно из проявлений экономической борьбы. Поскольку здешний священник отдавал большую часть земли в аренду, то вопрос о том, кто ее будет арендовать не был незначительным. Подобные споры проходили в период правления Матвея I и в трансильванском Клуже, где против гегемонии «саксов» выступили тамошние мадьяры.

Ко второй половине XV — первым десятилетиям XVI в. относится целый ряд свидетельств о попытках немецкой городской верхушки не допустить в среду полноправных граждан выходцев из местного — прежде всего словацкого — населения. Так, когда в 1517 г. король приказал в городе Крупине учитывать в спорах и свидетельства представителей других национальных групп, немецкий патрициат стал препятствовать поселению словаков и мадьяр в городе. Поэтому в 1519 г. король издал распоряжение о том, что словаки и мадьяры имеют право покупать в городе дома⁷. Немецкие купцы в городе Спишска Собота приняли решение, что в городскую коммуну нельзя принять словака, если он не может принять присягу перед судом на немецком языке. В г. Бардееве городской совет не хотел дать разрешения варить и продавать пиво двум горожанам, потому что они не знали немецкого языка⁸. В г. Кремнице, где чеканились золотые дукаты и серебряные денары, где добывалось золото, немецкий патрициат зорко следил за тем, чтобы представители другой национальности не могли купить дом на территории, укрепленной стенами, препятствовали они покупке дома и вне стен укрепления. Так немецкое купечество стремилось лишить собственника дома в укрепленной части города, богатого торговца лесом Ст. Вильгельмовича членства в городской коммуне в 1453—1455 гг. только по той причине, что он был словак⁹, хотя он был потомственным горожанином и владел на правах совместного владения фойтством в г. Жилине. В 1518 г. против городского совета в Кремнице вынужден был выступить король, указав, что некая вдова жителя города имеет право продать дом (пустующий уже 9 лет) кому угодно, лишь бы он не был «еретиком»¹⁰. В Банской Быстрице в 1524 г. немецкие купцы добились от короля подтверждения того, что у рыночной площади имеет право жить только немец по происхождению. Эти свидетельства являются показателем роста удельного веса и значения словацкого населения в жизни королевских городов. В его среде начинает складываться зажиточная прослойка, вступающая в борьбу за власть с немец-

⁶ A. H ú š č a v a. Najstaršie výsady mesta Trnavy. «Bratislava», 1939, № IX, s. 33—34; Br. V a r s i k, K sociálnym a národnostným bojom v mestách v stredoveku. В сб. «Slováci a ich národný vývin». Bratislava, 1969, s. 64—66.

⁷ «Slováci a ich národný vývin», s. 75—76.

⁸ V. J a n k o v i č. Z minulosti Spišskej Soboty. «Popradské metamorfózy», Turnov, 1971, s. 114; A. G á c s o v á. Ibid., s. 14.

⁹ P. K r i ž k o. Z dejín banských miest na Slovensku. Bratislava, 1964, s. 324—333.

¹⁰ T. B o t k a. Barsmegyei oklevéltár. Aranyos Maróth, 1884, s. 121.

ким патрициатом, который ожесточенно защищал свое особое положение, трактуя городские права и привилегии как исключительное достоинство верхушки немецких колонистов.

О росте значения словацкого населения в жизни городов свидетельствуют и имеющиеся данные о национальном составе некоторых цехов, занятых производством продуктов питания. Так, в Банской Быстрице среди мясников с 80-х годов XV в. словаки по количеству превосходили немцев. Они привлекли в свой «словацкий» цех и мясников из окрестных сел и местечек¹¹. Между тем в указанных горных городах ремесло мясников было весьма прибыльным, так как здесь 4000 горняков, наемных рабочих потребляли большое количество мяса, говяжьего жира и кожи. Неудивительно, что и в этой области деятельность словацких ремесленников наталкивалась на сопротивление немецкого патрициата: в Банской Штявнице городской совет издал в 1487 г. распоряжение, что в цех мясников нельзя принимать учеников ни словаков, ни мадьяр¹².

Из указанных примеров видно, что национальные противоречия имели экономические основы, возникали ли споры об участии в городском управлении, о национальности священника, о праве купить дом или о праве на занятие каким-либо ремеслом. Национальный характер этой борьбы был собственно той формой, которая давала возможность угнетенным слоям городского населения добиваться успеха в борьбе с немецким патрициатом в период до Реформации. Реформация же, вводя в литургию живой язык вместо латыни, создавала дополнительную основу «национальной» борьбы в городах. Важным рубежом в развитии городов и структуры городского населения на территории Словакии как составной части венгерского феодального государства можно считать вторую четверть XVI в. (1525—1550 гг.). В эти годы произошли значительные культурные и политические изменения.

Культурные изменения были связаны с Реформацией, когда большинство населения Словакии перешло либо в лютеранство (в основном словаки и немцы), либо в кальвинизм (мадьяры, частично словаки), что значительно ослабило политическое и культурное влияние католической церкви.

Во второй половине XVI в. различия в положении немецкого и словацкого населения королевских городов были углублены и различиями религиозными, поскольку немецкие купцы и ремесленники уже приняли протестантизм, в то время как горожане-словаки еще некоторое время оставались в лоне католической церкви¹³.

Существенно, что и позднее, когда и немцы и словаки уже были протестантами, дело создания единой церковной организации столкнулось с серьезными трудностями. На синодах в Жилине 1610 г. и Спишском Подгради 1614 г. лютеранское духовенство при поддержке палатина Ю. Турзы сумело создать собственную организацию — дистрикты во главе с суперинтендантами¹⁴. Для немецких и мадьярских приходов учредили особый инспекторат в рамках отдельных дистриктов. Немецкий патрициат горных городов долго не хотел подчиняться суперинтендантам-словакам. Он оставался в рамках собственного горнорудного сеньерата вплоть до насильственной контрреформации (после 1671 г.). Создание собственной церковной организации, в рамках которой немецкий элемент не занимал господствующего положения, было крупным

¹¹ P. R a t k o š. Ibid., s. 287—289.

¹² Ibid., s. 293.

¹³ Ibid., s. 210.

¹⁴ B r. V a r s i k. Husiti a reformácia na Slovensku do žilinskej synódy. Bratislava, 1932, s. 185—189.

успехом населения королевских городов в их борьбе за равноправие. Следует отметить, что при этом важную роль сыграло сотрудничество словацких священников с палатином — главой сословной власти венгерского дворянства на территории Словакии. Причины этого сотрудничества станут понятнее, если мы обратимся к изменениям, происшедшим во 2-й четверти XVI в. в составе городского населения. Эти изменения были связаны с появлением в городах большого количества венгерских дворян — беженцев из оккупированной Турцией части Венгрии. Их попытки приобрести себе недвижимость внутри городских стен сразу стали наталкиваться на сопротивление городской верхушки, которая в некоторых местах (например, в Скалице) вообще не хотела принять дворян-беженцев в город.

Начало этой борьбы зафиксировано в Трнаве. Сюда бежали в 1529—1531 гг. десятки семейств из Буды и Эстергома. Среди них были представители духовенства. Противоречия здесь скоро обострились до такой степени, что в период венгерского дворянского сейма 1545 г. Трнаве грозило кровопролитие. В основе трнавского конфликта следует искать экономический аспект. Среди беженцев преобладали дворяне, которые в соответствии с венгерскими обычаями не платили налогов и не выполняли каких-либо повинностей. В результате они имели больше выгоды в торговле вином, скотом или зерном. Более того, пользуясь своими привилегиями дворяне-горожане могли создать «город в городе». Неудивительно, что немецкий патрициат, опасаясь конкуренции, не желал допустить венгерских дворян на территорию города. В этих условиях старый вопрос о правах отдельных «наций» в словацких городах приобрел небывалую до того остроту, поскольку на этот раз политика немецкого патрициата ущемляла интересы венгерского дворянства, в поддержку которого поспешили выступить органы его сословного представительства. Новая ситуация оказалась для немецкого патрициата невыгодной и это сказалось уже на результатах происшедшего в Трнаве конфликта. Вынужден был вмешаться король, издавший в 1551 г. распоряжение, гласившее, что в Трнаве рихтары должны избираться ежегодно, при этом они должны чередоваться по национальностям (Hungari, Germani, Sclavi). Так же пропорционально должны распределяться и другие городские должности. Это распоряжение было победой мадьярских дворян-беженцев¹⁵.

Борьба, однако, продолжалась, и регулированием отношений между немецкой городской верхушкой и венгерскими дворянами занялся венгерский сейм. После длительных споров венгерский сейм в 1563 г. принял решение, 62 статья которого гласила, что дворяне-беженцы могут поселиться и покупать дома во всех свободных королевских городах габсбургской Венгрии, но при этом установлены были следующие условия: а) все общественные повинности и службы они будут выполнять наряду со всеми горожанами (недворянами); б) в торговле сохраняют свободы и обычаи городов; в) в свои дома для нужд своей семьи (и слуг) могут привозить вино, но торговать им не могут¹⁶. Однако венгерское дворянство не соблюдало этого решения, хотя по требованию представителей городов закон неоднократно подтверждался на сеймах 1601, 1608, 1635 и 1647 гг.

Принятый закон давал возможность городам защищать свои интересы при королевском дворе, но не препятствовал его несоблюдению дворянами на практике. Так, например, в г. Зволее венгерский дворянский поэт эпохи ренессанса Балинт Балашша купил дом (у Бенковича) и открыл там продажу вина, не делая каких-либо взносов в городскую

¹⁵ A. H ú š č a v a. Ibid., s. 11—12.

¹⁶ «Corpus iuris Hungarici» (далее — СИИ), IГ (ed D. Márkus), Budapest. 1899, p. 518.

кассу¹⁷. Со своей стороны и немецкий патрициат не выполнял условий соглашения, упорно препятствуя приобретению дворянами недвижимости в городах. Споры между привилегированной дворянской прослойкой и немецким патрициатом разворачивались в условиях политического кризиса в Венгерском королевстве, когда в стране господство габсбургской династии установилось против воли большей части венгерского дворянства, поддерживавшей интересы магнатского рода Заполья. Если дворяне-венгры находили поддержку у своих сословных организаций и их главы — палатина, то патрициат стремился добиться и добивался поддержки своих позиций со стороны королевской власти. В этих условиях сословная и национальная борьба в словацких городах стала приобретать характер политической — между сторонниками и противниками власти Габсбургов в Венгерском королевстве. Словацкое население свободных городов, борющееся за свое равноправие, стало искать сотрудничества с антигабсбургскими политическими силами, что привело к политическому расколу в среде самого городского населения.

В восстании горняков 1525—1526 гг., в котором основными были требования улучшения оплаты труда, а также радикальные требования религиозного характера (так же, как и в революционном лагере Крестьянской войны в Германии), национальные различия не обнаруживались. Но спустя некоторое время в Банской Быстрице происходит разделение социальной организации «Братства горняков» на немецкую и словацкую части в соответствии с разной политической ориентацией¹⁸.

Эти различия в политической ориентации ярко проявились в ходе антигабсбургских дворянских восстаний. Примером может служить положение, создавшееся в словацком городе Крупине.

Османским войскам на пути к горнорудным городам противостоял гарнизон г. Крупины, состоявший большей частью из бывших словацких крепостных, служивших в армии по найму. Многие из них купили в Крупине дома и стали горожанами. Вопреки тому что крупинский купеческий патрициат препятствовал участию словаков в городском управлении и разрешил словакам иметь только своего проповедника, словацкие горожане добивались больших прав. Случай для достижения этого представился в самом начале антигабсбургского дворянского восстания под руководством И. Бочкая (1604—1606 гг.). Несмотря на то что крупинские немцы и словаки принадлежали к лютеранской церкви, их отношение к восстанию Бочкая было разным. В то время как немецкий городской совет колебался в своей политической ориентации, словацкие горожане единодушно стали на сторону венгерских повстанцев. Эти обстоятельства, несомненно, были приняты во внимание стоявшими во главе восстания дворянскими политиками. Когда летом 1605 г. происходил сейм антигабсбургского повстанческого лагеря, представители дворянства добились принятия принципа равноправия горожан в получении должностей в свободных королевских городах независимо от национальности¹⁹. Несмотря на то что восстание закончилось Венским миром и смертью Бочкая, был принят принцип равноправности национальностей в городах в ст. 13 решения пресбургского сейма 1608 г. Это решение было обязательным для всех свободных горных городов, т. е. словацких городов (Зволена, Крупины) в особенности²⁰.

¹⁷ S. Eckhardt. Az ismeretlen Malassi Bálint. Budapest, 1943, s. 80—82.

¹⁸ J. Vlachovič. Slovenská med' v 16. a 17. storočí. Bratislava, 1964, s. 122—124, 202.

¹⁹ Отражение решений сейма 1605 г. видно и в п. 15 Венского мира от 23 VI 1606 г. H. Marczali. Enchiridion fontium historiae Hungarorum. Budapestini, 1902 s. 492—493.

²⁰ СИН, III, р. 18.

Текст этого первого в многонациональном Венгерском королевстве «национального» юридического решения по своему содержанию противоречив. В то время как § 1 этого закона говорит: «...чтобы во всех свободных городах избирались сначала рихтары, а потом и сенаторы, а также другие должностные лица без различий национальной принадлежности и какой-либо религиозной дискриминации; пусть, наконец, избираются на эти должности мадьяры, немцы, чехи или словаки, живущие в каком-либо городе, вместе и поочередно», в § 2 и 3 подчеркивается право дворян Венгрии (в большинстве мадьяр) покупать дома и пользоваться городскими привилегиями (согласно статье 63 решения сейма 1563 г.), но в § 4 этого закона подчеркивается, что законные привилегии (т. е. данные венгерскими королями), которыми до сих пор города пользовались, должны остаться неприкосновенными. Этот § 4 давал возможность немецкому патрициату не принимать во внимание § 1 статьи 13 решений сейма 1608 г., поскольку эти старые привилегии признавали исключительное право немецкого патрициата на занятие городских должностей.

В дальнейшем противоречивость статьи 13 стала ясной, поэтому по инициативе дворян на сейме 1609 г. принцип равноправия представителей всех национальностей был подтвержден без преамбулы о старых привилегиях, но с указанием о привлечении к ответственности представителей немецкого патрициата, не соблюдавших законных постановлений сейма²¹. Это решение сейма устанавливало: «рихтарские и другие должности в свободных, горных и других привилегированных городах следует представлять как мадьярам, так и немцам, словакам или чехам без какой-либо национальной или религиозной дискриминации (§ 1). В том числе пусть будет свобода купли домов, как об этом говорилось в решении прошлого года (§ 2). Это (сословия) считают необходимым возобновить (§ 3). К этому добавляется штраф: сколько раз горожане нарушат указанное решение, столько раз должны будут королевскому величеству и королевской казне заплатить по 2000 венгерских флоринов».

Но немецкий патрициат по-прежнему не хотел уступать. В Крупине он не считался с решениями сейма и не допускал словаков в городской совет. Только в 1620 г., когда словаков поддерживали жившие в городе мадьярские дворяне, и после вмешательства палатина Ю. Турзы патрициат согласился, чтобы в городском совете наряду с шестью немцами были три мадьяра и три словака. Они упрекали крупинских словаков и мадьярских дворян, что «у них нет своего короля и они его и иметь не будут, потому что не заслуживают его, так как они предатели». Из этих упреков видно, что в этот период немецкие сторожилы считали Габсбургов «своей» немецкой династией, а словаков и мадьярских дворян за их участие в восстании под руководством Бочка считали предателями. Тем не менее в 1612 г. под давлением палатина Ю. Турзы немцы должны были уступить и согласиться с паритетным представительством в городском совете (и немцев, и мадьяр, и словаков), при этом рихтар должен был избираться каждый год попеременно из состава каждой национальной группы.

Из ратуши споры перенеслись в городской собор. Несмотря на постановление палатина о богослужении сначала на словацком, а затем на немецком языке, словакам не удалось добиться справедливого решения. Они подняли бунт, который был подавлен, капеллан повешен, а один горожанин казнен²². В этих событиях, по всей вероятности, мадьярские дворяне стали на сторону немецкого патрициата. Но и эти репрессии не дали должного результата. Спустя несколько десятилетий Крупина ста-

²¹ СИН., III, р. 64—66.

²² Br. V a r s i k. Husiti a reformácia na Slovensku..., s. 192—193.

ла, учитывая количество жителей, словацким свободным городом. Так же развивались события и в соседнем горнорудном городе Пуканец.

В горнорудных городах в поддержку немецких патрицианских клик выступили и горные палаты, представлявшие здесь интересы Габсбургов. Наиболее рельефно этот процесс в начале XVII в. проходил в Банской Быстрице²³. Здесь представителям словацких горожан удалось укрепиться во внешнем городском совете еще до 1608 г., хотя это и не имело существенного значения в распределении сил в управлении города. Патрициат Банской Быстрицы не хотел решить национальных споров и после принятия решения сеймами 1608 и 1609 гг. (статьи 13, 44). В начале декабря 1610 г. в присутствии палатина Ю. Турзы между представителями немецкого богатого меньшинства и словацкого бедного большинства было достигнуто соглашение на основе решений сейма 1609 г. Но немецкий патрициат укрепленного города, поддержанный чиновниками палаты (австрийцами), соглашения не соблюдал, и в 1612 г. палатин в грамоте Банской Быстрице (написанной на латинском и словацком языках) указывал: «Чтобы в числе панов советников не только один народ или *patio*, но согласно общему правилу — панов страны постановления лета тысяча шестисотого восьмого — всех свободных городов без учета народности или *patii* и различия вероисповедания сначала рихтары, а затем советники паны должны быть избраны и на другие всякие должности немцы, „угры“ (т. е. мадьяры) и чехи или словаки, и если бы в то время „угры“ не были, немцы и словаки должны равным способом избираться»²⁴. Немецкий патрициат понимал, что его уступка была бы концом его гегемонии, поэтому избрал тактику оттягивания. Интересы словацких горожан Банской Быстрицы решили защищать дворяне широкой округи, и на сейме 1613 г. принято было решение о наложении на Банску Быстрицу штрафа 2000 флоринов вследствие того, что управление города отказалось руководствоваться соглашением 1612 г., заключенным в присутствии палатина и комиссаров палаты. Однако патрициат апеллировал к королю Маттиасу II, а королевский двор вовсе не стремился к удовлетворению интересов словаков. Представительство словаков в выборных органах было недостаточным, и в 40-х годах в городе снова разгорелась борьба. Для успокоения волнений в Банскую Быстрицу в 1650 г. приехал палатин П. Палффи, который обязал обе стороны мирно жить и разделить места во внутреннем городском совете следующим образом: половина мест должна была принадлежать немцам, а половина — словакам, при этом совет должен был избираться ежегодно. После раскрытия магнатского заговора 1671 г. венский двор начал применять на выборах административное давление во всех свободных городах и проводить в городские советы прогабсбургски настроенных горожан. В Банской Быстрице в 1676 г. вспыхнули волнения словаков, их поддержали венгродворяне. Словаки требовали восстановления своего представительства в совете, в соответствии с решениями сеймов 1608, 1609 и 1613 гг., участия в других городских органах. В третьей четверти XVII в., когда в рамках обеих национальных групп Банской Быстрицы произошло разделение в

²³ После рецензии Ф. В. Сасинка в журнале «Slovenský letopis pre historiu, topografiu, archaeologiu a ethnografiu», II (Skalica, 1877, s. 164—172) на работу А. Иноши об истории Банской Быстрицы, этой же проблематике посвятил свои работы И. Марков: K dějinám zák. čl. 13: 1608 a. cor. v Banskej Bystrici r. 1609—1614. В сб. «Pocta k šedesiatym narodeninám K. Latovku». Bratislava, 1933; K dejinám zák. čl. 13: 1608 a. cor. v Banskej Bystrici 1646—1700. В сб. «Pocta k šedesiatym narodeninám prof. Dr. A. Miloty». Bratislava, 1937; Náboženské a národnostné spory v Banskej Bystrici v XVII a XVIII. stor. «Historický sborník Matice slovenskej», № V, 1947, s. 373—395.

²⁴ Письмо Ю. Турзы опубликовано в «Sborník Museálnej slovenskej spoločnosti», 1900, V, s. 188.

религиозном отношении, во время выборов рихтара и городского совета образовались четыре различные группы: немцы — евангелики и католики, словаки — евангелики и католики, при этом в рамках города все командные места стремились занять богатые немецкие горожане, а венский двор усиленно поддерживал немецкую католическую группу. Национальные трения усиливались и в связи с такими политическими событиями, как антигабсбургские восстания под руководством Э. Текели и Ференца II Ракоци. То, что в Банской Быстрице и религиозная проблема стала усложнять национальные трения, следует из соглашения 1692 г., подписанного в присутствии комиссара палаты П. Боршицкого. Согласно этому договору, в городском совете должны были быть по три представителя от каждой группы. Но и это соглашение не долго соблюдалось, так как в XVIII в. автономия свободных городов постепенно ограничивалась в результате абсолютистских устремлений Габсбургов.

Во второй половине XVII в. активизируется словацкое население в городах Левоча и Прешове, где словацкие горожане-евангелики требовали соответствующих прав в административной, производственной и религиозной сферах. Можно сказать, что в большинстве свободных городов мадьярские дворяне вместе с дворянами словацкого происхождения поддерживали словацкое население в его борьбе с немецким патрициатом. Например, дворянин Виттнеди, житель города Прешова, по происхождению мадьяр, основал евангелический коллегийум и требовал от городского совета, чтобы обучение в нем вели словаки²⁵.

Национальные конфликты проявлялись не только в борьбе за участие в управлении городом или в борьбе за язык богослужения, но и в других сферах. В феодально зависимом городе Тренчине некоторые словацкие цехи не разрешали заниматься ремеслом мадьярам. При этом запрещали говорить «по-угорски», т. е. на мадьярском языке, на цеховых собраниях.

Наконец, в условиях сложных межнациональных идеологических контактов и споров шел процесс формирования идеологии словацкой феодальной народности. Предпосылками для ее возникновения явились экономическая и политическая активность словацких горожан и связанный с нею подъем городской культуры. Следует указать, что в развитии словацкой культуры принимали участие и литераторы-дворяне, развивавшие как мадьярское, так и словацкое литературное творчество (например, Петер Беницкий). Словацкая культура, и прежде всего городская, переросла рамки Венгерского королевства в значительной мере благодаря развитию в XVI — XVII вв. тесных литературных связей между интеллигенцией Чешских земель и Словакии (например, Мартин Раковский). Чешские земли и Словакию связывал общий литературный язык — язык чешской библии, который в Словакии выполнял ту же функцию, что в средневековой Руси — церковно-славянский. Благодаря тесным чешско-словацким связям уже в период до Реформации и в особенности после нее в источниках появляется определение словаков: Bohemi, Böhmen (в частности, в отношении евангеликов)²⁶.

²⁵ G. H a i n. *Löcsei kronikája* (ed. J. Bal, J. Förster, A. Kaufmann, Löcse). Levoča, 1911—1913, s. 357—358. В Прешове жил чешский эмигрант Якуб Якобеус (с 1636 г.), латинский поэт и историк, уделявший значительное внимание тяжелому положению словаков; его исторический труд «*Viva gentis Slavicae delineatio*» до сих пор найти не удалось (см. J. M i n á r i k. *Jakub Jakobeus. Vúber z diela*. Bratislava, 1963).

²⁶ Типичный пример дифференциации и одновременно совпадения терминов «чешский» и «словацкий» мы находим на четырехязычной титульной странице работ Я. А. Коменского «*Orbis sensualium pictus*» издания С. Брера в Левочах, 1685 г., где видно следующее написание: лат. — *Latina Germanica Hungarica Bohemica* (помен-

Под влиянием этих контактов в словацкой среде в XVI в. складывалось представление о тесном родстве словаков с другими славянскими народами, подчеркивалась домадьярская и дореформационная древность, связь с античной Паннонией, когда ее в период контрреформации начали отождествлять с Великой Моравией («паннонский король» Святоплук)²⁷. Эти представления о происхождении и истории словацкого народа возникали в борьбе с представлениями, существовавшими в среде немецкого патрициата и венгерского дворянства. Имеем в виду как развивавшуюся с XVI в. в немецких городских энклавах *Restgermanentheorie*, так и распространявшееся в среде венгерского дворянства, почерпнутое из средневековых хроник учение о покорении славян Дунайской котловины, и в частности словаков, ибо их древний представитель Святоплук продал мадьярам Арпада «родину» за белого коня и красную уздечку²⁸. В ходе споров между идеологами различных национальных групп наметился различный подход к содержанию такого основополагающего общественно-политического понятия государственной идеологии Венгерского королевства, как «*natio Hungarica*». В последнее время венгерский историк С. Сюч подверг анализу термин «*natio Hungarica*» и пришел к выводу, что в XVI—XVIII вв. он имел три значения: а) гражданскую принадлежность к венгерской государственной территории; б) сословную принадлежность к господствующему классу; в) принадлежность к мадьярскому этносу²⁹. Вопрос о содержании этого понятия оказался в центре политических споров начала XVIII в. С этими спорами связано выступление словацкого ученого Яна Балтазара Магина, представлявшее собой новый качественный феномен в идеологии словацкой феодальной народности.

Большим событием в жизни словацких горожан и дворянства стала изданная в 1722 г. на латинском языке работа профессора Трнавского университета М. Бенчика под названием «*Novissima diaeta Posoniensis*». В этой работе, доступной образованной части населения, М. Бенчик подверг резким нападкам жителей Тренчина за их антимадьярские действия (в цехах). Стремясь оскорбить их национальное чувство, он в духе хроники Я. Турочи назвал жителей Тренчина потомками народа Святоплука, который продал мадьярам свою родину. Поэтому словацкий народ (а не только жители Тренчина) стал навеки подчиненным «мадьярам» и, собственно, только арендатором земли, которую обрабатывал. Жители Тренчина сочли по праву этот выпад Бенчика оскорблением, и, что особенно интересно, дворянство тренчинской столицы приняло это оскорбление и в свой адрес. 6 января 1724 г. они протестовали против этого у жупана и владельца города Тренчина И. Иллешхази. Еще до этого город Тренчин и чиновники тренчинской дворянской столицы поддержали издание труда, автор которого выступил бы в защиту жителей Тренчина и словаков вообще. Такой труд на латинском языке написал и издал дубницкий священник Я. Б. Магин в конце 1723 г. Я. Б. Магин защищает «словацкую народность» (*natio Sclavica*), признавая ее принадлежность к «славянскому

clatura), нем. — lateinische deutsche ungrische böhmische (Benamung), венг. — *deák* (!) *német magyar t o t ** (*megnevezése*), слов. — *latinským nemeckým uherským slovenským ** (jazykem).

* Здесь издатель не употребляет ни венгерское «*cseh*», ни словацкую параллель к «*bohemicush*»: «*český*».

²⁷ Br. V a r s i k. *Národnostný problém trnavskej university*. Bratislava, 1938, s. 149—159.

²⁸ Распространению этой легенды в дворянской среде способствовало издание хроники Я. Турочи (первое издание в 1488 г. в Брно, второе — в Аугсбурге, третье — во Франкфурте в 1600 г.).

²⁹ J. Š z ũ c s. «*Národnost*» a «*národné povedomie*» v stredoveku. K vytváraníu jednotnej terminológie. «*Historický časopis*», 1971, № 19, s. 495—546.

племени», вместе с тем четко отделяя ее от других славянских народов — чехов, поляков, русских. В противовес утверждениям М. Бенчика, он развивает теорию о том, что словаки — исконное, древнее население страны, гостеприимно приняли мадьяр и добровольно соединились с ними в одном общем государстве. На этом основании Я. Б. Магин выдвигает право словаков быть равноправными членами и «*natio Hungarica*»³⁰. Poleмический труд Я. Б. Магина был реакцией не только на выпад М. Бенчика, но и на бытовавшие в то время различные оскорбительные поговорки. Поэтому нельзя отрицать и того факта, что феодальному патриотизму венгерского дворянства XVI—XVII вв. свойственна была и нетолерантность, сформулированная уже в хрониках XIII в.

Все вышесказанное позволяет нам наметить основные вехи борьбы словацкого народа за национальное равноправие в период развитого и позднего средневековья.

Борьба горожан - словаков за эмансипацию в королевских городах проходила в XIV—XVI вв. в локальных формах и изолировано. Это движение и в хронологическом отношении не было чем-то целым. В XVII в. оно стало более интенсивным, когда союзником словацких горожан стало венгерское дворянство. Только таким способом могли быть достигнуты юридические решения 1608 г., направленные главным образом на поддержку борьбы горожан-словаков с правящими кликами немецких купцов в Крупице и Банской Быстрице. В результате национальный вопрос и национальная дискриминация в период позднего венгерского феодализма перестали быть закрытым явлением в рамках одного города. В национальной проблематике феодального Венгерского королевства качественным изменением является защита г. Тренчина Я. Б. Магином в 1723 г., переросшая в защиту интересов словацкой народности в целом. Дальнейшие перспективы развития национальных отношений в королевских городах определялись общими закономерностями социально-экономического развития Венгерского королевства, а они складывались неблагоприятно для городов, которые в период позднего средневековья не смогли занять важного места в экономической и политической жизни страны. Их развитию ставило жесткие рамки создание в стране крепостной системы, что привело к усилению в экономической жизни страны роли дворянства, стремившегося подчинить своему влиянию рынки свободных королевских городов, где оно сбывало продукцию своего фольварочного хозяйства. В этом направлении развивалась и политика венгерского государства как инструмента феодальной власти дворянства, которое стремилось ограничить права городов как политического сословия. Наконец, весьма немаловажным для судьбы городов Венгерского королевства был тот факт, что с конца XIV до начала XVI в. венгерским магнатам удалось подчинить своей власти десятки королевских городов и местечек. В XVI в. на территории Словакии было лишь 17 свободных королевских городов и свыше 200 феодально-зависимых городов и местечек. В результате в королевских городах с XVII до конца XVIII в. стало играть главную роль дворянство, что и обусловило их культурно-политическую унгаризацию. Хотя борьба словацкого населения королевских городов не смогла в этих условиях увенчаться успехом, она была важным явлением внутреннего развития многоэтнического Венгерского королевства.

³⁰ J. T i b e n s k ý. Chvály a obrany slovenského národa. Bratislava, 1965, s. 71—91. Работы «*Murices nobilissimae et novissimae diaetae Posoniensis scriptori sparsi sive Apologia pro inelyto comitatu Trenchiniensi, ejusdemque nominis civitate conscripta adversus calumnias, quibus cervus et agnus per summam injuriam ab eodem scriptore sunt operati*», Я. Б. Магин посвятил наследственному жулану Тренчанской столицы И. Иллешгазн. В специальной литературе год издания 1728 указан неправильно.

О. Р. ЛАПТУХИНА

ИЗОБРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В РОМАНЕ РЕЙМОНТА «МУЖИКИ»

(К вопросу о реализме писателя)

Польская литература конца XIX — начала XX в. необычайно богата творческими индивидуальностями, философскими и художественными концепциями. Реализм и натурализм, неоромантизм и символизм тесно переплелись в этой многообразной, многоликой эпохе, обогащая и видоизменяя характер всей литературы на рубеже веков. В прозе и поэзии «Молодой Польши» происходило обновление тематики и проблематики, изменялись средства изображения. Чтобы отразить противоречивую, насыщенную важными событиями социальную действительность, реалистическая литература должна была динамически сочетать в себе как уже разработанные, так и новые элементы. Новые, подсказанные жизнью качества реализма рождаются в произведениях польских писателей, воссоздающих новую эпоху, открывающих ее важнейшие черты.

К ним принадлежит Владислав Станислав Реймонт (1867—1925), сумевший вскрыть эти черты в лучшем своем произведении — романе «Мужики» (1904—1908).

Обращение Реймонта в 1890—1900 гг. к традиционной для польской литературы крестьянской тематике особенно понятно. В это время гуманистические идеи Ю. И. Крашевского и Т. Т. Ежа развивали писатели-реалисты старшего поколения — Г. Сенкевич, Э. Ожешко, Б. Прус, А. Дыгасиньский, успешно продолжая начатый в предшествующий период анализ отношений в послереформенной деревне.

По-разному, в зависимости от степени радикальности идеологии, понимания целей и задач литературы, особенностей разрабатываемых жанров, осваивалась крестьянская тема писателями, которые дебютировали в последнем десятилетии прошлого века. Все они интуитивно или сознательно приходили к мысли, что крестьянство является важнейшей составной частью нации, что в нем заключены ростки будущего.

Большое значение для утверждения в литературе «Молодой Польши» крестьянской темы имел литературный, научный и общественно-политический еженедельник «Глос» (1886—1905). Этот журнал на протяжении двух десятилетий был очень влиятельным органом, не только отражающим, но и в значительной мере формирующим явления искусства.

К деревне сотрудничавших в «Глосе» общественных и литературных деятелей приводили поиски решения назревших национальных и социальных проблем, поиски той общественной силы, с которой можно было бы связать будущее нации. Но позиция журнала была непоследовательна, противоречива, его деятельность с самого начала определялась борьбой

двух группировок: группы пропагандиста научного социализма и марксизма Л. Кшивицкого и группы либеральных народников («людовцев») во главе с А. Венцковским.

Буржуазно-националистическая программа «людовцев» легла в основу проспекта еженедельника. В нем говорилось о превосходстве крестьянина с его любовью к родине, земле и труду над деградирующей шляхтой, алчной буржуазией и бездействующей интеллигенцией, превозносилась коллективная крестьянская мораль, культура крестьянского, а не шляхтеского образца, провозглашалась идея опоры на народ (в понимании «людовцев» — на крестьянство), но в действительности программа их была минималистской: просвещение как единственный способ улучшения положения в деревне, выкуп крестьянами земли по «справедливой» цене как средство борьбы с голодом.

Л. Кшивицкий и его сторонники отмечали, что журнал уделяет недостаточно места проблемам рабочего класса, сосредотачивает все внимание на крестьянских вопросах, но и здесь его решения, как правило, половинчатые.

Декларируемое стремление «Глоса» не ограничиваться абстрактными рассуждениями о вековой отсталости деревни, а активно вмешиваться в ее жизнь, привлекали к себе писателей, чье воображение и сознание было захвачено проблемами села. С «Глосом» были связаны писатели старшего поколения, например Э. Ожешко, в нем печатались и дебютировали почти все прозаики поколения «Молодой Польши», в том числе и Реймонт.

В начале 1894 г. Реймонт записывает в дневнике: «Если и есть родственные мне души, то только в „Глосе“ — это Жеромский, Грот, Дыгас, Остоя...»¹. Но разделив с журналом его демократическую направленность, интерес к проблемам народа, Реймонт разделил и его половинчатость в решении крестьянских проблем, и его идеализацию деревенской жизни.

Двойственностью восприятия деревни отличаются напечатанные в «Глосе» «крестьянские» рассказы Реймонта (1897). Деревня нарисована им, с одной стороны, как жестокая и бесчеловечная («Смерть»), с другой — как идиллическая, приносящая умиротворение («Счастливые»).

Аналогичные тенденции можно обнаружить во всей «крестьянской» литературе 1890—1900 гг. У таких писателей, как А. Дыгасиньский, З. Недзвецкий, Я. Каспрович, В. Оркан, понимание крестьянства как могучей силы сочеталось с натуралистическим изображением жизни деревни. Это подчеркивало несоответствие действительного положения крестьянства его предназначению.

Вторая тенденция в «крестьянской» литературе 90-х годов — так называемая людоманская. «Людомань» (И. Север, М. Ясеньчик, Ю. Едлич) рассматривали деревню как идеал, противопоставляя ее дисгармоничному буржуазному городу, превознося красоту сельской природы, оригинальность крестьянской культуры.

В начале нового столетия, когда повсеместно развертывалась борьба крестьянства за свои права, стала очевидной несостоятельность как негативного, натуралистически заземленного изображения деревни, так и позитивного ее изображения в духе «людоманской» буколички.

В 900-е годы все чаще тезис о крестьянстве как основной силе нации аргументируется широким отражением его новых социальных качеств. По мере нарастания революционного подъема медленно, но неуклонно углубляется изображение жизни народа. К мысли о том, что крестьянин должен

¹ Цит. по: M. Wa r n e Ń s k a. Medium piszące. Łódź, 1970, s. 133. Грот — А. Потоцкий, Дыгас — А. Дыгасиньский, Остоя — Ю. Савицкая.

завоевать себе будущее, приходит наиболее радикально настроенная из писателей старшего поколения М. Конопницкая («Пан Бальцер в Бразилии», 1892—1910).

Попытку найти средство спасения народа от нужды и неволи предпринимают и писатели поколения «Молодой Польши»: Оркан («В долинах», 1899—1901), Выспяньский («Свадьба», 1901). Жеромский (очерк «Слово о батраке», 1908), А. Струг («История одной бомбы», 1910).

Объективные перемены в польской деревне отразились и в произведениях Реймонта.

Потребность не ограничиваться критицизмом, страсть утверждения были существенными чертами миросозерцания писателя. Стремление предложить способ совершенствования общества присуще и его романам 90-х годов. Но позитивная программа в «Комедиантке», «Брожении», «Обетованной земле» утопична. Глубокая неудовлетворенность писателя настоящим², а также рост художественного мастерства приводят Реймонта к реалистическому отождению в «Мужиках» ведущей тенденции эпохи — активной борьбы народных крестьянских масс за социальное и национальное освобождение.

Липцы, где разворачиваются события романа, — это не Аркадия, подобная Курову в «Обетованной земле», а деревня пореформенной и предреволюционной эпохи (действие романа происходит в начале XX в.) с резкими социальными контрастами, обогащением единиц и окончательным разорением масс, со все еще реальной, несмотря на формальное освобождение, зависимостью крестьян от помещика. Реймонт видит здесь внутренние противоречия, определяемые различием имущественного и общественного положения ее жителей: «Были в Липцах богачи, у которых дом — полная чаша, были зажиточные люди, которые тоже за заработком не гонялись, были и такие, которых нужда крепко донимала, но они в этом не признавались, чтобы можно было водить дружбу с богачами и быть с ними на равной ноге. Немало было безземельных, у которых нет ничего, кроме хаты. Одни зарабатывали себе кусок хлеба молотью у хозяев, другие топором на лесопилке или всякой работой, какая случится, и кое-как перебивались. Но оставалось еще семей пять-шесть, для которых в зимние месяцы совсем уже не хватало в деревне работы...»³.

Конфликт «бедные — богатые» приобретает острые формы. Антагонизм большинства крестьян и горстки богачей, навязавших им свою кабалу, проявляется в многочисленных стычках. С особенной силой противопоставление имущих и неимущих выступает в одном из самых ярких эпизодов романа: батрак Бороны Куба умирает в одиночестве в то время, как в доме хозяина через край льется разудалое свадебное веселье. Бедняки Реймонта осознают, что принадлежат иному миру, отделенному от богатеев глубокой межой: богачи не сядут с ними за один стол в корчме, богачам отведены лучшие места в костеле, лишней оказывается «мелюзга, сидевшая на одном морге земли», и на свадьбе у Бороны. Крестьяне твердо знают, что богачи в любую минуту готовы пойти на сговор с помещиком, что они не задумываясь предадут интересы общины, защищая свои личные выгоды. Бальзаковское «скажи мне, чем ты владеешь, и я скажу, что ты думаешь» неукоснительно действует в Липцах. «Панские холуи» (так на-

² В период создания романа он писал: «...я слишком ненавижу сегодняшний день, слишком презираю все, что вокруг меня делается, и слишком страстно жажду другого, более светлого будущего...». Цит. по: J. K r z y ż a n o w s k i. W. S. Reymont. Twórcza i dzieło. Lwów, 1937, s. 7.

³ В. С. Р е й м о н т. Мужики, т. 2. М., 1954, стр. 336. Далее цитируется по этому изданию, том и страницы указываются в тексте.

зывают богачей бедняки) оказываются солидарными с начальством и в затее с организацией в Липцах русификаторской школы.

Однако наряду с постоянными конфликтами, обусловленными расслоением деревни, Реймонт показывает тесную связь между крестьянами. Ему, как убежденному антиурбанисту, протестующему против отчужденности людей в городе, импонирует крестьянская солидарность. Одна из причин спаянности, по Реймонту, — это объединяющий крестьян труд на земле. Автор «Томека Барана» и «Справедливо»⁴ не обуславливает крестьянскую сплоченность причинами биологического характера, какова жизнь в одном ритме с природой, избегает Реймонт и «людоманской» трактовки крестьянской солидарности. Он мотивирует ее проявления не присутствием крестьянину инстинктом, а специфическими условиями и обстоятельствами социальной жизни деревни.

Как реалист Реймонт показывает обстоятельства, в которых солидарность не может быть не нарушена, и обстоятельства, в которых она не может не проявиться. Сплоченного выступления крестьян требует их борьба против помещика. Конфликты деревни с усадьбой, играя важную роль в жизни Липцев, являются главными звеньями повествования. Отобразив будни пореформенной польской деревни, Реймонт замечает, что свобода, предоставленная крестьянам после отмены крепостной зависимости, оказалась мнимой: тяжкое положение бедноты лишь усугубилось гнетом сельской буржуазии. Но изменился сам бедняк, сам крестьянин. В нем рождается убеждение в значительности своей роли в обществе, ощущение собственной силы.

Вступая в борьбу с помещиком, крестьяне знают, что должны отстоять свой лес, и отстоят его, заставят помещика пойти на уступки. В схватке за лес многие липчане ранены, многие оказываются в уездной тюрьме, но несмотря на это «никто не плакал, не унывал, — довольны были, что отстояли лес. Воротились с песнями, весело, как после победы на войне» (III, 24).

Различно и отношение крестьянина и помещика к чужеземному угнетателю, что отражено в эпизоде с продажей земли: «выбитый из седла» помещик, делая отчаянные попытки поправить свое положение, решает продать землю немецким колонистам, в то время как Липцы задыхаются от малоземелья. Но и в этот раз он встречается с решительным сопротивлением крестьян: мужики изгоняют немцев, вынуждают помещика изменить свои планы. Липецкие мужики выступают преемниками национально-освободительных традиций польского народа — намеки на их участие в восстании 1863 года рассеяны по всему роману.

Нам кажутся несправедливыми упреки, адресованные Реймонту советским исследователем В. Г. Чернобаевым⁵, польским литературоведом Л. Соberайским⁶, в том, что автор романа переносит акценты с классовой борьбы на борьбу за национальную независимость, в которой угнетенные и угнетатели выступают в одном строю. Реймонт не выдвигает блестяще развенчанный Выспяньским в «Свадьбе» девиз «С польской шляхтой польский народ». Но испытывая некоторое влияние идеи солидаризма, он вводит в роман образ шляхтича «опрощенца» Ядека, сражавшегося в восстании 1863 года вместе с батраком Кубой.

⁴ Рассказы Реймонта «Томек Баран» (1894) и «Справедливо» (1899) повествуют о крестьянской традиции «всем миром» решать дела, касающиеся общины.

⁵ В. Г. Чернобаев. «Chłopi» Реймонта (опыт социологического анализа). Тр. Ин-та славяноведения АН СССР, т. II. М., 1934.

⁶ L. Soberajski. Materiały do nauczania historii literatury polskiej. Warszawa, 1950, s. 81.

Проповедь всеобщего согласия, сентенции, перекликающиеся с идеями «Глоса», с его теорией «национального инстинкта» — «инстинктивного чувства единства и солидарности, проявляющегося в привязанности к земле и защите ее от завоевателя»⁷, с декларациями крестьянской партии Польски звёздек людовы, липчане нередко слышат из уст странника Роха — одного из самых противоречивых, вызывающих разночтения критики героев романа. Помощь крестьянам со стороны Роха Реймонт считает «каплей в море». Позволяя своему герою проповедовать на страницах романа идею солидаризма, Реймонт отнюдь не безоговорочно ее поддерживает. По всей видимости поэтому образы Яцека и Роха самые бледные в романе — они «мертвы» концептуально. Не случайно Реймонт показывает недоверчивое отношение крестьян к Яцеку. Настороженно принимают они и сказки Роха о короле, женившемся на простой крестьянке и ставшем народу отцом и хозяином.

Польский крестьянин начала XX в., стоящий накануне революции, еще часто находится во власти бытовых и общественных предрассудков. Следуя жизненной правде, писатель показывает, что уровень постепенно рождающегося и формирующегося в борьбе против угнетателей самосознания крестьян далеко не всегда позволяет им добиться победы. В ситуации, когда каждый из них в отдельности должен продемонстрировать свою социальную и политическую зрелость, многие отступают — берет верх привычная нерешительность.

Выдвигая на первый план основные, наиболее типичные для пореформенной и предреволюционной эпохи конфликты, Реймонт дополняет их множеством менее значительных, но также очень показательных обществено-исторических реалий: среди крестьян усиливаются антипомещичьи настроения, они вступают в бесконечные тяжбы с усадьбой. В целом крестьянство в романе Реймонта уже способно выступать сознательно и успешно. Народная крестьянская масса становится героем истории и героем романа с говорящим названием — «Мужики».

В сферу эстетического Реймонт включает не только борьбу крестьян, но всю их жизнь, быт и труд, сформированные и обусловленные природой. Превосходно описаны в «Мужиках» обычаи и обряды крестьян, их безудержное веселье в праздники, сосредоточенность и слаженность в трудовых буднях, их нужда и горе.

Тяготение писателя к изображению массы было подмечено критиками сразу же после выхода в свет его первых произведений. Так например, Л. Кшивицкий, рецензируя «Паломничество к Ясной Горе» (1895), отмечал, что художественное чувство и мышление Реймонта захвачено массой⁸. Анализ законов, правящих жизнью большой группы людей, подчас приобретающий вид натуралистического исследования среды, характерен и для романов Реймонта 90-х годов. Но в «Мужиках» интерес писателя к массе, к коллективу, скорее всего не натуралистического, а реалистического происхождения, так как обусловлен убеждением Реймонта в особой роли массы на данном этапе борьбы за социальное и национальное освобождение.

Не пренебрегает Реймонт и изображением личности. Напротив, современник неоромантического культа индивидуума, он уделяет проблемам личности и ее взаимоотношения со средой и обществом большое внимание, оригинально решая их. Особенно значительны в этом смысле пронизанные духом неоромантизма образы Антека и Ягны. Интересно, что многие ис-

⁷ Цит. по: I. Chałasiński. Od «Chłopów» Reymonta do «Młodego pokolenia wsi Polski Ludowej». «Kultura i społeczeństwo», 1972, № 1, s. 23.

⁸ См. L. Krzywicki. Do Jasnej Góry. «Studia Socjologiczne». Warszawa, 1950, s. 157.

следователи «Мужиков», обращая внимание на неоромантические тенденции в романе Реймонта, замечали их только в форме, точнее в возвышенном, декоративном, ритмизованном стиле повествования. Более глубокая связь с неоромантизмом, как правило, не прослеживалась. Закономерность же взаимозависимости содержания и формы подсказывает, что корни неоромантического стиля лежат в образах. Антек и Ягна — это две стороны, два способа решения одной проблемы — проблемы неоромантического бунта личности, противопоставившей себя массе.

Уважая в Антеке и Ягне бунтующие личности, выступающие против сковывания их воли законами общины, Реймонт одновременно осуждает их за разрушение ее лада и гармонии. Двойственность позиции Реймонта проявляется в решении исхода бунта своих героев: Антек, смирившись, возвращается в лоно общины, Ягна погибает, не подчинившись ей, что получает у Реймонта социальную и психологическую мотивировку. Антек, являясь наследником большого хозяйства, тесно связан с общиной одинаковым отношением к земле. Его бунт не выходит за рамки среды, в одобрении которой он нуждается, это бунт внутри среды. Ягна же не разделяет с липчанами отношения к земле как к смыслу всей жизни. Именно поэтому, а не только из-за несоответствия ее поведения пуританской морали общины, она становится в Липцах изгоем, парией. Вся ее жизнь — это попытка бегства от уготованной ей средой судьбы, это бунт исключительной в своем роде личности против среды. В «Мужиках» Реймонт не находит ответа на вопрос о свободе человека в обществе, но предложенные два решения в образах Антека и Ягны, ни одному из которых не отдается авторское предпочтение, свидетельствуют о том, что он не принимает безоговорочно ни натуралистический тезис о полном подчинении личности сформировавшей его среде, ни неоромантический — о полной свободе индивидуума. Не удовлетворяясь заключением героев в рамки априорных убеждений — будь то натуралистического «все — судьба», будь то неоромантического «все — свобода» (Ницше), Реймонт стремится к отображению саморазвивающихся динамических характеров, характеров реалистических.

Реймонт создает живые, неповторимые образы, но все-таки его больше привлекают черты, характерные для крестьян как единого коллектива. Самые яркие эпизоды романа — те, в которых липчане представлены действующими и действущими сообща. В целом реалистические, эти эпизоды окрашены романтическими тонами, как, например, в сцене принятия крестьянами окончательного решения защищать свой лес. Реймонт-художник полностью сливается с Реймонтом-мыслителем. Гипербола, излюбленная фигура писателя, отвечающая буйному характеру его воображения, служит здесь — в отличие от «Обетованной земли», где она способствовала экспрессионистической дегероизации, — романтизации и героизации описываемых событий, свидетельствует об уверенности Реймонта в огромных социальных потенциях крестьянства. Повторы, к которым прибегает Реймонт в этой сцене («сто рук замелькало в воздухе, из ста глоток вырвался гневный крик» — II, 453, и т. п.), создают торжественный тон, напряженный ритм повествования. Перечисляя участников похода, объединяющего в своих рядах бедных и богатых крестьян, как правило, различно мыслящих молодых и стариков, писатель подчеркивает силу народа, неизбежность его победы. Страдающим персонажам значительной части произведений литературы «Молодой Польши» противопоставлены в романе герои физически сильные и общественно-активные.

В этом отношении роман «Мужики» является весомым аргументом, опровергающим представление о том, что в литературе этого периода якобы преобладало антисоциальное и эстетское начало, что оно решительно

перевешивало начало патриотическое. (В качестве исключения польские исследователи обычно приводят лишь творчество Жеромского и Выспяньского.) Тенденция к изображению героического деяния масс и героизма отдельных личностей характерна для творчества Реймонта. Более того, в литературе «Молодой Польши», во всяком случае после 1900 г., она становится чертой типологической. Поворот от «внутренней эмиграции», от «чистого искусства» к общенациональным и социальным проблемам⁹, дополнение критики утверждением, оптимизмом героической борьбы, отражающими рост самосознания масс и индивидуумов, очевидны у Жеромского и Выспяньского, в романе Оркана «Франек Ракочи», в произведениях Тетмайера — «Бунт Костки Наперского», «Легенда Татр» и др.

Уверенные в своих силах липчане сознательно протестуют против социального, политического и национального гнета, они готовы к активным коллективным действиям, они дееспособны и дееспособны в масштабах исторических. То, что Реймонт именно эту закономерность кладет в основу изображения, ставит его в ряды самых прозорливых писателей его времени, позволяет расценивать «Мужиков» как «материал для историко-социологических исследований»¹⁰.

Но обострение классовых противоречий, революция 1905 года, подсаживающие Реймонта как писателю социально-чуткому реалистическое отображение роли и места народа в общественной жизни, в то же время не приводили его как человека политически консервативного к радикальным выводам.

Политической консервативностью, страхом писателя перед кардинальными переменами, его непосредовательным, в значительной степени обусловленным принадлежностью к буржуазно-националистической партии народной демократии мировоззрением, исследователи обычно объясняют отход Реймонта от реализма в двух последних частях романа, написанных после 1905 г. Но слишком прямые параллели, которые проводились некоторыми литературоведами¹¹ между романом Реймонта и речами идеолога эндеции Р. Дмовского, немного дают для понимания противоречий творчества и мировоззрения писателя. Однако не следует и игнорировать столь серьезный политический фактор, каким было воздействие на писателя начала века событий 1905—1907 гг.

Ужас, охвативший писателя перед лицом кровавых событий, перед лицом «варварства революции» (именно так воспринимал ее Реймонт), отразился во всех его произведениях, создававшихся параллельно с двумя последними частями «Мужиков»: в притче «Кладбище», новеллах «Из конституционных дней», «Я убил», «Я жду» и др. В формировании такого отношения Реймонта к революции сыграли роль и его принадлежность реакционной партии, и его социальные симпатии. Роли всех этих факторов нельзя преуменьшать, но они могут помочь верному осмыслению произведения лишь в том случае, если учитывать внутреннюю противоречивость мировоззрения и творчества, различия между ними — то, что, воссоздавая действительность художественными средствами, осмысляя ее в художественных формах, писатель одновременно и пересоздает и переосмысляет ее.

Социальный критицизм Реймонта в частях «Весна», «Лето», действительно, несколько угасает, затушевывается. Больше внимание уделено

⁹ Это отмечают: J. K r z y ż a n o w s k i. Dzieje literatury polskiej. Warszawa, 1972; H. F i l i p k o w s k a. Z problematyki mitu w literaturze Młodej Polski. In: «Problemy literatury polskiej lat 1890—1939», t. I. Warszawa, 1972.

¹⁰ I. C h a ł a s i ń s k i. Ibid., s. 23.

¹¹ См., например: L. B u d r e c k i. Władysław Reymont. Warszawa, 1953, s. 156.

образу Роха. Если раньше Реймонт сомневался в эффективности его не выходящих за границы «гловоской» теории идей, то теперь считает борьбу за национальную школу едва ли не единственной программой действий. С большей, чем в первых частях, симпатией Реймонт пишет в III—IV томах о зажиточном крестьянине Мачее Боруны, в образе которого наиболее выпукло проявились различные стороны реймонтовского мировоззрения. Здесь отразилась и позиция протестующего крестьянина-труженика и позиция опасавшегося всяких изменений, недалекого, заскорузлого-трусливого хозяйственного мужичка — собственника¹². Эти «земледельческо-землевладельческие» противоречия необходимо прежде всего иметь в виду при анализе романа.

Реймонт реалистически полно отражает сложный период в истории польской деревни, противоречивость крестьянского массового движения, показавшего стихийное стремление крестьянства к лучшей жизни, но одновременно и его недостаточную сознательность и непоследовательность.

Будучи по происхождению крестьянином, Реймонт во многом разделяет эти противоречия. Таким образом, объективные противоречия сферы изображаемого пересекаются с субъективными противоречиями сферы интерпретации. Принимая во внимание несомненное сходство положения польского и русского крестьянства в пореформенную и предреволюционную эпоху, допустимы историко-типологические сопоставления противоречий Реймонта в «Мужиках» с противоречиями в творчестве Льва Толстого.

В творчестве обоих писателей сосредоточены не противоречия их только личной мысли, оно является отражением «в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций...»¹³. Поэтому узкополитическая трактовка образа Боруны упрощает и искажает замысел писателя¹⁴. Образ Боруны как определенного исторического типажа воплощает в себе типичные черты грубого хищника, деревенского эксплуататора. Но он имеет в романе и другой, более масштабный аспект, становится монументальным образом, символизирующим сущность крестьянского бытия. В сцене последнего сеяния Боруны его образ становится символом землепашца и сеятеля. Симпатии автора к Боруны-земледельцу, а не кулаку, отразились в афористической подаче образа, столь характерной вообще для литературы XX в.

Реймонт не был революционно настроенным художником, но не был он и ортодоксальным, официальным эндековским писателем, «пишущим по заказу господствующих классов»¹⁵. Реймонт был демократом и гуманистом. Внутренне противоречивые его мировоззрение и творчество нередко оказываются в конфликтных отношениях. Без учета сложности взаимодействия между действительностью, мировоззрением и творчеством писателя трудно понять, как воссоздание реальности польской деревни с ее безземелием и нищетой сочетается в романе с идеалом богатого хозяина, каким образом новаторское реалистическое изображение крестьянства соединяется с натуралистическим образом сельского мира, идентичного ми-

¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 212.

¹³ Там же, т. 20, стр. 22. Однако не следует отождествлять положение польского и русского крестьянства. В Польше формы борьбы крестьянства против социального гнета были специфическими, осложненными борьбой за национальную независимость. Ленин в работе «Выборы в Думу и тактика русской социал-демократии» (1906—1907) писал: «В передовой, высоко капиталистически развитой Польше не существует аграрного вопроса в русском смысле, совсем не существует революционной борьбы крестьянства за конфискацию земель у помещиков». Там же, т. 15, стр. 46—47.

¹⁴ Такова интерпретация, например, в кн.: L. B u d r e s k i. Ibid., s. 119.

¹⁵ L. B u d r e s k i. Ibid., s. 187.

ру природы, а представление активности народа совмещается с фаталистической концепцией человека.

В романе «Мужики» концепция человека-жертвы, человека обреченного, соединяется с концепцией человека — хозяина своей судьбы, бунтаря; есть призыв к смирению и призыв к действию.

Такое синкретическое сочетание независимых друг от друга, порой даже взаимоисключающих элементов структуры произведения (что, конечно, отражается и в плюрализме его художественной структуры), не означает, однако, что Реймонт-философ был конформистом, Реймонт-художник — эклектиком. «Мужики» являются не только свидетельством непоследовательности реймонтовского мировоззрения и творчества, но и прежде всего доказательством сложности и противоречивости исторической и литературной эпохи.

Творчество Реймонта амбивалентно, многозначно. Реймонт был реалистом XX в., в некоторой мере использовавшим опыт и натурализма, и неоромантизма, и символизма, и мифотворчества.

В романе «Мужики» есть не только Реймонт — оригинальный мыслитель и самобытный художник, но и Реймонт — современник дебатов о натурализме и импрессионистической поэзии, прозы Пшибышевского и драматургии Высяньского. В романе нашел свое отражение и Реймонт, внимательно изучавший наследие Золя, в частности его «крестьянский» роман «Земля», и поклонник рассказов Мопассана, и Реймонт, наверняка знакомый с произведениями Л. Толстого и Т. Гарди, взоры которых не раз обращались к идеалу патриархальной, докапиталистической деревни, и Реймонт — современник Чехова и Бунина, отображающих «забытую богом» деревню без прикрас и, часто, без будущего.

Отступая иногда от реализма, Реймонт остается ему верен в отражении генеральной тенденции времени, удачно выраженной польским философом и литературоведом С. Бжозовским: «Превращение человека из раба и жертвы истории в ее сознательного творца — вот что мы встречаем сегодня повсюду: в уединенном мышлении ученого, во внутренней борьбе художника, в постепенно поднимающейся на борьбу безымянной массе...»¹⁶. Автор «Мужиков» относится к писателям, признающим способность народа к изменению действительности, утверждающим его силу.

Роман Реймонта, самое крупное произведение о крестьянах в польской литературе последней трети XIX — начала XX в., отражает новую стадию борьбы в деревне — нарастание массового крестьянского движения. Реймонт представляет его в соответствующих действительности масштабах, показывает огромный размах борьбы крестьян, делает его основным предметом повествования, а не только фоном или эпизодом. Стремясь определить отличие романа Реймонта от натуралистических произведений о деревне, современник писателя А. Гжимала-Седлецкий писал: «Показав зло, Реймонт не ставит точки, а сейчас же убедительно начинает перечислять достоинства крестьянина»¹⁷. Однако, на наш взгляд, это отличие значительно глубже.

Реймонт в романе «Мужики» воспринял лучшее из достижений своих предшественников и современников, а кое в чем и опередил их. Реалистический способ видения и отражения действительности, социальная чуткость помогли ему, несмотря на противоречия его личного и художественного сознания, создать образ действующего народа. Это качество, которого не было ни в произведениях Реймонта 90-х годов, ни вообще в польской литературе до «Мужиков», определило непреходящую ценность реймонтовского романа и по праву принадлежит к числу завоеваний реализма XX в.

¹⁶ S. Brzozowski. Dzieła wszystkie, t. 6. Warszawa, 1938, s. 195—196.

¹⁷ См. А. Г р з ы м а ł а - С и е д л е ц к и. Ludzie i dzieła. Kraków, 1967, s. 273.

М. А. ШТУДИНЕР

О ДОЛГИХ СОГЛАСНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Праславянский язык унаследовал от индоевропейской эпохи сочетания двух одинаковых согласных звуков, выступавшие на стыках слов и морфем¹.

В эпоху действия тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности сочетания идентичных согласных на стыке слов утратились в связи с утратой конечных согласных; сочетания, выступавшие на стыке морфем, в связи с перемещением слогораздела изменились в долгие согласные, которые в праславянском языке не удержались².

Сочетания одинаковых согласных звуков появились вновь уже в отдельных славянских языках в результате утраты сверхкратких гласных в «слабой» позиции. Эти сочетания в свою очередь также изменились в долгие согласные.

Долгие согласные возникали не только из сочетаний исконно одинаковых согласных звуков. Они могли возникать: а) из сочетаний согласных, первоначально отличавшихся друг от друга глухостью/звонкостью или твердостью/мягкостью; б) из сочетаний зубного фрикативного согласного с последующим переднеязычным фрикативным; в) из сочетаний зубного смычного согласного с последующей аффрикатой; г) из сочетаний согласного с *j*.

Не все из указанных выше возможностей были реализованы на всей славянской языковой территории. Тем не менее можно утверждать, что долгие согласные в разной мере были известны всем славянским языкам в определенный период их развития. В дальнейшем в ряде славянских языков долгие согласные звуки подверглись сокращению (чешский, словацкий, сербохорватский, словенский). В этих языках они сохраняются лишь в исключительных случаях. В других языках долгие согласные широко представлены и на современном этапе их развития (русский, украинский, белорусский, польский, болгарский, македонский).

В славянских языках, как и в других языках мира, наблюдается тенденция к сокращению долгих согласных³. В каждом из них она осуществляется в разных условиях, выяснение и детальная характеристика которых представляет значительный интерес в плане сравнительного славянского языкознания. В данной статье такая задача, естественно, не ставится. Мы ограничимся здесь рассмотрением лишь двух вопросов: о фо-

¹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 141.

² Там же, стр. 188.

³ Там же, стр. 267—268; Б. А. Серебряников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, стр. 116—117.

нетической природе (I) и фонологическом статусе (II) долгих согласных в славянских языках.

I. По вопросу о фонетической природе долгих согласных в лингвистической литературе представлены две противоположные точки зрения.

В большом количестве как старых, так и новых работ делается различие между долгими и двойными согласными (геминатами). Фонетисты, рассматривающие долгие согласные и геминаты как разные фонетические явления, связывают различия между ними со слоговой структурой слова: долгий согласный — это монофтонг, произносимый с большей длительностью, входящий в состав одного слога; внутри двойного согласного проходит слогораздел (Э. Сиверс, О. Брок, А. Граур, А. Мейе, А. Мартине, И. Леков, Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, А. Пецо). Согласные звуки *s* и *š*:, например, в русск. *рассылать* и *притча* — геминаты, а в *ссылать* и *притч* (род. мн.) — долгие согласные. При этом фонетическая природа слога может пониматься по-разному. Очень показательно в этом отношении следующее замечание И. Лекова: «Расхождения в этих случаях (по вопросу о месте слогораздела. — М. Ш.) не отражаются, однако, на вопросе о силлабической локализации долгих согласных и удвоенных согласных групп, так как их место в структуре слога вполне установлено»⁴.

Согласно второй точке зрения, для выделения геминат как особого типа долгих согласных звуков, разделенных слоговой границей, нет оснований (В. Фиетор, О. Есперсен, Г. Панкончелли-Кальция, Фр. Травничек, О. фон Эссен, Х. Конечна, Ст. Стойков, Р. И. Аванесов). В приведенных выше русских примерах в различных фонетических позициях выступают принципиально не отличающиеся друг от друга долгие согласные звуки *s* и *š*:

А priori ясно, что если и считать долгие согласные и геминаты разными фонетическими единицами, то отличить их на слух друг от друга не сумеют не только не имеющие фонетической подготовки носители языка, но и лингвисты, обладающие хорошим профессиональным слухом, так как различие между долгими и геминатами фонологически не используется, а определить слоговую границу на слух невозможно⁵.

Поэтому судить о том, какая из двух приведенных точек зрения является справедливой, можно лишь по тому, в какой степени каждая из них согласуется с современными теориями слога.

Наверное, ни одно лингвистическое понятие не является одновременно столь очевидным и столь запутанным, как понятие слога. Упрощая положение вещей, можно выделить два основных подхода к проблеме слога и слогоделения.

1. Слог — реальная фонетическая единица. Речь распадается на слоги (минимальные произносительные единицы), что проявляется в артикуляционных и соответствующих акустических особенностях звуков. Определение слоговой границы в принципе возможно на основе фонетических критериев.

2. Слог — это единица описания языка, отражающая закономерности дистрибуции фонем. Членение на слоги зависит от законов сочетаемости фонем и, прежде всего, от сочетаемости согласных в начале и на конце слова. Способность человека интуитивно осуществлять в некоторых слу-

⁴ И. Леков. Фонологичната стойност на удължените и удвоени съгласни звукове в славянските езици. «Годишник на Софийския университет», кн. 36, 4. София, 1940, стр. 22.

⁵ Фонологическое использование различия между долгими и геминированными согласными было бы возможно в том случае, если бы слогоделение в славянских языках было связано с различием значения.

чаяя членение на слоги обусловлена психологической реальностью законов сочетаемости фонем.

Оба подхода представляются в равной степени возможными, выбор одного из них определяется конкретными задачами исследования. Нас в данном случае интересует фонетическая реальность, поэтому мы обращаемся к тем работам, в которых исследуется именно фонетическое строение слога и выявляется механизм слогоделения.

В настоящее время есть возможность подойти к решению проблемы фонетической природы долгих согласных, опираясь на результаты новейших экспериментально-фонетических исследований в области слога⁶. Нами делается допущение, что во всех славянских языках слоговая структура речи такая же, как и в современных русском и украинском языках, на материале которых выполнены эти исследования.

В качестве критерия для определения границы слога служит характер перехода от одного звука к другому. Сравнение спектральных характеристик переходных участков между гласными и согласными показало, что существенной особенностью русского языка является слабое примыкание согласного к предшествующему гласному: поток речи членится на последовательность открытых слогов. Таким образом, интервокальные сочетания согласных входят в один слог с последующим гласным, причем независимо от качества этих согласных⁷.

Обычно считалось, что гласный закрытого слога короче гласного открытого слога, поэтому по длительности гласного можно судить, закрывается ли гласный звук последующим согласным — первым членом интервокального сочетания — или этот согласный входит в состав следующего слога. Исследование временных характеристик гласных также показало, что нет оснований для выделения в потоке речи особой группы закрытых слогов: нет никаких различий по длительности гласного в бесспорно открытом слоге и слоге перед сочетанием согласных, который теоретически может быть закрытым⁸. Это не противоречит полученным ранее данным Л. В. Златоустовой, констатирующей меньшую длительность ударного гласного в *pánna* по сравнению с длительностью ударного гласного в *pána*⁹. Сокращение длительности гласного в первом случае может быть объяснено так называемой количественной компенсацией. Это явление хорошо известно славянским языкам (частным случаем его в истории славянских языков была вокализация сверхкратких гласных)¹⁰. Не является случайным, что в словоформе *pána*, по данным Л. В. Златоустовой, длительность безударного гласного превышает длительность соответствующего гласного в *pánna*.

Специальное экспериментальное исследование, посвященное определению места слоговой границы в словах с долгими согласными, проведено на материале украинского языка. Это исследование показало, что слоговая граница проходит не внутри интервокального долгого согласного, а между ним и предшествующим гласным: *'z'i—l':a*, *p'i—'d:a—š':a*, *'v'i—s':u*, *do—pu—'t':a*¹¹.

⁶ Л. В. Бондарко. Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. Л., 1969; В. М. Брахов. Склад, його фонетична будова, складоподіл. «Сучасна українська літературна мова». Ч. I. Київ, 1969.

⁷ Л. В. Бондарко, Л. П. Павлова. О фонетических критериях при определении места слоговой границы. «Русский язык за рубежом», 1967, № 4, стр. 19.

⁸ Там же, стр. 14—15.

⁹ Л. В. Златоустова. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962, стр. 85.

¹⁰ Н. Копецзна. Charakterystyka fonetyczna języka polskiego na tle innych języków słowiańskich. Warszawa, 1965, s. 81,85.

¹¹ В. М. Брахов. Там же, стр. 355.

Таким образом, точка зрения, согласно которой в славянских языках различаются долгие согласные и геминаты, не подтверждается экспериментальными данными и должна быть отвергнута. В фонетическом плане можно говорить только о долгих согласных.

В некоторых работах противопоставляются два типа долгих согласных в зависимости от способа образования: «собственно долгие» и «так называемые долгие»¹². К первым относятся долгие фрикативные и сонорные согласные, ко вторым — долгие взрывные и аффрикаты. Такое противопоставление также не имеет достаточных оснований. Время смычки с артикуляционной точки зрения не может рассматриваться как нуль, так как здесь мы имеем дело с активной артикуляцией, а не с отсутствием ее. Долгий согласный, таким образом, может быть определен как согласный звук, при произнесении которого дольше, чем обычно, сохраняется затвор или щель.

Следует различать долгие согласные и сочетания двух одинаковых согласных звуков. В польском языке, например, в небольшом количестве слов в начальной позиции возможны сочетания двух идентичных аффрикат: *ćco, ćcy, ćcośc, źźov' n' ica, źźyc, 'źźysty*, в то время как долгие аффрикаты в этой позиции невозможны. Произнесение долгого согласного представляет собой единую артикуляцию, состоящую из трех фаз, в сочетаниях же двух идентичных согласных один и тот же артикуляционный цикл полностью повторяется два раза.

II. Остановимся на вопросе о фонематической сущности долгих согласных в славянских языках.

Долгие согласные, встречающиеся на стыке морфем, как правило, интерпретируются как сочетания двух фонем. Но иногда встречается и монофонемная трактовка¹³.

Сложнее решается вопрос о фонологическом статусе долгих согласных, встречающихся внутри морфем. Например, в русских и польских словах, заимствованных из западноевропейских языков: *масса, ванна, мокко, bulla, fontanna*, или в русск. диал. *b'e'l'o, l'om, 'brat'a*, в польск. диал. *'bos:o, v'leś:e*; в слвц. диал. *'mas:o, 'kaś:a, 'šij:e*; в болг. диал. *a'ves:e, ka'sap:e, c'vek':e, 'og':e*; в укр. лит. *життя, весілля, нічю*; в блр. лит. *збожжа, сучча, разводдзе*. В этих случаях долгие согласные интерпретируются по-разному: в одних исследованиях они рассматриваются как сочетания двух фонем, в других их интерпретируют как особые долгие согласные фонемы.

По мнению Л. Р. Зиндера, долгий *s*: в русск. *касса, масса* является реализацией сочетания двух соответствующих кратких фонем¹⁴. М. Я. Гловинская считает долгие согласные, встречающиеся в заимствованных словах в русском языке, монофонемными единицами¹⁵.

В большом количестве работ по фонетике и фонологии украинского языка долгие согласные, встречающиеся внутри морфемы, включаются в систему фонем. Однако, в ряде работ делается вывод о бифонемной природе долгих согласных в украинском языке.

Подобные разногласия существуют и между исследователями белорусского языка. В одних работах долгие согласные, восходящие к сочетаниям *s j*, рассматриваются как особые фонемы, в других — как сочетания фонем.

¹² Р. Кошутин. Граматика руског језика. I. Пг., 1919, стр. 120—121.

¹³ А. Н. Гвоздев. Вопрос о фонемах в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова. В кн. А. Н. Гвоздев. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, стр. 123.

¹⁴ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 128.

¹⁵ М. Я. Гловинская. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1971, стр. 68—69.

Долготу согласных в польском языке Б. Вежховска рассматривает в числе просодических явлений¹⁶. Это никак не мотивируется в ее работе. Нам представляется, что для просодической трактовки долготы согласных в славянских языках нет никаких оснований. Такая трактовка спорна для скандинавских языков (кроме датского), где целые слоги различаются по месту «квантитативного пика»: [V:C] ~ [VC:]¹⁷.

И. Леков в специальной работе о долгих согласных в славянских языках, по сути, даже не ставил вопроса об их фонологической интерпретации¹⁸. Ему представлялось само собой разумеющимся, что долгие согласные (с его точки зрения, отличающиеся от геминат) являются монофонемными единицами, а геминаты — сочетаниями двух фонем. У И. Лекова речь идет о функциональной нагрузке фонетических единиц без определения их фонологического статуса.

Вопрос о монофонемности и бифонемности долгих согласных имеет важное теоретическое и практическое значение, так как без его удовлетворительного решения невозможно установить полный инвентарь фонем исследуемых языков. Вопрос этот, по словам А. Мартине, не был окончательно решен наиболее значительными авторитетами в области теоретической фонологии¹⁹. Поэтому полезно рассмотреть еще раз теоретические предпосылки его решения.

Литература вопроса достаточно обширна, поскольку в каждом языке имеются такие звуковые комплексы, определение фонологического статуса которых вызывает затруднения (речь идет не только о долгих согласных, но и об аффрикатах, дифтонгах и т. п.). В связи с этим в фонологических описаниях различных языков обычно содержится точка зрения исследователя по этому вопросу. Исходные положения в большинстве случаев берутся из «Основ фонологии» Н. С. Трубецкого, где предлагается семь правил определения моно- или бифонемности звуковых комплексов²⁰. Не все эти правила принимаются безоговорочно, некоторые из них дали основания для упрека Н. С. Трубецкому в «фонетизме», в недостаточной последовательности в применении чисто функциональных принципов²¹.

Однако, вероятно, вообще невозможно сформулировать правила, позволяющие в любых случаях ответить на вопрос: «одна или две фонемы?» — без решения вопроса о том, чем определяется сегментация, т. е. какими внутренними факторами обусловлена членимость речевого потока. Процедура фонологического анализа должна учитывать эти факторы, так как задача фонологии заключается, прежде всего, в том, чтобы эксплицировать лингвистическую интуицию носителей языка.

Известно, что членимость речевого потока не задана его физическими характеристиками. Об этом писал еще Э. Сиверс, подчеркивая, что «отдельный звук речи» не является прямо наблюдаемым объектом, а представляет собой абстракцию²². Об этом свидетельствуют и новейшие акустические исследования²³.

¹⁶ B. Wierzchowska. Wymowa polska. Warszawa, 1971, s. 210—211.

¹⁷ А. И. Смирницкий. Сравнительная фонетика новогерманских языков. М., 1962, стр. 16.

¹⁸ И. Леков. Там же.

¹⁹ A. Martinet. Du rôle de la gémination dans l'évolution phonologique. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1959, Bd. 12, Hf. 1—4, S. 223.

²⁰ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 63—69.

²¹ Т. В. Булыгина. Пражская лингвистическая школа. «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 71.

²² E. Sievers. Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1901, S. 8.

²³ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, стр. 35.

Таким образом, членение речевого потока на отдельные звуки не обусловлено ни артикуляторными, ни акустическими факторами. Сегментность — не субстанциональное, а функциональное свойство звуков. Когда мы говорим о звуках речи, выделяемых в виде сегментов речевого потока, то это не что иное, как отражение чисто лингвистического членения. Каковы же факторы, обуславливающие это членение?

Л. В. Щерба еще в 1912 году писал: «Так как основной интерес речи лежит в смысловых представлениях, то звуковые нормально не находятся в светлом пункте сознания. Казалось бы, с этой точки зрения, что и анализ звуковых представлений нормально нами не производится и фонетическая делимость есть результат в значительной степени научного мышления. Но дело в том, что элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений: так *t* в словах *пил, бил, выл, дала* ассоциировано с представлениями прошедшего времени; *a* в словах *корова, вода* ассоциировано с представлением субъекта; *u* в словах *корову, воду* — с представлением объекта, и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям элементы наших звуковых представлений получают известную самостоятельность»²⁴.

Развивая идеи Л. В. Щербы, Л. Р. Зиндер пришел к выводу, что самым мощным фактором, обуславливающим сегментацию речи на отдельные звуковые единицы, является членение потока речи на значимые единицы — морфемы, слова²⁵. Именно поэтому при решении вопроса о фонологической сущности долгих согласных ведущее значение имеет морфологический критерий²⁶. В правилах Н. С. Трубецкого такого критерия нет — так как Н. С. Трубецкой полагал, что фактором, обуславливающим сегментацию, является противопоставление, т. е. тот же фактор, который, по его мнению, действует при парадигматической идентификации фонем.

Если сопоставить такие пары слов, как русск. *v:os* «ввоз», и *vos* «воз», польск. *'s:ypač* «zsyrač» и *'syrač* «syrač» укр. *s:a'dyty* «зсадити» и *sa'dyty* «садити», блр. *s:u'kač* «ссукаць» и *su'kač* «сукаць», то на первый взгляд может показаться, что здесь имеется фонологическое противопоставление долгих и кратких согласных. Однако во всех этих случаях внутри долгого согласного проходит морфологическая граница. В связи с этим ни один из этих согласных звуков не может интерпретироваться как монофонемная единица. Различие между первым и вторым словом каждой из приведенных пар определяется не тем, что в первом слове произносится долгий согласный, а во втором краткий, а тем, что в состав первого слова входит особая морфема, придающая ему значение, отличное от значения второго слова. В подавляющем большинстве случаев долгие согласные в славянских языках встречаются на стыке морфем или слов и, следовательно, являются реализациями бифонемных сочетаний.

Как решается вопрос о фонематической трактовке долгих согласных в тех случаях, когда они находятся внутри морфемы, как в упоминавшихся выше словах: русск. *масса*, польск. *fontanna*, польск. диал. *'bos:o, v'leš:e*, укр. *життя*, блр. *збожжа* и т. д.? И в этих случаях долгие согласные имеют бифонемную природу. Это вытекает из системного характера языка. Поскольку в системе все элементы находятся в определенной связи между

²⁴ Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. В кн. Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, стр. 114—115.

²⁵ Л. Р. Зиндер. Проблема сегментации потока речи на кратчайшие звуковые единицы. «Вопросы фонологии и фонетики. Тезисы докладов советских лингвистов на VII Международном конгрессе фонетических наук (Монреаль, 1971)». М., 1971.

²⁶ Предложенный сравнительно недавно «сандхпальный» критерий (М. И. Стеблин-Каменский. Заметка по сандхпальной фонологии. «Фонетика. Фонология. Грамматика». М., 1971) является, по сути, вариантом морфологического.

собой, то одинаковые явления, встречающиеся в разных частях ее, трактуются одинаково; необходимо только, чтобы они были действительно одинаковыми.

Фонетические свойства долгих согласных, употребляющихся на стыке морфем или слов, не отличаются от фонетических свойств долгих согласных, употребляющихся внутри морфемы. Равнозначность этих фонетических сегментов подтверждается многими фактами: наличием, например, в мазовецких и малопольских говорах звуковых последовательностей типа *'bosco, v lešće*²⁷, в северо-восточных чешских говорах (главным образом, в окраинных областях) — *'adna* (литер. *Anna*)²⁸, где изменения *s: > sc, š: > šc, n: > dn* свидетельствуют об отрицательной реакции носителей этих говоров на возможность редукции соответствующего согласного, не отличающегося в их сознании от любого сочетания согласных. В изменениях такого рода проявляется «дуалистическая природа» долгих согласных²⁹.

Долгое произношение двойных написаний согласных в заимствованных словах в русском языке чаще наблюдается в тех случаях, когда соответствующие долгие согласные встречаются на стыке морфем в исконных словах³⁰. Это свидетельствует в пользу бифонемной интерпретации долгих согласных в заимствованных словах.

И в белорусском языке в подавляющем большинстве случаев долгие согласные представлены на стыке морфем. Внутри морфемы долгие согласные встречаются в семантически и грамматически ограниченных группах слов: а) в существительных ср. рода, обозначающих промежутки времени, абстрактные и собирательные понятия, например, *сняданне, світанне ранне, вяселле, душыша, прадплечча, вараннё, галлё, сучча, рыззё*; б) в твор. пад. числительных и существительных ж. рода ед. ч. типа *зелень: пяццю дзясцяццю, гразню, гніллю, зеленню, мышшу, цішшу*; в) в существительных ж. рода типа *свацця, свіння*; г) в глаголе *ззяць* и в производном от него слове *ззянне*. В большинстве этих случаев долгие согласные выполняют ту же морфологическую функцию, что и сочетания согласного с *j* в аналогичной позиции, ср.: *крылле, вараннё, галлё, сучча* и *зуб'е, пер'е; зеленню, гніллю* и *кроўю*.

Такая же ситуация наблюдается и в украинском языке, ср.: *Залісся* и *Загір'я, сіллю* и *кров'ю*.

Из всех долгих согласных, представленных в славянских языках, только русский мягкий глухой шипящий *š'*: является самостоятельной фонологической единицей, так как в подавляющем большинстве случаев он встречается внутри морфемы³¹. В случаях ясного осознания морфемного шва двухфонемные сочетания (*sč*), (*zč*) значительно чаще реализуются в виде звукосочетаний *sč'* или *š'č'*³².

Таким образом, о славянских долгих согласных можно говорить только как о фонетическом явлении, категория же долгих согласных в фонологическом смысле славянских языкам не свойственна.

²⁷ K. D e j n a. Atlas gwarowy województwa kieleckiego. Zeszyt 3. Łódź, 1964 карты 384, 385.

²⁸ А. Г. Шпрокова. Чешский язык. М., 1961, стр. 294.

²⁹ А. M a r t i n e t. Ibid., S. 223.

³⁰ М. Я. Гловицкая, Там же, стр. 71.

³¹ Убедительные аргументы в пользу монофонемной трактовки *š'*: и бифонемной трактовки *ž'*: в русском языке приведены Т. В. Булыгиной (Т. В. Б у л ы г и н а. О русских долгих шипящих. «Фонетика. Фонология. Грамматика», стр. 88—89).

³² С. Н. Б о р у н о в а. Сочетания (*шч'*) и (*ш'*) на границах морфем. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966, стр. 55—57.

С. И. БОЧКАРЕВА

СЕРБСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА «РАДНИК» О РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

История русско-сербских революционных связей второй половины XIX в. заслуженно привлекает внимание исследователей. Однако никто из них не затрагивал в своих работах вопроса об освещении сербскими студентами, учившимися в России в начале 80-х годов, русского революционного движения в газете сербских социалистов «Радник» (1881 г.). Этой проблеме и посвящена данная статья, основным источником при написании которой послужили «Письма из России» и петербургские корреспонденции, опубликованные на страницах газеты. Кроме того, в работе использованы некоторые неопубликованные архивные материалы из Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА г. Москвы) и Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР).

80-е годы XIX в. в истории Сербии — период дальнейшего развития социалистического движения. Сторонники и последователи знаменитого сербского революционера-демократа и социалиста-утописта Светозара Марковича продолжают начатую им деятельность по созданию в Сербии социалистической партии. На их пути встречается немало трудностей. В середине 70-х годов XIX в. в сербском социалистическом движении происходит раскол: многие бывшие социалисты — Н. Пашич, П. Тодорович, П. Велемирович, Л. Пачу и др. — переходят на позиции буржуазного радикализма и в 1881 г. создают Народную радикальную партию¹. Сербские радикалы продолжают называть себя социалистами, перешедшими, правда, с позиций теоретического социализма к так называемому предварительному, «практическому» социализму.

Однако, несмотря на трудности, вызванные расколом социалистического движения, группа сербских социалистов во главе с Дмитрием Ценичем² продолжает дело, начатое С. Марковичем. Ценич и его сторонники (Джура Льович, Божа Вучкович, Сава Кукич, Коста Арсеньевич и др.) борются с радикальной партией, критикуют реакционную внутреннюю и

¹ D. Ilić. Mita Cenić. Beograd, 1960, s. 44.

² Дмитрий (Мита) Ценич (1851—1888) — активный деятель сербского социалистического и рабочего движения 70—80 годов XIX в. В 1870—1871 гг. учился на медицинском факультете Московского университета. Принимал участие в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. В 1871 г. сотрудничал в газете «Радник», которую издавал С. Маркович. Поддерживал связи с группой сербских эмигрантов в Австро-Венгрии и с воеводинскими оmlадинцами в Земуне и Нови Саде. В 1874 г. был арестован и приговорен к восьми годам каторги по обвинению в покушении на князя Милана и «подготовке заговора против существующего порядка». В июне 1880 г. Ценич был помилован. После выхода из тюрьмы он издавал ряд социалистических газет и журналов: «Радник» (1881 г.), «Борба» (1882—1883 гг.), «Истина» (1883 г.), «Час» (1885 г.), сотрудничал в газете «Нови београдски дневник» (1886—1888 гг.). В этот период он развернул активную деятельность по созданию различных обществ, кооперативов и т. д., видя в них основу будущей социалистической партии.

внешнюю политику правительства, дают отпор анархизму в Сербии и, что самое важное, закладывают основы организованного рабочего движения, считая его той базой, на которой будет создана сербская социалистическая партия³. Следует отметить, что Д. Ценич и его сторонники стояли еще на позициях утопического социализма.

Важным практическим шагом сербских социалистов в начале 80-х годов XIX в. было издание социалистической газеты «Радник», которая стала их боевым органом. Она выходила с марта (программный номер «Радника» вышел 2 марта) до конца 1881 г. — всего вышло 180 номеров. Д. Ценич, ставший ее ответственным редактором, считал, что новая газета должна быть последовательницей «Раденка» С. Марковича. Именно поэтому в заглавии «Радника» стояло — «год третий», хотя 1881 г. — первый и единственный год его издания⁴.

В центре внимания «Радника» был широкий круг вопросов: экономическое, политическое и культурное развитие Сербии начала 80-х годов XIX в. и ее отношения с другими государствами; сербские политические партии, их программы и практическая деятельность; рабочий вопрос; развитие социалистического движения в Европе и т. д. Предназначалась газета для рабочих, ремесленников, студентов, учителей⁵.

Большое значение редакция «Радника» придавала ознакомлению своих читателей с важнейшими событиями и положением в других странах. Этой цели служили «Обзоры иностранных государств», ежедневно публиковавшиеся на страницах газеты и представлявшие собой систематический обзор иностранной прессы, и сообщения корреспондентов из Австрии, России, Франции. На страницах газеты почти ежедневно печатались сообщения о событиях в России. И это не случайно. Обстановка в России, борьба русских революционеров в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. против царизма привлекла внимание всего мира и подняла на необыкновенную высоту авторитет и славу русского революционера.

Д. Ценич наладил контакты с сербскими студентами, обучавшимися в начале 80-х годов в Москве и Петербурге, и привлек их к сотрудничеству в «Раднике».

Это был период подъема революционного и студенческого движения в России. Условия общественно-политической жизни страны, антиправительственные настроения молодежи и прогрессивной интеллигенции, все более активная, самоотверженная борьба русских революционеров против царизма, безусловно, влияли на формирование мировоззрения сербских студентов. Постепенно они проникались идеями, которыми жила передовая русская молодежь, активно включались в русское революционное движение.

В Москве сербские студенты учились главным образом в двух высших учебных заведениях: Московском университете и Петровской земледельческой и лесной академии⁶.

³ А. Раденић. Полицијски извештаји о догађајима у Београду почетком осамдесетих година XIX века. В кн. «Годишњак музеја града Београда», кн. IV. Београд, 1957, стр. 430.

⁴ А. Раденић. Мита Ценић као издавач социјалистичких листова 80-тих година у Београду. В кн. «Годишњак града Београда», кн. IX—X. Београд, 1962—1963, стр. 369.

⁵ См. «Радник», угледни број, 2 марта 1881.

⁶ В настоящее время мы не можем определить общее число сербских студентов, учившихся в этот период в Москве. Нам удалось лишь установить имена 14 сербов и черногорцев — студентов и вольных слушателей Московского университета — на основании «Списка сторонним слушателям и студентам из болгар, сербских и черногорских уроженцев» (ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 47, 1878 г., д. 233, л. 68—68 об.), датированного ноябрем 1879 г. Вольные слушатели: Петкович Георгий, Бориславлевич Милош, Маркич Милош, Жикич Милош, Ншколич Петр, Кочович Ефрем,

В конце 70-х — начале 80-х годов среди студенчества были широко распространены революционные настроения: возникали многочисленные студенческие кружки, происходили сходки и демонстрации, именуемые в официальных отчетах «студенческими беспорядками», штудировались нелегальные революционные издания⁷. И сербские студенты не стояли в стороне от этих бурных событий. Они участвовали в студенческих волнениях (так, Е. Кочович, М. Жикич и Й. Яворац были арестованы за участие в сходке студентов Московского университета 5 декабря 1880 г.⁸), создали свою студенческую организацию — «Первую дружину сербской учащейся молодежи в Москве». Основателями «Дружины» были: Ст. Атанасьевич, М. Жикич, П. Николич, Л. Крцалич, Е. Кочович, Дж. Петкович, А. Радойкович, Ст. Вукчевич, М. Врбица, М. Николич, Дж. Филиппович, П. Ораховац, М. Маркшич, Р. Зимонич, М. Петрович. Исполнительный комитет был избран в составе: М. Николич (его рукой написан устав общества), Ст. Атанасьевич и А. Радойкович⁹. Важно отметить, что из 15 членов «Дружины» 11 были вольнослушателями и студентами Московского университета; Ристо Зимонич был студентом Московской духовной семинарии¹⁰; Марко Николич — студентом Петровской академии¹¹.

В уставе организации дата его составления не указана. Мы датировем этот документ не позднее 25 июля 1879 г., ибо в этот день в Шереметьевской больнице умер вольный слушатель медицинского факультета Московского университета А. Радойкович¹², подпись которого стоит под уставом организации.

Следует отметить, что сербские студенты, учившиеся в России, не теряли связь с родной, передовыми демократическими кругами Сербии. Многие из них поддерживали тесные контакты с группой сербских социалистов во главе с Д. Цепичем. Так, в документах департамента полиции указывалось, что Е. Кочович «имеет сношения с социалистами, находившимися в Сербии»¹³. Эти «сношения» заключались в следующем: сербские студенты в Москве и Петербурге вели с «социалистами, находившимися в Сербии», обширную переписку, посылали им русские газеты, журналы, книги, революционную литературу. О последнем мы узнали, например, из писем Д. Ценича от 2 марта 1881 г. и Божи Вучковича от 31 августа 1881 г.¹⁴ группе московских студентов.

В свою очередь Д. Ценич и его товарищи посылали сербским студентам в Москву и Петербург новинки сербской литературы, сербские газеты «Радник», «Видело» и др. Так, в письме от 6 сентября 1880 г. на имя Е. Кочовича Д. Ценич писал: «Моя книга¹⁵ вышла, и, если она вас интересует, я вам сразу же ее пошлю. Как только выйдет „Задруга“, сразу же получите ее»¹⁶. О посылке «Радника» сербским студентам в Москву мы узнаем из многих писем Д. Ценича. Так, в письме от 15 августа 1881 г. он пишет: «Первый

Афанасьевич Стефан (медицинский ф-т), Пламенац Дмитрий, Радонич Савва (юридический ф-т); студенты: Врбица Марк, Калуджеревич Иван (юридический ф-т), Ораховац Петр, Петрович Младен, Миланч Петр (медицинский ф-т).

⁷ П. С. Ткаченко. Московское студенчество в общественно-политический жизни России второй половины XIX в. М., 1958, стр. 94—177.

⁸ ЦГАОР, ф. 63, оп. 1, 1881, д. 604, л. 1—1 об.

⁹ Там же, ф. 1167, оп. 3, д. 2810, л. 9—10.

¹⁰ ЦГА г. Москвы, ф. 234, оп. 1, д. 4638, л. 6.

¹¹ Там же, ф. 228, оп. 3, д. 7815.

¹² Там же, ф. 418, оп. 47, 1878, д. 233, л. 79.

¹³ ЦГАОР, ф. ДП. 3 дел-во, оп. 77, 1881, д. 994, л. 11 об.

¹⁴ Там же, ф. 1167, оп. 3, ч. II, д. 2812, л. 17, 119.

¹⁵ Книга Д. Ценича («Испод земље или моја тамновања», Београд, 1880) рассказывает о его пребывании в тюрьме в 1875—1880 гг.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 1167, оп. 3, ч. II, д. 2812, л. 15.

номер послал на Ешин (Ефрем Кочович. — С. Б.) адрес. Вы соберитесь вместе и читайте. Остальные номера пошлю вам в скором времени». Здесь же Д. Ценич обещает посылать «Радник» каждую неделю¹⁷.

Когда было предпринято издание «Радника», Д. Ценич обратился к сербским студентам в Москве с просьбой присылать ему корреспонденции. В письме от 2 апреля 1881 г. он писал: «С сегодняшнего дня вы должны хотя бы раз в неделю посылать мне корреспонденции из Москвы... В этих корреспонденциях необходимо описывать общественное положение русского народа, новости науки и литературы, и все подобное полезно будет узнать... В награду за это я вам буду регулярно посылать „Радник“ и все новое, что появится в сербской литературе»¹⁸. Свою просьбу Д. Ценич повторяет и в других письмах: от 6 апреля 1881 г.¹⁹. («Пишите корреспонденции не реже, чем раз в неделю»); от 15 августа 1881 г.²⁰. («Пишите корреспонденции, не ленитесь...»). Судя по этим письмам, Д. Ценич проявлял большой интерес к важнейшим событиям политической, экономической и культурной жизни России.

Сербские студенты в Москве горячо откликнулись на просьбу Д. Ценича. Уже с апреля 1881 г. в редакцию «Радника» начинают регулярно поступать корреспонденции из Москвы, которые публиковались на страницах «Радника» под заголовком «Письма из России»²¹.

Трудно установить точно, кто был автором того или иного «Письма». По-видимому, «Письма из России» — результат коллективного творчества сербских студентов. Лишь корреспонденции о кариийских заключенных, на наш взгляд, принадлежат перу М. Николича²².

Всего на страницах «Радника» было опубликовано 16 «Писем из России» и 6 петербургских корреспонденций. Они не привлекали еще внимания исследователей.

Анализ «Писем из России» и петербургских корреспонденций показывает, что в центре внимания их авторов находятся самые важные вопросы русской общественной жизни начала 80-х годов XIX в.: деятельность партий «Земля и воля», «Народная воля» и «Черный передел», внутренняя политика царского правительства, студенческое движение, положение русского крестьянства и др. Но главной их темой, несомненно, является героическая борьба русских революционеров против царизма.

В конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. в русском революционном движении произошли значительные изменения. Старые взгляды и теории, содержавшие идеи отказа от борьбы за гражданские свободы, отходили в прошлое. Время настоятельно требовало нового решения революционных проблем. Становилось очевидным, что улучшение экономического положения народа невозможно без радикального изменения политического строя России. Политические проблемы все решительнее и последовательнее выдвигались на первый план. Главным препятствием на пути к изменению политического строя русские революционеры считали царизм.

¹⁷ Там же, л. 13.

¹⁸ Там же, л. 17.

¹⁹ Там же, л. 3.

²⁰ Там же, л. 13.

²¹ По-видимому, Д. Ценич обратился с просьбой о присылке корреспонденций для «Радника» и к сербским студентам, учившимся в Петербурге, — Окице Глушчевичу и его товарищам. Но тесных контактов с ними ему не удалось установить: корреспонденции из Петербурга приходили нерегулярно и печатались в «Раднике» под рубрикой «Корреспонденции».

²² Марко Николич — студент Петровской академии. Принимал активное участие в русском революционном движении 80-х годов XIX в. Одним из направлений его практической революционной деятельности был сбор средств в пользу кариийских каторжан — русских революционеров, отбывающих ссылку в Сибири на р. Каре («кариийская каторга»).

Против него они и направили свою борьбу, одним из главных средств которой признавался политический террор²³.

В № 11 «Радника» была опубликована корреспонденция из Петербурга, автором которой был Окица Глушчевич (свои корреспонденции в «Раднике» он подписывал Д. В. Ф.)²⁴. В ней автор сообщает некоторые подробности суда над «первомартовцами»: А. Желябовым, С. Перовской, Н. Кибальчицем, Т. Михайловым и Н. Рысаковым, а также рассказывает об их казни, свидетелем которой он был. Казнь «первомартовцев» произвела на О. Глушчевича тяжелое впечатление. Он пишет, что когда революционеров подвели к виселицам, он вспомнил стихи Й. Змая: «Когда я вижу смертные казни... я стыжусь своего века»²⁵. Но это злодеяние царизма, по мнению автора, не пройдет даром. Мученическая смерть «первомартовцев» воодушевит на борьбу с произволом и деспотией тысячи молодых людей²⁶.

Об убийстве Александра II пишут и авторы первого «Письма из России». Здесь в отличие от петербургской корреспонденции делается попытка дать оценку этому событию. По мнению авторов, трудно переоценить его значение: «Событие 1 марта останется в истории как очень значительное явление политического движения не только в России, но и во всем мире»²⁷. Авторы не пишут о суде над обвиняемыми по делу 1 марта, ибо в №№ 7—45, №№ 60—65 «Радника» печатались подробные официальные протоколы заседаний суда над «первомартовцами». Они лишь определяют его сущность как «беззаконного суда»²⁸.

Значительное место в «Письмах из России» и петербургских корреспонденциях занимает деятельность партий «Земля и воля», «Народная воля» и «Черный передел». Авторы кратко излагают историю социально-революционной партии начиная с 1876 г., отмечая, что «выстрел Веры Засулич был сигналом новой борьбы — вооруженной»²⁹, рассказывают читателям о разделении партии «Земля и воля» на две фракции, отражающие две различные точки зрения революционеров на судьбы русской революции: «Она („Земля и воля“. — С. Б.) разделилась на две фракции, которые различаются в частностях, но имеют под собой общую основу, а именно: цель как одной, так и другой — политический и экономический переворот. Эти фракции различаются в том, что одна из них признает, что этот переворот может и должен совершиться с н и з у, и она объединилась вокруг своего органа „Черный передел“, девиз которого „Земля и воля“; другая фракция, которая отделилась от первой, пришла к убеждению, что переворот невозможно совершить таким путем, ибо нельзя путем пропаганды при существующих условиях подготовить народ к перевороту. Поэтому она признает, что экономический переворот может осуществиться только тогда, когда произойдет политический переворот... Эта вторая фракция объединилась вокруг органа „Народная воля“»³⁰.

В связи с этим нельзя не отметить, что симпатии авторов «Писем из России», несомненно, на стороне партии «Народная воля», а не «Черного передела». Идеи этой партии, самоотверженная борьба народовольцев против царизма, стойкий, мужественный характер, огромный организаторский талант и глубокий ум их вождей, их исключительная преданность делу

²³ М. Г. Седов. Героический период революционного народничества. М., 1966, стр. 55.

²⁴ ЦГАОР, ф. 1167, оп. 3, ч. II, д. 2812, л. 6—7.

²⁵ «Радник», № 11, 18 апреля 1881.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, № 20, 28 апреля 1881.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, № 99, 8 августа 1881.

³⁰ Там же, № 60, 18 июня 1881.

революционного преобразования России — все это вызывает уважение, восхищение и преклонение сербских студентов — корреспондентов «Радника».

Развитие русского революционного движения оказало огромное влияние на формирование мировоззрения сербских студентов. Постепенно они проникаются идеями народолюбцев, активно участвуют в их борьбе (за участие в русском революционном движении были высланы из России в Сербию: Е. Кочович — 11 января 1882 г.³¹ и О. Глушчевич — 21 декабря 1884 г. «как неблагонадежные иностранцы с воспреещением возвращаться в Россию») и даже привлекаются к дознанию по делу о государственном преступлении за участие в партии «Народная воля»³².

Следует отметить, что благодаря сербским студентам, учившимся в России, на страницах «Радника», были опубликованы важнейшие документы партии «Народная воля»: программа Исполнительного комитета³³, программа русской народной партии от 7 апреля 1881 г.³⁴, выдержки из отдельных прокламаций, отрывки из статей, опубликованных в органе партии — «Народная воля».

Очень важной является, на наш взгляд, мысль, неоднократно высказываемая в «Письмах из России» — о преемственности революционных традиций в русском освободительном движении. Так, во втором «Письме» мы читаем: «Русская молодежь живет традициями, которые переходят от одного поколения к другому...»³⁵. Положили начало освободительному движению в России, отмечается в седьмом «Письме», декабристы. Хотя одни из них были повешены, а другие — сосланы в Сибирь, «Николай I не достиг цели — задуть развитие научной мысли. Герцен, Огарев, Бакунин, Грановский, Белинский, Добролюбов — сохранили традицию *декабристов*; революционная мысль развилась...»³⁶. Следующий период был связан с именем Чернышевского, научная деятельность которого высоко оценивается в «Письмах». Не стало Чернышевского, «но идея осталась, и русская молодежь еще пламеннее ее восприняла, считая ее святым завещанием тех мучеников, которые пострадали за нее и только с ее претворением в жизнь будут достойно отмщены»³⁷. И распространению этой идеи не смогли помешать «ни нагайки, ни каторга, ни казематы, ни легендарная Сибирь»³⁸. Поэтому, по мнению авторов писем, «напрасно старается сейчас и новый царь Александр III изолировать Россию так, чтобы в нее не проник дух революции; этот дух развивается в самой России»³⁹.

Особое место в «Письмах из России» занимают материалы о положении русских политических заключенных. И это не случайно. В конце 70-х — начале 80-х годов обычными стали в России аресты, ссылки, заточение в «одиночке» Петропавловской крепости и Харьковского централа за «хождение в народ» и мирную пропаганду, виселица — за попытку покончить с деспотическим режимом путем террористических актов. Обо всем этом писали в своих корреспонденциях сербские студенты⁴⁰. Особый интерес

³¹ ЦГА г. Москвы, ф. 142, оп. 17, 1881, д. 251.

³² Например, М. Николитч — см. ЦГА г. Москвы, ф. 131, оп. 42, т. 2, д. 98.

³³ «Радник», №№ 42—43, 26, 27 мая 1881.

³⁴ Там же, № 46, 30 мая 1881.

³⁵ Там же, № 24, 3 мая 1881.

³⁶ Там же, № 56, 13 июня 1881.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, № 56, 13 июня 1881.

³⁹ Там же, № 44, 28 мая 1881.

⁴⁰ Сообщение о попытке самоубийства в Петропавловской крепости С. А. Ивановой, привлеченной по процессу 16-ти (там же); о жизни политических заключенных в Сибири (№ 100—102, № 155—157); о суде над Н. Н. Рашевским, привлеченным по делу о типографии партии «Черный передел» (№ 148), и др.

среди этих материалов представляет корреспонденция М. Николича «Жизнь политических заключенных», написанная на основе писем русских революционеров, отбывавших ссылку в Сибири на печально знаменитой «карийской каторге». Эпиграфом к этой корреспонденции служат вдохновенные строки неизвестного поэта (в «Раднике» они напечатаны по-русски):

В тиши гробовой каземата,
В сырой глубине рудников
Страдают свободные люди
За вечно безмолвных рабов!
Но смысл этих горьких страданий
И рабское сердце поймет,
И горько народ угнетенный
Оковы свои проклянет! ⁴¹

В корреспонденции автор приводит наиболее важные, на его взгляд, отрывки из вышеуказанных писем. Из них мы узнаем ужасающие факты жизни политзаключенных в Сибири. Тяжелый, изнурительный труд, голод, болезни являются постоянными спутниками их безрадостной жизни. Автора корреспонденции волнует вопрос — сохранили ли революционеры в этом ужасном положении «свои старые идеалы или пошли на компромисс?» — и тут же он приводит отрывок из письма, где об этом говорится следующее: «В лохмотьях, грязные, больные чахоткой... мы работаем и влачим жалкое существование. Никакой надежды на новую жизнь, никакого выхода из этого положения — одна смерть будет для нас выходом из него. Но все же не думайте, что мы перед лицом этих несчастий отступили и упали духом — совсем нет... нас поддерживает, воодушевляет и делает смелыми единственное наше богатство — наши идеалы... Все мы свято верим в наше великое дело; каждая его нравственная победа — это в то же время и наша победа... Наше желание лишь в том, чтобы всей нашей жизнью помочь святому делу народного освобождения» ⁴².

Свое отношение к авторам письма М. Николич выразил строчками из стихотворения Н. А. Некрасова: «Природа — мать! Когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглохла б нива жизни!».

Сообщая об отдельных событиях русского революционного движения, о страданиях и гибели русских революционеров, авторы московских и петербургских корреспонденций приходят к очень важному выводу — «это новые типы революционеров, это исключительные характеры, возвышенные личности...» ⁴³.

Русская революционная молодежь являлась для сербских студентов примером активной борьбы против деспотизма за освобождение народа. Более того, мы с уверенностью можем сказать, что одна из идей народо-вольцев, а именно, идея решительной борьбы с деспотизмом правительства — была ими понята и воспринята. Это объясняется сходством обстановки, в которой происходила борьба русских революционеров и сербских социалистов. В начале 80-х годов сербские социалисты во главе с Д. Ценичем, с которым были связаны авторы «Писем из России» и петербургских корреспонденций, вели решительную борьбу против антинародной внутренней и внешней политики сербского правительства: на страницах «Радника» они выступали против засилья бюрократии в Сербии (№ 17, 52), налоговой системы (№ 77), подвергали критике сербские законы,

⁴¹ «Радник», № 155, 4 ноября 1881.

⁴² Там же, № 156, 6 ноября 1881.

⁴³ Там же, № 44, 5 мая 1881.

устройство судов, их зависимость от административной и исполнительной власти (№ 6), систему образования в Сербии (№ 87), внешнюю политику, благодаря которой все более усиливалось австрийское влияние в Сербии. Именно поэтому обучающиеся в России сербские студенты так сочувственно отнеслись к борьбе русских революционеров против царского правительства. Наш вывод подтверждает содержание корреспонденции из Петербурга от 10 ноября 1881 г., в которой автор, критикуя вначале реакционную внутреннюю и внешнюю политику русского правительства, переходит затем к критике бюрократического сербского правительства, указывая, что в их «антинародной деятельности» есть много общего⁴⁴.

Именно «антинародная деятельность» русского правительства, по мнению сербских студентов, является причиной того, что революционеры прибегли к террористическому методу борьбы. Эта мысль неоднократно повторяется в «Письмах из России». Их авторы решительно выступают против тех, кто упрекает «Народную волю» в ее стремлении «проливать кровь». Они считают, что при существующем политическом положении в России — это единственно правильный и возможный способ борьбы. При этом авторы «Писем из России» справедливо отмечают, что политический террор русских революционеров из «средства защиты партии от правительственной власти» постепенно превратился в «необходимое средство для достижения определенных политических целей»⁴⁵.

Героическая борьба русских революционеров против царизма, ее исключительная роль в общественной жизни России конца 70-х — начала 80-х годов дала основание авторам «Писем из России» прийти к очень важному выводу: «В строгом смысле слова *партия* в России не существует никакой другой партии, кроме социал-революционной, которая одна остается преданной своим принципам и смело вступает в борьбу со своими врагами»⁴⁶.

И именно эта героическая борьба дала основание О. Глушчевичу высоко оценить значение русского революционного движения. «Русское революционное движение, — писал он, — выдающееся историческое явление. Нет ни одного примера в истории, равного этому. Подобные тирании были, но такой борьбы против них не было»⁴⁷.

Анализ архивных материалов, «Писем из России» и петербургских корреспонденций на страницах «Радника» позволяет сделать вывод: в установлении и распространении русско-сербских революционных связей в начале 80-х годов большую роль играли сербские студенты, учившиеся в русских учебных заведениях. Они были одним из связующих звеньев между русскими и сербскими революционерами и принимали активное участие в русском революционном движении начала 80-х годов XIX в.

⁴⁴ Там же, № 161, 18 ноября 1881.

⁴⁵ Там же, № 157, 8 ноября 1881.

⁴⁶ Там же, № 55, 12 июня 1881.

⁴⁷ Там же, № 59, 17 июня 1881.

М. Я. ГОЛЬБЕРГ

ЖИВОИН ЖУЁВИЧ НА СТРАНИЦАХ УКРАИНСКОГО ЖУРНАЛА

В процессе развития литературных и культурных связей особая роль принадлежит журналистике, которая часто выступает как первый проводник этих контактов. Вместе с тем материалы прессы имеют большое источниковедческое значение. Откликаясь на те или иные исторические события, газеты и журналы выражают позиции и взгляды различных социальных кругов. Периодическая печать является основным выразителем общественного мнения, трибуной публичной, открытой идейно-политической борьбы¹.

В настоящем сообщении речь пойдет о факте, на который обратил внимание еще Йован Скерлич². В 1869 г. на страницах львовского журнала «Правда» были опубликованы отрывки из статьи Живоина Жуёвича «Наши отношения с русскими»³. История публикации этих отрывков весьма интересна.

Во второй половине 60-х годов «Правда» публикует переводы произведений сербских писателей, информацию о литературной и научной жизни в Сербии. В то же время на страницах сербских оmlадинских журналов «Вила», «Даница», «Матица» появляются произведения украинских писателей — Тараса Шевченко, Марко Вовчок, Юрия Федьковича⁴.

Передовые сербские и хорватские писатели широко использовали опыт прогрессивной украинской литературы, обращались к ее *освободительным* идеям, черпали в ней вдохновляющие примеры активного, революционного служения народу. В этом отношении характерно восприятие произведений Шевченко. Их революционный демократизм, гуманизм и глубокая народность были близки и понятны южным славянам, борющимся за свою свободу и независимость⁵.

¹ Ср.: «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX века». М., 1970, стр. 260 (раздел написан С. С. Дмитриевым). Источниковедческое значение периодической прессы убедительно показано в работах С. А. Никитина. См., например: «Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг.». В сб. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии», М., 1957; «Национальное движение на Балканах в 60-е годы XIX века в освещении современной русской периодической печати». В кн. С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 183—259.

² Ј. Скерлич. Оmlадина и њена књижевност. Београд, 1906, стр. 229.

³ «Правда», Львів, 1869, № 20, стор. 174—175.

⁴ См. М. Я. Гольберг. До історії українсько-сербохорватських літературних взаємин у XIX ст. В кн. Славистичний збірник. Київ, 1963, стор. 339—359.

⁵ См. Н. И. Крацов. Шевченко в литературах народов Югославии. В сб. «Тарас Шевченко». М., 1962, стр. 218—238; И. Ф. Ющук. Т. Г. Шевченко в литературах народов Югославии. Автореферат канд. дисс., Киев, 1963.

Украинско-сербские литературные взаимосвязи характеризуются борьбой прогрессивных и реакционных тенденций. С возникновением и развитием украинской революционно-демократической журналистики борьба эта обозначается с особой четкостью. В первую очередь она проявляется в решении таких вопросов, как отражение национально-освободительной борьбы в сербской литературе, отношение к революционно-демократическому направлению в украинской и сербской литературах.

Говоря о роли журнала «Правда» в развитии украинско-сербских культурных и литературных связей, нельзя забывать о том, какой была общественно-политическая платформа этого журнала. В деятельности «Правды», выходявшей с некоторыми перерывами с 1867 по 1897 г. и остававшейся в принципе органом буржуазно-консервативным, следует различать несколько периодов. В конце 60-х и в первой половине 70-х годов литературно-научный отдел журнала претендовал на всеукраинское значение и в определенной мере достигал этого. Несмотря на свою ограниченную либерально-буржуазную платформу, «Правда» сыграла определенную роль в объединении сил украинской литературы, а также в пропаганде произведений славянских писателей и в ознакомлении украинского читателя с достижениями славянских литератур, в частности сербской. К тому же не все писатели, печатавшиеся на страницах «Правды», разделяли взгляды редакции журнала ⁶.

При характеристике «Правды» следует учитывать те славянские материалы, которые появлялись на ее страницах. Между тем эти материалы выпадали из поля зрения исследователей, изучавших историю журнала. Одним из таких материалов был перевод вступительной части работы Милана Куянджича «Философия у сербов». Переводу редакция предпослала предисловие, в котором речь шла о славянской взаимности, о понимании ее представителями различных славянских литератур, в том числе сербской ⁷.

В переписке братьев Барвинских есть немало упоминаний о Куянджиче. В январе — феврале 1869 г. Осип Барвинский пишет брату Александру: «Доктору Ганкевичу скажи, чтоб принимал во внимание особенно философию у сербов — ибо у них, можно сказать, она развивалась самостоятельно, хотя и был период, называемый „немецким“. Если он пожелает узнать о первом, т. е. практическом периоде, периоде Обрадовича, то пусть мне окажет какую-нибудь помощь, а я ему переведу, ибо без помощи я этого сделать не могу, потому что тут работы много: 5 листов печатного текста» ⁸. И в другом письме: «Спрашиваешь, о какой „философии сербов“ я упоминаю в предыдущем письме к тебе. Это та „философия“, из которой я хочу взять отрывок „о существовании и самостоятельности отдельных литератур“ М. Куянджича. Только это исследование не закончено, речь идет лишь о начале философии у сербов» ⁹.

21 февраля Осип Барвинский пишет брату: «А Новакович еще ничего не написал? „Вила“, кажется, прекратила свое существование, не выходит, „Правда“ почему-то не получает ее» ¹⁰.

⁶ См.: М. Д. Бернштейн. Українська літературна критика 50—60-х років ХІХ століття. Київ, 1959, стор. 134—156; О. І. Дей. Українська революційно-демократична журналістика. Проблема виникнення і становлення. Київ, 1959, стор. 136—137; В. Д. Дмитрук. Нарис з історії української журналістики ХІХ ст. Львів, 1969, стор. 70—89; «Історія української літератури у восьми томах», т. 4, кн. 1. Київ, 1969, стор. 97—102 (роздел написан М. Д. Бернштейном).

⁷ См. «Правда», 1869, № 20.

⁸ Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 135, № 2348 (при дальнейших ссылках: ОР ИЛ АН УССР).

⁹ Там же, № 2361.

¹⁰ Там же, № 2349.

11 мая того же года Осип снова пишет Александру: «Не присылал ли там Новакович „философию“? Вахнянин уже очень нетерпеливо ожидает этого. Хотел, чтобы редакция от себя присовокупила к этой философии вступительную заметку о взаимности или объединении литературном у славян»¹¹.

Очевидно, о работе Куянджича речь идет и в письме Александра к Осипу от 15 мая: «Новакович еще ничего не прислал»¹². Наконец, 23 мая Александр сообщает брату: «Сегодня получил я от Новаковича „философию“ Куянджича, которую сам Куянджич пересматривал и переписал эти замечания. Только забыл я еще попросить его позволить процитировать из своего письма то, что он об этой философии писал. Но пока ты это поправишь и пересмотришь для „Правды“, я уже буду иметь ответ от него, ибо сегодня я ему пишу и через девять дней будет ответ. Печатайте этот материал как можно скорее в „Правде“, чтобы сербы видели, что мы такие вещи не задерживаем»¹³. И в следующем письме: «Я Новаковичу только что написал о разрешении взять отрывки из его письма в „Правду“, когда выслал тебе „философию сербов“. С печатанием повремените до тех пор, пока Новакович не ответит, потому что он не захочет или будет сердиться, если без его разрешения будет напечатано»¹⁴.

6 июня Осип ответил Александру: «В пятницу получил я от тебя заказное письмо, в нем письмо Новаковича и его вступительное слово к статье о философии у сербов. Вещь Новаковича хороша, я ее перевел и вместе с оригиналом передал Вахнянину... Надеюсь, что в 20 номере он поместит, разве что „Причепа“ и „Довбуш“ все место займут»¹⁵.

И действительно, отрывок из работы Куянджича был опубликован в 20 номере «Правды» вместе с заметкой «Словечко от редакции», где, в частности, говорилось, что Куянджич «принадлежит к либеральной народной сербской партии»¹⁶.

Говоря о славянской взаимности, автор вступительного слова приводит и два отрывка из статьи Живоина Жуевича «Наши отношения с русскими». Перевод этих отрывков не во всем точен. Они вырваны из сложного контекста статьи, которая связана с другими работами Жуевича: «Два слова о взаимоотношениях сербов и болгар», «Наши отношения с венграмми».

«Словечко от редакции» характеризует Жуевича как «серба, который учился в России...»¹⁷. Однако Жуевич не только учился в России, но и был активным сотрудником ряда русских газет и журналов, в частности «Современника»¹⁸. Он провел в России семь лет (с осени 1859 и до весны 1866). Здесь он сформировался как прогрессивный общественный деятель и как ученый-демократ¹⁹.

Показательным для мировоззрения Жуевича было его участие в полемике «Современника» со славянофилами. С этим связаны его статьи «Славянский юг» и «Славянское село», в которых история и современное со-

¹¹ ОР ИЛ АН УССР, № 2351. Н. Вахнянин — редактор «Правды».

¹² К. Студинский. Галичина й Украина в листуванні 1862—1884 рр. Харків — Київ, 1931, стор. 92.

¹³ Там же, стор. 93.

¹⁴ Там же, стор. 94.

¹⁵ ОР ИЛ АН УССР, ф. 135, № 2352. «Причепа» — повесть И. Нечуя Левицкого, «Довбуш» — драма Ю. Федьковича.

¹⁶ «Правда», 1869, № 20, стр. 174.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. VI, 1952; В. Г. Карасев. Сербский демократ Живоин Жуевич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX века. М., 1974.

¹⁹ См. В. Г. Карасев. Там же, стр. 306.

стояние славянских народов освещались с демократических позиций²⁰. Логическим продолжением этих материалов был и тот цикл статей, о котором говорилось выше.

Живоин Жуёвич выступил как зачинатель демократического направления в сербском общественном движении. Светозар Маркович назвал его первым социалистом среди сербов²¹.

В статье «Наши отношения с русскими» Жуёвич отстаивает демократическое решение вопроса о славянской взаимности. Есть две России, говорит он, — «симпатичны наши на стороне демократических принципов и демократов в России»²². И далее: «Гражданской свободы и общественной справедливости — вот чего мы желаем себе и русским. Только с такой Россией мы готовы сесть за дружеский стол»²³.

В своей статье Жуёвич подвергает резкой критике панславистские планы русских славянофилов, их понимание славянского единства. Он противопоставляет их взглядам свое демократическое понимание славянского вопроса, выступая как «горячий поборник идеи национального и социального освобождения, объединения национальных комплексов славянских народов и создания на этой основе национально-независимых государств»²⁴. Он отстаивает идею революционного союза славянских народов. Мысли его перекликаются с некоторыми положениями написанного несколькими годами ранее памфлета А. И. Герцена «Сербы и черногорцы».

Редакция львовской «Правды» не разделяла идей Жуёвича, более того, основной смысл этих идей противоречил ограниченным взглядам редакции.

«Словечко от редакции» односторонне и по существу неверно трактовало приведенные отрывки из статьи «Наши отношения с русскими». И все же важным было то, что имя Жуёвича появилось на страницах украинского журнала, что украинский читатель познакомился с некоторыми его мыслями. Вместе с тем во вступительной заметке к переводу работы Куюнджича содержалось едва ли не первое в украинской прессе упоминание о сербской Омладине.

Заметим, что упоминания об Омладине встречаются и в переписке братьев Барвинских. 18 июня 1869 г. Осип обращался к Александру: «Стоило бы попросить Стояна Новаковича прислать устав их общества Омладина, рассмотреть этот устав и подумать, не удалось ли бы и у нас такое общество основать»²⁵. В письме от 19 мая Осип сообщает тому же адресату: «Две „Омладинске книжки“ — 1) Отчет и устав товарищества Омладины, 2) Омладинский календарь — получила редакция»²⁶.

Позднее, 19 мая 1870 г., Осип Барвинский предлагает брату совместно выпустить журнал «Млада Србадија», говорит о попытках наладить с ним

²⁰ См. В. Г. Карасев. Там же, стр. 126; С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX века. М., 1970, стр. 216—217; М. Я. Гольберг. К истории полемики вокруг славянофильского послания «К сербам». В кн. «Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах». М., 1972, стр. 197—208; е го же. До типології патріотичних мотивів у слов'янських літературах. «Радянське літературознавство», 1971, № 8.

²¹ Св. Маркович. Избр. соч. М., 1956, стр. 853.

²² «Србија», № 43, 1 VI 1868.

²³ Там же.

²⁴ См.: В. Г. Карасев, В. Д. Конобеев. О связях русских, сербских и болгарских революционеров в 60—70-х годах XIX века (Первый конгресс балканских исследований. София, 26 августа — 1 сентября 1966 г. Сообщения советской делегации). М., 1966, стр. 7—8; В. Г. Карасев. Там же, стр. 209.

²⁵ ОР ИЛ АН УССР, ф. 135, № 2353.

²⁶ Там же, № 2373.

книгообмен²⁷. Известно, что «Млада Србадија» была официальным органом «Омладины». Политическая программа журнала не отличалась последовательностью и четкостью. На его страницах помещались материалы различной политической направленности, в частности статьи идеолога сербских либералов В. Йовановича. Св. Маркович в статье об этом журнале подверг резкой критике сербский либерализм и национализм, выступая против беспринципной позиции «Младој Србадији»²⁸.

Вернемся, однако, к «Словечку от редакции». Приведа отрывки из статьи Жуёвича, автор замечает: «Все, что тут высказано словом практическим и открытым, найдут наши читатели высказанным чисто научным способом в предлагаемой статье»²⁹. Таким образом, по существу ставится знак равенства между Жуёвичем и Куюнджичем. На деле же все выглядело значительно сложнее.

Уже в то время начинается размежевание между двумя направлениями в сербском оmlадинском движении. Жуёвич принадлежал к демократическому направлению, а Куюнджич — к либеральному. В том же 1868 г., когда была опубликована статья «Наши отношения с русскими», в статье «Вместо критики» Жуёвич выступил против некоторых положений именно той работы Куюнджича, перевод отрывков из которой был опубликован в «Правде».

Конечно, это размежевание еще не проявилось с такой силой и глубиной, как в последующий период. Однако уже и во второй половине 60-х годов в оmlадинском движении обнаруживаются противоположные подходы к вопросу об особенностях и путях исторического развития Сербии.

Глубокие противоречия проявились и во взглядах на литературу, на ее задачи. Либеральное направление ставило перед поэзией задачу отображения прошлого, исторических судеб народа, «народного духа». Характерной чертой этого направления было романтическое увлечение прошлым, его своеобразный культ; в идеализированном прошлом искали вдохновения и силы. Революционно-демократическое направление, которое в последующем десятилетии будет играть в общественно-политической жизни Сербии главную роль, выдвигало требование, чтобы литература отражала весь комплекс современной народной жизни, т. е. борьбу за национальное освобождение, процесс социальной дифференциации и стремления к социальному равенству. В конце концов и те и другие были «утилитаристами», требуя от литературы подчинения более высоким и значительным принципам. Различия выступали тогда, когда ставился вопрос, каким же именно принципам она должна служить. Либералы считали, что основная задача литературы связана с борьбой за национальное освобождение. Революционные демократы говорили о борьбе социальной, об объединении и задач социального и национального освобождения. Различия между двумя направлениями, в частности в самом понимании национального освобождения, со временем углубляются. Идеиные и философские основы этих двух направлений были противоположными. Либералы основывались на идеалистической философии. Революционные демократы исходили из положений материалистической философии при решении вопроса о роли литературы в народной жизни, об отношении литературы к действительности³⁰.

²⁷ Там же, № 2853.

²⁸ См. С в. М а р к о в и ч. Там же, стр. 169—181. Ср. Б р. Ј. В р а н е ш е в и ћ. Штампa Уједињене Омладине српске. В сб. «Уједињена Омладина Српска», Нови Сад, 1968, стр. 506—509; Ђ. В а ј и ћ. Часопис «Млада Србадија» (1870—1872). «Уједињена Омладина Српска», стр. 537—544.

²⁹ «Правда», 1869, № 20, стр. 175.

³⁰ См. В. В у л е т и ћ. Светозар Марковић и руски револуционарни демократи. Нови Сад, 1964, стр. 143.

Жуёвич критиковал Куюнджича именно за уступки идеализму, за утверждения субъективно-идеалистического характера. В статье «Вместо критики» он писал: «Мы открыто признаем, что считали г. Куюнджича мыслителем материалистического направления, но теперь видим, что заблуждались»³¹.

Серьезные расхождения имелись между Жуёвичем и Куюнджичем по славянскому вопросу. Если Куюнджич решал этот вопрос с позиций либеральных, то Жуёвич, как уже говорилось, выдвигал демократическое его решение.

Жуёвич отстаивал идею борьбы угнетенных славянских народов за свое национальное и социальное освобождение, выступал против панславистских концепций. Решение славянского вопроса для него неотделимо от проблемы противоречий между угнетателями и угнетенными. Не абстрактные рассуждения о единстве славян, а мысли о единении демократических сил славянских народов, о совместной борьбе трудящихся славянских стран за их свободу и независимость характеризуют концепцию Жуёвича³². Высказывания же Куюнджича по славянскому вопросу свидетельствуют о том, что он игнорировал социальную сторону проблемы, не видел, глубокой социальной дифференциации в славянских странах. Поэтому у него речь идет о славянстве вообще, вне связи славянского вопроса с вопросом социальным. Вместе с тем, как свидетельствует «Философия у сербов», Куюнджичу не чужды и националистические, или, точнее, либерально-националистические моменты в решении славянского вопроса.

Братья Барвинские, как и другие деятели редакции «Правды», восприняли лишь отдельные идеи либерального крыла Омладины. Они не увидели размежевания в омладинском движении. Очевидно, этим можно объяснить ограниченность репертуара переводчиков «Правды», отсутствие на страницах журнала произведений таких представителей омладинской поэзии, как Змай и Якшич.

Только в 70-е годы на страницах украинской прессы выступят пропагандисты идей революционного крыла Омладины, произведений Светозара Марковича — революционные демократы Иван Франко и Феофан Василевский, которые сыграли большую роль в развитии контактов между украинской и сербской революционной демократией.

Переписка братьев Барвинских позволяет раскрыть интересный и неизвестный до сих пор факт своеобразного сотрудничества Стояна Новаковича с львовской «Правдой» и вместе с тем внести некоторые уточнения в характеристику той позиции, которую занимал Новакович в конце 60-х годов. Приведенные материалы позволяют говорить о нем как об одном из авторов этого предисловия, т. е. о том, что в «Словечке от редакции» был использован ряд его мыслей и формулировок, хотя, к сожалению, не удалось обнаружить непосредственно те материалы, которые Новакович посылал в редакцию «Правды».

Мысли о славянской взаимности, прозвучавшие в редакционном предисловии к переводу отрывка из книги М. Куюнджича, встречаются и в ряде других материалов «Правды». Так, публикуя перевод рассказа Владана Джорджевича «Мать гайдука», редакция предпослала ему заметку, которая начиналась словами: «Идя путем истинной славянской взаимности, считаем главной своей обязанностью знакомить образованные слои нашего народа с литературными произведениями других славянских

³¹ «Вила», 1868, № 33, стр. 782. См. «Антология мировой философии в четырех томах», т. 3. М., 1971, стр. 540; L j. P a l i g o r i ć. Zivojin Zujojić. Beograd, 1960, s. 66—67.

³² Ср. В. Г. К а р а с е в. Там же, стр. 103, 309—310.

народов, ибо эти произведения являются выражением их жизни и быта народного»³³.

Безусловно, идею славянской взаимности нужно рассматривать в каждый период и в каждой новой общественно-политической ситуации отдельно и во всех аспектах. Как показал Г. Батовский, наряду с культурной идеей славянской общности существовала и другая идея, жизненно значительно более необходимая: идея революционного сотрудничества славян в борьбе с чужеземной и собственной тиранией³⁴. Она получает глубокое развитие в трудах революционеров-демократов. Редакция «Правды» исходила из ограниченного либерально-буржуазного понимания идеи славянской взаимности. Идея революционного союза славянских народов была для нее далекой и чуждой. Однако, несмотря на это, публикуя переводы славянских писателей и материалы о них, «Правда», как уже говорилось, сыграла определенную роль в развитии межславянских культурных и литературных связей, в процессе межславянского книгообмена.

Очевидно, отрывки из статьи Жуёвича попали на страницы «Правды» также благодаря Стояну Новаковичу. Известно, что Новакович в свое время выступил с резкой критикой славянофильского послания «К сербам». Между позицией Новаковича и позицией Жуёвича по вопросу о славянском единстве имелись некоторые точки соприкосновения, хотя в целом их позиции были различными.

Интересно отметить, что на публикацию «Правды» сразу же откликнулась белградская «Матица»: «В украинском журнале „Правда“, который выходит во Львове, напечатан перевод отрывка из работы Куянджича „Философия у сербов“, а именно „О существовании и самостоятельном развитии отдельных литератур“. Украинцы использовали это произведение нашей литературы, чтобы оно помогло им в их борьбе за самостоятельное развитие своего народного языка в литературе, т. е. в том деле, которое находит все больше сторонников между украинцами и в России, и в Австрии. Редакция снабдила перевод предисловием, в котором приводятся и некоторые мысли из статьи Жуёвича „Наши отношения с русскими“, напечатанной в прошлом году в „Србији“»³⁵.

Так раскрывается один из интересных эпизодов истории украинско-сербских культурных и литературных связей. Возможно, дальнейшие разыскания позволят внести в его освещение новые моменты. Для этого необходимы совместные усилия югославских и украинских историков и литературоведов. Рассмотренный эпизод ведет нас к постановке вопроса об отражении оmlадинского движения на страницах украинской прессы. Но это уже тема нового специального исследования.

³³ «Правда», 1868, № 31, стр. 361.

³⁴ См. «Сборник ответов на вопросы по литературоведению к IV Международному съезду славистов». М., 1958, стр. 117—118.

³⁵ «Матица», 1869, № 20, стр. 471.

И. А. КАЛДЭВА

СОСТОЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ В ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Проблема организации славяноведческой библиографии занимала умы ученых и специалистов-библиографов еще в 20-х годах нашего столетия. В 1926 г. на Международном конгрессе библиотекарей и друзей книг в Праге был выдвинут план создания международной текущей славяноведческой библиографии. В эти же годы в Советском Союзе предпринимается попытка возобновить издание славяноведческой библиографии при Отделении русского языка и словесности Академии наук СССР. Небезинтересно отметить, что указанный проект предусматривал включение в нее советской и зарубежной литературы по всем основным отраслям славяноведения — истории, филологии, культуре, искусству¹.

Вопрос о необходимости создания славяноведческой библиографии был предметом обсуждения всех без исключения международных съездов славистов, начиная с I съезда филологов-славистов в 1929 г. в Праге. На Международном съезде славистов (Москва, 1958 г.) председателем информационно-библиографической комиссии проф. П. Н. Берковым был выдвинут проект организации международного сотрудничества в области славяноведческой библиографии². Проект проф. Беркова и решения информационно-библиографической комиссии Международного комитета славистов³ предусматривали на первом этапе организацию сотрудничества в области языкознания, литературоведения и фольклора.

Вместе с тем планировалось создание национальных библиографий по этим областям знания.

В дальнейшем предполагалось сотрудничество по всему комплексу славяноведческих проблем, издание текущей и ретроспективной славяноведческой библиографии.

Во исполнение решения IV Международного съезда славистов с 1967 г. началось издание международной языковедческой библиографии на базе «Славистического ежегодника» в Кракове⁴. По решению Оксфордского совещания Международного комитета славистов (сент. 1966 г.) славистическому институту в Вене было поручено издание специальной текущей

¹ А. Н. Горьянов. Об одном проекте советской славяноведческой библиографии. В кн. Теория и история библиографии. М., ИНИБОН АН СССР, 1969, стр. 211—219.

² П. Н. Берков. Международное сотрудничество славистов и вопросы организации славяноведческой библиографии (Международный съезд славистов. Сообщение). М., АН СССР, 1958.

³ «Международный съезд славистов. IV отчет». М., 1960, стр. 160—161.

⁴ «Przegląd bibliograficzny za rok 1962». «Rocznik Sławistyczny». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, t. 17. В дальнейшем ежегодник стал выходить в 2-х частях, вторая из которых целиком посвящена библиографии.

библиографии по истории славистики на страницах «Венского славистического ежегодника»⁵.

Славистическая проблематика представлена в ряде международных изданий.

Международным Комитетом исторических наук в Лозанне после войны было возобновлено при участии европейских социалистических стран издание «Международной библиографии исторических наук»⁶. К настоящему времени вышло 23 тома. Несмотря на то что это издание выходит с большим опозданием и включает очень ограниченный круг материалов, оно может до некоторой степени восполнить историкам — славистам, особенно занимающимся проблемами культурной истории, отсутствие международной библиографии по истории славянских стран.

Фундаментальным источником по аграрной истории Восточной Европы может служить издающаяся с 1960 г. Музеем аграрной истории в Будапеште международная библиография книг и статей по данной тематике⁷.

С 1968 г. Международным центром документации при Институте балканских исследований в Софии предпринято издание библиографического ежегодника по проблемам балканистики. Это — комплексная библиография, всесторонне отражающая литературу по истории, филологии, культуре, экономике стран Балканского полуострова и Юго-Восточной Европы за период со второй половины XIV в. по 1945 г.⁸. Наконец, славянская тематика находит отражение в международной библиографии по византиноведению, издающейся на страницах журнала «Бизантинистика»⁹.

Здесь мы постараемся охарактеризовать основные направления развития славяноведческой библиографии в зарубежных социалистических странах за послевоенные годы.

Научная информация и ее важнейшая форма — библиографическая информация как научно-вспомогательная дисциплина должна развиваться параллельно с развитием обслуживаемой ею отрасли или комплекса отраслей наук, суммируя доступными ей средствами состояние развития науки. «Библиография посредничает между прошлым и будущим, когда она собирает оценивающую прошлое литературу, предоставляет ее в руки исследователей наших дней и сохраняет исследования наших дней на будущее». Эти слова принадлежат Я. Матолчи, организатору международной библиографии по аграрной истории Восточной Европы и, по существу, определяют два важнейших направления любой библиографии — текущую регистрацию литературы и библиографирование ее в ретроспективном плане¹⁰.

Библиографы славянских стран совместно с научными работниками интенсивно ищут формы библиографического обобщения славяноведческого материала.

Однако многообразие форм информации, как мы постараемся показать ниже, не дает основания говорить о наличии системы информации по славяноведению не только в международном плане, но и в отдельных странах. Система информации включает комплекс информационных изданий текущего и ретроспективного планов, объем и границы которых определяются тематическими границами библиографируемой отрасли.

⁵ «Wiener slawisches Jahrbuch», 1966, Bd. 13.

⁶ «International bibliography of historical sciences». Paris, 1926, v. 1.

⁷ «Bibliographia historiae rerum rusticarum internationalis». Budapest, 1960.

⁸ «Bibliographie d'études balkaniques». Sofia, 1968.

⁹ «Byzantinoslavica», Praha, 1954.

¹⁰ «Bibliographia historiae rerum rusticarum internationalis». Budapest, 1964, p. 12.

Понимание славяноведения как комплексной дисциплины, изучающей наряду с общими проблемами этнической, исторической, языковой, культурной, а в наши дни — экономической и общественно-политической общности славянских народов, их многоаспектных связей с другими народами, также и жизнь отдельных славянских стран во всем ее многообразии в настоящее время и в историческом плане, прозвучавшее на IV Международном съезде славистов, занимает все большее место в работе научных коллективов европейских социалистических стран. Следовательно, система информации в славяноведении — это совокупность информационных изданий по отдельным или нескольким отраслям этой комплексной дисциплины, по важнейшим межотраслевым и комплексным проблемам данной науки, по отдельным славянским странам или комплексу славянских стран.

В развитии славяноведческой библиографии в послевоенные годы преобладающее место занимает отраслевая библиография.

В большинстве зарубежных социалистических стран, и в первую очередь в славянских странах, прилагаются немалые усилия для подведения итогов развития отдельных славяноведческих отраслей за первые 10—15 лет народной власти, что почти совпадает с датой проведения IV (первого послевоенного) Международного славистического съезда, составляются ретроспективные библиографические указатели за значительный хронологический период. Одновременно принимаются меры к организации текущей отраслевой библиографической информации, которая в большинстве славянских стран складывается к середине 60-х годов. Наибольшее развитие получает библиографическая работа в области славянской филологии и, в первую очередь, ее языковедческой части.

Наряду с участием в международной библиографии по языкознанию почти каждая из европейских социалистических стран публикует материалы по национальному языкознанию.

В Болгарии в 1964 г. была опубликована библиография по языкознанию за 1943—1949 гг.¹¹, а с 1951 г. на страницах журнала «Болгарский язык» регулярно печатаются списки книг и статей, дающие представление о всей текущей научной продукции страны по славянскому языкознанию.

«Ежегодная венгерская лингвистическая библиография», выходящая с 1963 г. и учитывающая всю национальную литературу по языкознанию, а также труды венгерских языковедов за рубежом, содержит специальный раздел «Славянские языки»¹².

Серьезная работа по библиографированию славистической литературы ведется в ГДР Институтом славяноведения Германской академии наук. Сотрудниками Института в 1963 г. издана библиография, подводящая итоги работ в области славистики в стране по состоянию на 1962 г., а в 1968 г. — по состоянию на 1967 г.¹³, систематически с 1955 г. публикуются библиографические материалы на страницах «Журнала по славистике»¹⁴. Необходимо отметить, ретроспективную библиографию по лужицкому языкознанию — труд Института этнографии в Будишине¹⁵.

В Польше на страницах «Бюллетеня Польского языковедческого об-

¹¹ М. Кърпачева, Е. Станкулова. Библиография. Трудове и статии по езикови въпроси в българския печат от 1943 до 1950 г. «Български език», София, 1964, кн. 6.

¹² «A. Magyarországi nyelvtudomány bibliográfiája. A Magyar Tudományos Akadémia Nyelvtudományi Intézeté». Budapest.

¹³ Н. Pohrt, Н. Rappich. Slawistische Publikationen der DDR bis 1962. Bibliographie. Berlin, 1963; «Slawistik Stand vom 1. Dez. 1967». Berlin, 1968.

¹⁴ «Zeitschrift für Slawistik», Berlin, 1955.

¹⁵ Н. Schuster-Sewc. Bibliographie der sorbischen Sprachwissenschaft. Bautzen, 1966.

щества»¹⁶ с 1960 г. регулярно публикуется библиография работ польских авторов по общей и индоевропейской лингвистике, появившихся в стране и за рубежом; специально польскому языковедению посвящены библиографические материалы журнала «Языковедческий справочник»¹⁷. Итоги славистических исследований в стране в период между международными съездами славистов подводятся в «Бюллетене по проблемам полонистики», издаваемом Институтом литературных исследований Польской академии наук¹⁸.

В Румынии центром информации и документации Академии общественных и политических наук с 1964 г. издается 8 серий «Бюллетеня научной информации», где публикуется текущая систематизированная по проблемно-отраслевому или проблемно-страноведческому принципу аннотированная библиография по отдельным отраслям общественных наук. Специальная серия посвящена проблемам филологии; в ней отражены и исследования румынских ученых по славянской филологии¹⁹. Материалы о румынско-славянских языковых связях представлены в фундаментальном библиографическом указателе Института языковедения Академии наук Румынии²⁰.

В Чехословакии текущие языковедческие материалы публикуются с 1963 г. в информационных изданиях Государственной библиотеки ЧССР. Правда, специальная серия «Языковедение. Литературоведение» преследует цель не столько показать научную продукцию своей страны, сколько информировать о литературе по языковедению, в том числе и славянскому, опубликованной за рубежом²¹. Чешская наука благодаря стараниям Эд. Тыла ввела в научный оборот исследования чешских славистов по общим проблемам лингвистики, чешскому и славянскому языковедению за 1945—1960 гг.²².

К VI Международному съезду славистов языковеды получили библиографию II степени, дающую сведения о славистических указателях литературы, опубликованных в Чехии в 1945—1967 гг.²³. Библиографическую работу по словацкому языковедению в Чехословакии проводит Матица словацкая. К настоящему времени изданы указатели языковедческих трудов за 1939—1968 гг.²⁴. С 1970 г. положено начало изданию текущей лингвистической библиографии в Словакии²⁵. Итоги славистических исследований на территории всей страны за 15 послевоенных лет нашли отражение в ряде специальных указателей²⁶.

¹⁶ «Biuletyn Polskiego towarzystwa językznawczego». Warszawa, 1960.

¹⁷ «Poradnik Językowy», Warszawa, 1962.

¹⁸ «Biuletyn Polonistyczny». Bibliografija polskiej slawistyki językznawczej za lata 1958—1962, Warszawa, 1963, zes. 18; *ibid.*, 1963—1967, Warszawa, 1963, zes. 31.

¹⁹ «Buletin de informare științifică. Lingvistică — filologie», București, 1964.

²⁰ «Bibliografie analitică a limbii române literare 1780—1866». București, 1972.

²¹ «Novinky literatury. Společenské vědy. Rada. Jazykověda». «Literární věda», Praha, 1963.

²² Z. T y l. Bibliografické práce z obozu jazykovědy slovanské v letech 1945—1955. «Slovo a slovesnost». Praha, 1956, № 1; e r o ж e. Bibliografie české lingvistiky za leta 1945—1950. Praha, 1955, 360 s.; *ibid.*, 1951—1955. Jazykověda obecná, indoevropská, slovanská a česká. Praha, 1957, 539 s.; *ibid.*, 1956—1960, Praha, 1963.

²³ M. L a i s k e. Slavistické bibliografie vydané v českých zemích 1945—1967. Praha, 1968, 174 s.

²⁴ V. B l a n á r. Bibliografija jazykovedy na Slovensku v rokach 1939—1947. Bratislava, 1950; L. D v o n c. Bibliografija slovenskej jazykovedy za roky 1948—1952. Martin, 1957; *ibid.*, 1953—1956, Martin, 1958; *ibid.*, 1957—1960, Martin, 1961; *ibid.* 1961—1965, Martin, 1970.

²⁵ E. D u c h a j o v á. Slovenska slavistika. 1968. Bibliografija. Martin, 1970.

²⁶ «Československa slavistika. Bibliografie knižních publikací. 1945—1960». «Slavia», Praha, 1960, № 4; V. F i c e k. Publikationen zur Geschichte der Slawistik in der Tschechoslowakischen Socialistischen Republik, 1945—1960. «Beiträge zur Geschichte der Slawistik». Berlin, 1964.

В Югославии в течение двух десятилетий на страницах основного органа Института сербского языка Сербской академии наук «Южнославянский филолог» публикуется библиография книг и статей по славянской и индоевропейской филологии, изданных в стране²⁷ и Триесте; библиография трудов по югославской лингвистике в зарубежной литературе печатается в журнале Матицы Сербской «Сборник по филологии и лингвистике»²⁸. Материалы по библиографии македонского языка изданы Институтом македонского языка²⁹.

В европейских социалистических странах опубликован ряд библиографий по старославянскому языку к 1100-летнему юбилею основателей славянской письменности³⁰, 2-х томная библиография по словообразованию в славянских языках³¹, по славянской ономастике³². Литература по славяно-балтийским языковым контактам нашла отражение в специальной трехтомной библиографии по балтийскому языкознанию, подготовленной Библиотекой Лодзинского университета³³.

В Болгарии собраны воедино за 10 лет материалы по славянскому литературоведению и фольклору³⁴. За значительный период, более ста лет (1823—1962 гг.), опубликована библиография болгарской художественной литературы за рубежом³⁵. Как и в других славянских странах, в Болгарии большое внимание уделяется библиографии трудов отдельных писателей и исследований их жизни и творчества. Помимо 2-х томного библиографического словаря болгарских писателей³⁶, опубликованы специальные библиографии, посвященные трудам и творчеству Г. Бакалова, Х. Ботева, И. Вазова, Елина-Пелина, Л. Каравелова, Гео Милева, Д. Полянова, Х. Смирненского, П. Славейкова и др.³⁷.

В Польше литературоведческая библиография носит многоаспектный характер. С 1950 г. Институт литературных исследований, продолжая довоенную традицию, возобновил издание текущей библиографии в виде

²⁷ «Библиографија расправа и дела из словенске и индоевропске филологије која су изашла у Југославији и у словеначким публикацијама у Трсту и Целовцу». «Јужнословенски филолог», Београд, 1952.

²⁸ У. Кашић. Прилози библиографији југословенске лингвистике на страни. «Сборник за филологију и лингвистику». Нови Сад, 1963, Књ. 6.

²⁹ Б. Видоевски. Прилог кон библиографијата на македонскиот јазик. Скопје, 1953.

³⁰ Х. Недялков, Кирил и Методий в българската литература. «Език и литература», София, 1969, № 4; А. Паунова, А. Кирмагова. Кирил и Методий. Библиография на българската литература. 1944—1963. София, 1963, 46 стр.: I. Весковиќ. Прилог кон кирило-методиевската библиографија. «Гласник на Институтот за националната историја», Скопје, 1969, бр. 1—2; Б. Моравић. Библиографска граѓа о Кирилу и Методију. «Књижевност и језик», Београд, 1969, бр. 3; Ј. Петровиќ. Литература о Кирилу и Методију приликом 1100. јубилеја slavenske pismenosti. «Slovo», Zagreb, 1967, knj. 17.

³¹ «Materiały do bibliografii słowotwórstwa języków słowiańskich. Pod red. W. Deroszewskiego», z. 1—2. Warszawa, 1959.

³² J. Svoboda. Ze slovanské onomastiky (Přehled onomastických sjezdů, konferencí, pracovišť, časopisů i bibliografií). «Slavia», Praha, 1960, № 3.

³³ W. Kubicka. Języki bałtyckie. Bibliografia, cz. 1—3. Łódź, 1968—1970.

³⁴ Ст. Андреева, Л. Станишева. Библиография на славянското литературознание и фольклор в България. 1958—1968. София, т. 1, 1955—1956; т. 2, 1957—1960; т. 3, 1960—1965.

³⁵ В. Трайков. Българска художествена литература на чужди езици. Библиогр. указател. 1823—1962. София, 1964.

³⁶ Г. Константинов. Български писатели. Биографски и библиографски данни. София, 1947; ето же. Български писатели. Биографии, библиография. София, 1961.

³⁷ Й. Данчева. Георги Бакалов. Био-библиография. София, 1963; Е. Иванова, Ц. Арсова. Христо Ботев. Препоръчителна библиография. София, 1952; З. Орешкова, Ц. Арсова. Какво да четем от Вазова и за Вазов. София, 1950; Е. Иванова, Д. Бошняков. Елин Пелин. Споменна книжка. София, 1954; «Любен Каравелов. Библиография, 1837—1947». София, 1948; «Гео Милев.

специальных ежегодников³⁸, в 1963 г. он предпринял публикацию многотомной специальной библиографии польской литературы, так называемый «Новый Корбут», в который включаются подробнейшие библиографические материалы по отдельным периодам, направлениям истории польской литературы, творчеству крупнейших польских писателей прошлого³⁹.

Материалы о польских писателях периода второй мировой войны и современной Польши собраны в 4-х томном «Словаре современных польских писателей»⁴⁰.

Национальной библиотекой в Варшаве с 1954 г. издаются библиографические ежегодники польской художественной литературы⁴¹. Значительное место среди литературоведческой библиографии занимают издания, посвященные творчеству отдельных писателей⁴². Небезынтересно отметить предпринятое Институтом литературных исследований совместно с Национальной библиотекой издание библиографической серии «Книга в старой польской культуре». В этой серии вышел ряд фундаментальных библиографий⁴³. Среди указателей, посвященных народному творчеству, безусловно обращает на себя внимание двухтомное издание «Польская народная сказка в систематическом изложении»⁴⁴.

В Чехословакии в настоящее время не существует специальной текущей литературоведческой библиографии. Однако филолог-славист может найти сведения о послевоенном чешском литературоведении в трехтомном труде Я. Кунца⁴⁵. Серьезным справочным подспорьем в научной ра-

Препоръчителна библиография». Ст. Загора, 1960; Ј. Д ю г м е д ж п е в а, Димитър Полянов. Софля, 1956; Е. Ф у р м а д ж п е в а. Пенчо Славейков. Библиография. Софля, 1966; Т. Б о р о в, Е. И в а н о в а. Христо Смирненски. Препоръчителна библиография. Софля, 1953.

³⁸ «Polska bibliografia literacka». 1944—1945. Wrocław, 1957; *ibid.*, 1946—1947. Wrocław, 1956—1958; *ibid.*, 1948. Wrocław, 1954; *ibid.*, 1949. Wrocław, 1958; за 1950—1952 как приложение к журналу «Pamiętnik Literacki», с 1956 г. под названием «Polska bibliografia literacka» как ежегодник.

³⁹ «Bibliografia literatury polskiej». «Nowy Korbut» в 19 т. Опубликовано: т. 1—3. Piśmiennictwo staropolskie; т. 4—5. Oświecenie, т. 7—8. Romantyzm; т. 12. Józef Ignacy Kraszewski.

⁴⁰ «Słownik współczesnych pisarzy polskich». «Słowy Korbut», т. 1—4. Warszawa, 1963—1966.

⁴¹ «Literatura piękna». Przewodnik bibliograficzny. Warszawa, 1954.

⁴² I. S z c z e p a ń s k a. Maria Konopicka. 1842—1910. «Poradnik bibliograficzny», Warszawa, 1960; I. Ś l i w i ń s k a, W. R o s z k o w s k a, S. S t u p k i e w i c z. Adam Mickiewicz. Zarys bibliograficzny. Warszawa, 1957; A. S e m k o w i c z. Bibliografia utworów Adama Mickiewicza. Do roku 1855. Warszawa, 1958; H. M i c h a l i k. Eliza Orzeszkowa. 1841—1910. «Poradnik bibliograficzny», Warszawa, 1960; «Dzieła Sienkiewicza w przekładach. Bibliografia». Warszawa, 1953; J. K r z y ż a n o w s k i. Dzieła Sienkiewicza. Bibliografia. Warszawa, 1953; е г о ж е. Piśmiennictwo o Henryku Sienkiewiczu. Materiały bibliograficzne. Warszawa, 1955; W. F l o r i a n, B. Z a k r z e w s k i. Słowacki w zbiorach i publikacjach. «Ossolineum». Wrocław, 1959; J. S t r a d e c k i. Julian Tuwim. Bibliografia. Warszawa, 1959; S. M e l k o w s k i. Bolesław Prus. Poradnik bibliograficzny. Warszawa, 1962.

⁴³ «Dramat staropolski od początków do powstania sceny narodowej. Bibliografia, т. 1». Warszawa, 1965; J. N o w a k - D ł u ż e w s k i. Bibliografia staropolskiej okolicznościowej poezji politycznej (XVI—XVIII). Warszawa, 1964; M. C y t o w s k a. Bibliografia druków urzędowych XVI wieku. Wrocław, 1961; «Andrzej Frycz Modrzewski. Bibliografia», Wrocław, 1962; J. R u d n i c k a. Bibliografia powieści polskiej 1601—1800. Wrocław, 1964; J. R o s t k o w s k a. Bibliografia dzieł Mikołaja Reja. Okres staropolski. Wrocław, 1970.

⁴⁴ J. K r z y ż a n o w s k i. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, т. 1—2. Warszawa, 1947; wyd 2. Warszawa, 1962.

⁴⁵ J. K u n c. Ceska literární bibliografie. 1945—1963. Soupis článků, statí a kritik z knižních publikací a periodického tisku let 1945—1963 o dílech soudobých českých spisovatelů. D. 1—2. Praha, 1963—1965; е г о ж е. Ceská literární bibliografie. 1945—1966. Soupis článků, statí a kritik z knižních publikací a periodického tisku let 1945—1966 k dílům autorů 19. a prvé poloviny 20. století. Praha, 1967.

боте служит «Словарь чешских писателей-беллетристов» того же автора⁴⁶ и указатель основных библиографий по истории чешской и словацкой литературы⁴⁷. Чехословацкая литературоведческая наука располагает значительным числом библиографий, суммирующих труды отдельных писателей, исследования о их жизни и творчестве⁴⁸. Среди тематических изданий необходимо отметить подготовленную Чехословацкой академией наук библиографию по истории стихосложения в Чехии и Моравии⁴⁹ и библиографию материалов литературного журнала «Ровность» за 1918—1929 гг.⁵⁰

Изучение культурных связей славянских народов начинает занимать все большее место в славяноведении. В этом плане особый интерес представляет определенное направление в библиографии, фиксирующее внимание на истории литературных взаимоотношений двух народов, переводах произведений писателей, изучении их творчества за рубежом⁵¹. Матрицей Словацкой за последние годы опубликован ряд указателей, отражающих историю и современное состояние литературных связей словаков с народами Польши, Украины, России, Венгрии⁵².

В Югославии Лексикографическим институтом в Загребе с 1956 г. издается многотомная библиография по литературоведению, напоминающая по своей фундаментальности указанную выше польскую библиографию «Новый Корбут». Она вводит в научный оборот появившиеся в стране статьи и книги по общим проблемам литературоведения, теории литературы, отдельным литературным жанрам, истории и современному состоянию югославской литературы, фольклору⁵³. Среди тематических библиографий необходимо отметить указатель хорватской драматургии с конца

⁴⁶ J. K u n c. Slovník českých spisovatelů beletristů. 1945—1956. Praha, 1957.

⁴⁷ «Základní bibliografie k dějinám české a slovenské literatury». Praha, 1963.

⁴⁸ V. F i č e k, A. K u č i k. Bibliografie Petra Bezruče. D. 1—2. Praha, 1953—1958; M. L a i s k e. Bibliografie Boženy Němcové. Praha, 1962; R. P y t l í k, M. L a i s k e. Bibliografie Jaroslava Haška. Praha, 1960; J. K u b i č e k. Otokar Březina. Soupis literatury o jeho životě a dílo. Brno, 1971; M. P a p í r n í k. Knižní dílo Otokara Březiny. Soupis. Brno, 1969; E. S p i š k o v á, J. L i š k o v á. Ivan Kusý. Personalna bibliografija. Martin, 1971; B. Z a h u m e n s k á. Ivan Ballo. Personalna bibliografija. Martin, 1970.

⁴⁹ «Rukovět humanistického básnictví v Cechach a na Morave. Od konce 15. do začátku 17. století. D. 1—4». Praha, 1966—1968.

⁵⁰ S. B a r t ů š k o v a. Literární rubrika «Rovnosti» v letech 1918—1929. Bibliografie. Praha, 1971.

⁵¹ W. P i a n k o. Polonica w literackiej i społeczno—kulturalnej prasie macedońskiej w latach 1945—1960. «Pamiętnik Słowiański», 1961; K. O l i v a. Przekłady czeskie z literatury polskiej. Zarys bibliografii. «Przegląd Zachodni», Poznań, 1951, № 3—4; J. F o r m a n o w i c z. Literatura czeska i słowacka w Polsce w latach 1945—1954. «Przegląd Zachodni», Poznań, 1955, № 3; K. F e l i c z a k. Literatura czeska i słowacka w przekładach polskich w latach 1955—1959. «Przegląd Zachodni», Poznań, 1960, № 2; K. F e l i c z a k. Przekłady polskie z literatury czeskiej i słowackiej w latach 1919—1939. «Slavia Occidentalis», Poznań, 1968, t. 26; A. S i e r o s z e w s k i. Bibliografia przekładów z literatury węgierskiej w Polsce, Warszawa, 1967; J. Z i m i e r s k i. Bibliografia przekładów z literatury węgierskiej na język polski. 1945—1965. «Studia z dziejów polsko-węgierskich stosunków literackich i kulturalnych», Wrocław, 1969.; J. J a k u b i k. Bibliografia prac dotyczących polsko-węgierskich stosunków literackich i kulturalnych. Ibid.; L. K n é z e k. Slovenska literatúra v prekladoch, 1945—1966. Martin, 1970.

⁵² M. F e d o r. Polonica slovaca. Bibliografia slovensko-pol'skych literárnych vzťahov v rokoch 1945—1966. Martin, 1967; M. M o l n á r. K slovensko-ukrajinským literárnym vzťahom do roku 1945. Bibliografia. Martin, 1970; E. D u c h a j o v á. K slovensko-ruským literárnym vzťahom v medzivojnom období. Provizórny súpis. Martin, 1970; M. F e d o r. Slovensko-ruské literárne vzťahy po roku 1945. Bibliografia. Martin, 1970.

⁵³ «Bibliografija rasprava, članaka i književnih radova». Zagreb, 1956, sv. 1.

XV в. по 1940 г. И. Бадалича⁵⁴, библиографию югославских писателей, писавших по-латыни⁵⁵, а также библиографии-персоналии Ф. Бевка, Я. Глазера, Р. Драговича, М. Крлежи, П. Негоша, П. Прерадовича, И. Прешерна, И. Цанкара, О. Давичо, Б. Станковича⁵⁶.

Вся литература по истории страны, включая историю науки и культуры, за 1945—1958 гг.⁵⁷, нашла отражение в совместном труде советских и болгарских библиографов «История Болгарии до 9 сентября 1944 г.». К XII и XIII международным конгрессам исторических наук изданы две библиографии, суммирующие болгарскую историческую литературу за 1960—1969 гг.⁵⁸. Важнейшие национальные научные исследования по средневековой истории Болгарии отражаются на страницах «Бизантино-Болгарики»⁵⁹. С 1964 г. Институтом истории БКП стали публиковаться систематизированные списки литературы социалистических стран Европы по истории болгарского рабочего движения и БКП⁶⁰. В 1946—1959 гг. Болгарским археологическим институтом публиковалась текущая археологическая библиография⁶¹. В ретроспективном плане археологическая литература представлена за 1879—1955 гг.⁶². Огромный вклад в библиографию экономической истории Болгарии и ее этнографии внесли труды Н. Михова⁶³. Важнейшие вехи национальной истории болгарского народа получили отражение в специальных тематических библиографиях. Осво-

⁵⁴ Y. B a d a l i ć. Bibliografija hrvatske dramske i kazališne književnosti. Zagreb, 1948, d. 1—2.

⁵⁵ «Jugoslaviae scriptores latini recentioris aetatis. P. 1—2». Zagrabiae, 1968—1971.

⁵⁶ M. B r e c e l j. B evkova bibliografija. Lipa v Kopru. 1960; I. Z m a v c - B a r a n. Bibliografija del Janka Glazerja. Maribor, 1954; S. D i m i t r i j e v i ć. Bibliografija radova Radovana Dragovića. Bibliografija radova o Radovanu Dragoviću. Beograd, 1954; T. J a k i ć. Bibliografija djela Miroslava Krleže. 1917—1953. Zagreb, 1953; D. K a p e t a n i ć. Bibliografija djela Miroslava Krleže. Zagreb, 1963; L. D u r k o v i ć - J a k š i ć. Bibliografija o Njegošu. Beograd, 1951; е г о ж е. Prilozi stogodišnjici Gorskog vijenca. Beograd, 1947; V. M a š t r o v i ć. Bibliografija književnih radova Petra Preradovića, kao i pjesama, članaka i rozprava o njemu objavljenih u Zadru. Zadar, 1952; F. K i d r i ć. Prešerniana. Ljubljana, 1946; F. D o b r o v o l e c. Bibliografija literature o Cankarjevi dramatici. Ljubljana, 1960; R. S i m o n o v i ć. Borislav Stanković i njegovo književno delo. Bibliografija objavljenih radova, članaka i knjiga. Vranje, 1966; С. К о с т и н. Библиографија Оксара Давича. Београд, 1969.

⁵⁷ Н. В. Буссе, Д. Д. Иванов, В. В. Носкова. История Болгарии до 9 сентября 1944 г. Указатель лит-ры за 1945—1958, ч. 1—2. Москва — София, 1962—1963.

⁵⁸ L. K i r k o v a, E. K o s t o v a - J a n k o v a. La science historique bulgare 1960—1964. Bibliographie. Sofia, 1965 («Études historiques», t. 2. Suppl.). L. K i r k o v a. La science historique bulgare 1965—1969. Bibliographie. Sofia, 1970 («Études historiques», t. 5. Suppl.).

⁵⁹ «Bibliographie des ouvrages et publications les plus importantes sur l'histoire bulgare du Moyen Age. «Byzantino-Bulgarica». 1966, t. 2. 1962—1964, Sofia, 1966; t. 3, 1965—1967. Sofia, 1969.

⁶⁰ Й. Долопчиева, Ц. Минкова. История на БКП, на младежкото и работничкото движение в България. Библиография на книги и статии, спомени и др., излезли в България, Съветския Съюз и социалистическите страни в Европа през... 1963—1968 гг. Известия на Инст. по история на БКП, София, 1964—1969.

⁶¹ «Книгопис по археология на България». Известия на Бълг. археолог. ин-т. София, 1946—1959.

⁶² С. Георгиева, В. Велков. Библиография на българската археология. 1879—1955. София, 1957.

⁶³ Н. Михов. Насиленето на Турция и България през XVIII и XIX в. Библиогр. издирвания със статистични и етнографски данни, т. 1—4. София, 1914—1934; т. 5. София, 1967; N. M i c h o f f. Contribution bibliographique a l'histoire du commerce bulgare (Documents officiels et rapports consulaires). Svichtov, Bd. 1. 1941; Bd. 2, th. 1. 1943; Bd. 2, th. 2. 1953; Bd. 3. 1950; Bd. 4 «Народностопански архив», Suppl. к кн. 1—3 за 1946 г.

бождение славянских народов от ига Османской империи⁶⁴, революционное движение в период между двумя мировыми войнами⁶⁵, антифашистская борьба славянских народов в годы второй мировой войны⁶⁶ — вот основные объекты библиографических обобщений послевоенных лет.

В Польше с начала текущего столетия на страницах «Исторического квартальника» в течение 34 лет (1902—1936 гг.) систематически публиковалась «Библиография польской истории»⁶⁷; с 1952 г. она стала издаваться во Вроцлаве в виде самостоятельных ежегодников⁶⁸. В послевоенные годы предпринято издание библиографий, посвященных собственно польской истории. В 1954 г. выходит «Библиография истории Польши XIX века», содержащая литературу до 1939 г.⁶⁹ по истории страны за 1815—1914 гг. Институтом истории Польской академии наук в 1965—1968 гг. предпринято издание трехтомной библиографии по истории Польши до 1944 г., учитывающей работы по 1965 г.⁷⁰

Важнейшие исследования польских историков, дающие представление об основных направлениях развития исторической науки в стране, включены в указатель к XIII Международному конгрессу исторических наук⁷¹. В послевоенные годы были созданы библиографии по отдельным периодам польской истории — реформация и контрреформация⁷², восстания 1794—1830⁷³, 1863 г.⁷⁴, революция 1905 г. на польских землях⁷⁵, проблемы рабочего, социал-демократического, крестьянского движения

⁶⁴ П. Дюгмеджиева. 90 години от освобождението на България от Османско иго. Библиография. София, 1968; Н. Ферманджиев, Д. Димитров. Българските хайдути. Библиография. София, 1969; «Априлско въстание 1876 г. Библиография», София, 1966.

⁶⁵ «Великата октомврийската социалистическа революция. Победа, световноисторическо значение и влияние в България, 1917—1923. Библиография». София, 1967; П. Дунчев. Работническо и комунистическо движение в Плевен и Плевенски, ч. 1—2. Плевен, 1959; «История на БКП в Бургски окръг. 1894—1944. Библиография». София, 1966; «История на Софийската партийна организация. 1885—1944. Библиография». София, 1967; И. Цолов, В. Ковачев, Й. Данчева. История на БКП. 1885—1944. Библиография. София, 1965; П. Кънчева. Септемврийското въстание. 1923. Материали за библиография. София, 1948; Ц. Стефанов. Комунистическият и антифашистският печат през времето на фашистката диктатура в България. София, 1960; «Герои на антифашистката борба. 1923—1944». кн. 1—2. Библиогр. указател. София, 1966—1969.

⁶⁶ М. Темелкова. Партизанското движение в Пиринския край. 1941—1944 гг. Библиография. Благоевград, 1969, Bd. 5, th. 1; «Народостопански архив». Suppl. к кн. 4 за 1947, Bd. 5, th 1; Известия на Висшия фин.-стоп. ин-т. 1953, кн. 4; 1954, кн. 3; 1955, кн. 3; 1957, кн. 2—3.

⁶⁷ «Kwartalnik Historyczny», 1902—1936 гг.

⁶⁸ «Bibliografia historii polskiej». Oprac. J. Baumgart. 1944—1947. Wrocław, 1952; ibid. 1948—1969, Wrocław, 1952—1971.

⁶⁹ «Bibliografia historii Polski 1815—1914». Tom wstępny pod red. Bachulskiej. Warszawa, 1954.

⁷⁰ «Bibliografia historii Polski». Pod red. H. Madurowicz-Urbańskiej, t. 1, cz. 1—3. Warszawa. 1965; t. 2, cz. 1—2. Warszawa, 1967.

⁷¹ «Bibliographie sélective des travaux des historiens polonais parus dans les années 1945—1968». Red. par J. Tazbir. 1970.

⁷² А. Котарска. Библиография реформации за лета 1945—1960. «Archiwum historii filozofii i myśli społecznej», t. 9. 163; L. Hajdukiewicz. Przegląd badań nad dziejami reформации i kontreformacji w Polsce w latach 1939—1952. «Reformacja w Polsce». R. 12. 1953—1955. № 45—50.

⁷³ Tadeusz Kościuszko 1746—1817. Oprac. J. Wojakowski. Warszawa, 1967; A. Zieliński. Materiały do bibliografii publicystyki powstania listopadowego. «Ze skarbca kultury», R. 20, 1969.

⁷⁴ E. Kozłowski. Bibliografia powstania styczniowego. Warszawa, 1964; Z. Świek. Powstanie styczniowe. 1863, Warszawa.

⁷⁵ «Bibliografia pism ulotnych rewolucji 1905—1907 w Królestwie Polskim», t. 1—2. Warszawa, 1963.

в стране ⁷⁶, движение Сопротивления польского народа в годы второй мировой войны ⁷⁷.

Польская наука располагает рядом фундаментальных библиографических трудов по истории общественно-политической мысли, социальной истории страны. Здесь в первую очередь необходимо отметить трехтомную библиографию польской философии за 1750—1895 гг. ⁷⁸ и указатель литературы за 1918—1965 гг. по социологии польской деревни ⁷⁹.

В ряде библиографических работ нашли отражение специальные исторические дисциплины — археология и этнография ⁸⁰. Библиография важнейших исследований по фольклористике в Польше в 1800—1863 гг. опубликована в приложении к «Истории польской фольклористики» ⁸¹. Обширные библиографические материалы содержатся также в «Словаре польского фольклора», опубликованном в 1965 г. под редакцией Ю. Кшижановского ⁸². С 1972 г. в Польше стала выходить ежегодная аннотированная археологическая библиография ⁸³.

В Чехословакии в 1957 г. по инициативе Института истории Чехословацкой академии наук начато издание текущей исторической библиографии, фиксирующей за год литературу по истории страны ⁸⁴. Проблемы новейшей истории в чехословацкой историографии находят отражение в специальном периодическом библиографическом издании ⁸⁵. Предметом ряда библиографических обобщений в послевоенные годы стала история Словакии ⁸⁶; история рабочего движения ⁸⁷, антифашистская борьба на-

⁷⁶ Z. K o r m a n o w a. Materiały do bibliografii druków socjalistycznych na ziemiach polskich w latach 1866—1918. Warszawa, 1949; e e ж e. Materiały do bibliografii polskiego ruchu robotniczego. 1818—1939. t. 1. Druki zwarte, Warszawa, 1960; J. K o s z a n o w s k a, M. T r z c i Ń s k a. Materiały bibliograficzne do historii ruchu robotniczego XIX—XX w., t. 1—2. Łódź. 1958; S. G i z a, Cz. W y s e c h. Materiały do bibliografii historii ruchu ludowego i zagadnień społecznych wsi 1864—1961. Warszawa, 1964.

⁷⁷ «Bibliografia wojskowa II wojny światowej. Materiały za lata 1939—1958». Cz. polska, Warszawa, 1960; W. K i e d r z y Ń s k i. Materiały do bibliografii hitlerowskich obozów koncentracyjnych. Literatura międzynarodowa. 1934—1962. Warszawa, 1962; J. K o s i c k i, W. K o z ł o w s k i. Bibliografia piśmiennictwa polskiego za lata 1944—1953 o hitlerowskich zbrodniach wojennych. Warszawa, 1955; «Wykaz prasy konspiracyjnej 1939—1945 i prasy powstania warszawskiego». Warszawa, 1948.

⁷⁸ «Bibliografia filozofii polskiej, t. 1. 1750—1830». Warszawa, 1955; t. 2. 1831—1864. Warszawa, 1960; t. 3. 1865—1895. Warszawa, 1971.

⁷⁹ L. S z w e n g r u b. Bibliografia socjologii wsi polskiej. 1918—1965. Wybór. Wrocław, 1968.

⁸⁰ H. B i t t n e r - S z e w e c z y k o w a. Materiały do bibliografii etnografii polskiej (1945—1955). Wrocław, 1955; «Lud» — organ Polskiego Towarzystwa Ludoznawczego. Wrocław; «Bibliografia etnografii polskiej za r. 1955—1960». Oprac. B. Gawin. «Lud», 1959—1967.

⁸¹ «Dzieje folklorystyki polskiej 1800—1863. Epoka przedkolbergowska». Warszawa, 1970, s. 493—509; «Zestawienie ważniejszych wydarzeń folklorystycznych 1800—1863».

⁸² «Słownik folkloru polskiego». Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965.

⁸³ «Polish archaeological abstracts», v. 1. Polish Academy of sciences. Vars, 1972.

⁸⁴ «Bibliografie československe historie. 1955». Praha, ČAV, 1957.

⁸⁵ «Novodobé dějiny v československé historiografii. Bibliografie». Bibliogr. ročenka knihovny ústavu marxismu-leninismu UV KSC. Praha, 1963.

⁸⁶ J. K u z m í k. Bibliografia publikácii k miestnym a všeobecným dejinám Slovenska. Martin, 1962; «Bibliografia slovenskej historie. 1939—1944», t. 1—2. Martin, 1944—1948; «Bibliografia slovenskej historiografie 1918—1970» (Historická produkcia od r. 1945). Zost. K. Gavalierová. Bratislava.

⁸⁷ M. P o t e m r a. Robotnicke hnutie na Slovensku v rokoch 1901—1918. Bibliografia článkov zo slov novín a časopisov. Martin, 1969; B. I n d r a. Dějiny dělnického hnutí ve středoevropském kraji. Praha, 1963; J. K u b i č e k. Bibliografie k dějinám dělnického hnutí a KSC v Jihomoravském kraji. Brno, 1971; «Bibliografia dějin dělnického hnutí. 1965—1966». Sest. K. Gavalierová. Praha, 1966—1967; «Bibliografie k dějinám CSR a KSC. 1917—1938». Historiografická produkce za léta 1945—1967. Sv. 1—4. Praha, 1969; «Bibliografie k dějinám KSC. Sv. 1—2. Období 1917—1945».

родов Чехословакии в годы второй мировой войны⁸⁸. История общественно-политической мысли народов Чехословакии нашла отражение в библиографических указателях литературы о трудах и деятельности крупнейших деятелей эпохи национального Возрождения Л. Штура и Я. Коллара⁸⁹. С 1961 г. Братиславским университетом издается в виде ежегодников библиография словацкой археологии⁹⁰. Этнографическим институтом Словацкой академии наук подготовлена библиография словацкой этнографии и фольклора за 1960—1969 гг.⁹¹. Среди библиографических работ по этнографии обращает внимание указатель исторической и этнографической литературы по Восточной Словакии за два послевоенных десятилетия⁹².

В Югославии итоги исторических исследований в стране за послевоенные годы подводят два историографических выпуска⁹³. Основным библиографическим источником по истории сербского народа в XVIII в. является библиография Г. Михайловича⁹⁴. С созданием Центра балканских исследований в Сараево на страницах ежегодника Научного общества Боснии и Герцеговины с 1965 г. стала издаваться текущая комплексная библиография по палеобалканистике⁹⁵, освещающая по данным археологии, истории, философии древнейший период балканских народов по X век включительно. В последние годы вышло несколько фундаментальных библиографических работ по истории общественно-политической мысли⁹⁶. В 60-х годах было опубликовано две библиографии по истории сербского рабочего и социалистического движения до второй мировой войны⁹⁷. В 1972 г. Институтом современной истории издана обширная библиография по истории социалистического рабочего движения на

Praha, 1968; «Bibliografija článkov z komunistických novin a časopisov za roku 1938—1945. Slovenska časť». Martin, 1964.

⁸⁸ «Protifasištický odboj za druhé svetové války. Bibliografie». Článka ilegálneho periodického tisku vydávaného na území protektorátu a slovenského štátu a z legálneho periodického tisku na osvobozeném území v letech 1939—1945. Sv. 1—3. Praha, 1969; M. Fedor. Supis periodik o slovenskej učasti na československom narodooslobodzovacom boji za druhej svetovej vojny. Martin, 1959; «Slovenské národné povstanie a národno-oslobodzovací boj slovenského ľudu. 1938—1945». Výberova bibliografija článkov, publikovaných v slovenských a českých časopisoch v rokoch 1945—1965. D. 1—3. Praha, 1967; P. Halaša. Bibliografija tlače na území Slovenského národného povstania. 29 VIII—28 X 1944. Martin, 1947; R. Machánko v á. Slovenské národné povstanie a národno-oslobodzovacie hnutie v rokoch 1939—1945. (Knížná tvorba v rokoch 1945—1968). Bibliografija. Bratislava, 1969; e e ж e. Slovenské národné povstanie a narodooslobodzovací boj slovenského ľudu 1938—1945. Výberova bibliografija článkov v časopisoch v r. 1945—1965. D. 1—3. Praha.

⁸⁹ J. Ormíš. Bibliografija L'udovíta Štura. Martin, 1958; e г o ж e. Bibliografija Jana Kollára. Bratislava, 1954.

⁹⁰ «Bibliografija slovenskej archeológie». Bratislava, 1961.

⁹¹ M. Kubová. Bibliografija slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1960—1969. Bratislava, 1971.

⁹² J. Repčák, M. Potešný. Historia a národopis. Bibliografija východného Slovenska. 1945—1964. Košice, 1964.

⁹³ «Dix années d'historiographie yougoslave. 1945—1955». Beograd, 1957; «Historiographie yougoslave. 1955—1965». Beograd, 1968.

⁹⁴ Г. Михайлович. Српска библиографија XVIII века. Београд, 1961.

⁹⁵ Izbor tekuće bibliografije radova iz paleobalkanistike u Jugoslaviji. Naučno društvo Bosne i Hercegovine. Godišnjak, knj. 3; Centar za balkanološka ispitivanja, knj. 1. Sarajevo, 1965.

⁹⁶ M. Martić. Bibliografija sociološke literature. Beograd, 1963; G. Zaječava novič. Opšta sociološka bibliografija. Novi Sad, 1971; F. Verbinč. Filozofski tokovi na Slovenskem. Slovenska filozofska bibliografija 1800—1945. Ljubljana, 1970.

⁹⁷ Р. Перовић. Прилог библиографиј и српског радничког покрета (до 1919 г.). Београд, 1956; С. Димитрјевић. Библиографија социјалистичког и радничког покрета у Србији. Са освртом на околне крајеве наше земље. Београд, 1953.

территории всей страны, истории Коммунистической партии Югославии в 1867—1941 г.г., включающая книги за 1945—1969 г.г.⁹⁸

Вторая мировая война и национально-освободительное движение народов Югославии нашли отражение в десятках специальных и журнальных библиографий. Достаточно назвать важнейшие из них, чтобы составить представление об огромном труде библиографов в этой области⁹⁹. Особо необходимо остановиться на двух указателях, являющихся важнейшим библиографическим источником по данному периоду истории страны. Первый из них вводит впервые в научный оборот литературу периода национально-освободительной борьбы в стране, подпольные публикации, литературу, увидевшую свет на освобожденной от фашистов территории с подробным раскрытием места и даты каждого издания, издающего органа, тиража¹⁰⁰. Вторая библиография собрала воедино около 5500 аннотированных книг, сборников по истории национально-освободительной борьбы¹⁰¹, опубликованных в стране за 1945—1965 г.г.

Предметом послевоенной библиографии в ряде зарубежных славянских стран стали отдельные отрасли культуры славянских народов. Так, в Польше, Чехословакии и Югославии появляются библиографии по истории изобразительного искусства¹⁰², театра¹⁰³, музыки¹⁰⁴. Комитетом по исследованию современной культуры Польской академии наук в виде приложения к журналу «Культура и общество» публикуется «Библиография проблем культурной политики в Польше»¹⁰⁵. В 1968 г. этим же Комитетом издана отдельной книгой «Библиография польских исследований по проблемам современной культуры и общественных изменений в народной Польше»¹⁰⁶, одно из немногих библиографических изданий, освещающих проблемы современности. Как видно из приведенного выше обзора, в славяноведческой библиографии преобладают издания проблемно-отраслевого профиля.

⁹⁸ Z. Protić, M. Vesović, M. Matić. *Socijalistički i radnički pokret i Komunistička partija Jugoslavije. 1867—1941. Bibliografija posebnih izdanja (1945—1969)*. Beograd, 1972.

⁹⁹ F. Škerl - Bregar. *Petnajest let bibliografije o narodnoosvobodilnem boju Slovencev. 1945—1959*. Ljubljana, 1962; Н. Д и м и к. *Библиографија на статии и книги за НОБ во Македонија. Скопје, 1953*; «Gradivo za bibliografiju slovenskega osvobodilnega tiska, knj. 1. Periodični tisk». Ljubljana, 1945; «Građa za bibliografiju o narodnoosvobodilačkoj borbi (knjige, brošure, listovi, časopisi i bilteni)», Beograd, 1948; «Izbor dela o narodnoosvobodilačkoj borbi. Bibliografski priručnik». Zagreb, 1962; С. П а л а н ч а н и н. Д. П о п о в. *Штампа народноосвободилачке борбе у Војводини. Грађа за библиографију. Нови Сад, 1962*.

¹⁰⁰ «Bibliografija izdanja u narodnoosvobodilačkom ratu 1941—1945». Beograd, 1964.

¹⁰¹ В. Р а ј о в и ć, М. Р а д е в и ć. *Bibliografija o ratu i revoluciji u Jugoslaviji. Posebna izdanja. 1945—1965*. Beograd, 1969.

¹⁰² A. Ryszkiewicz, J. Wierczyńska. *Bibliografia polskiej historii sztuki za r. 1945—1963*. «Rocznik historii sztuki». Warszawa, r. 1964, 1965, 1966, 1969; «Bibliografia renesansu w Polsce do r. 1954». «Studia Renesansowe», t. 2. Wrocław, 1957; «Bibliografia za lata 1955—1961». Ibid., t. 3—4. Wrocław, 1959; J. Bleha. *Bibliografie české výtvarné umělecké literatury. 1918—1958*. Praha, 1960.

¹⁰³ E. Misiołek. *Bibliographie théâtrale polonaise 1944—1964*. Varsovie, 1965; S. Straus. *Bibliografia źródeł do historii teatru w Polsce*. Wrocław, 1957; «Teatralia w książkach za 1958—1967». «Pamiętnik Teatralny», Warszawa, 1958—1969; «Historia teatru polskiego w czasopismach za 1957—1961». Ibid., 1958—1962; L. M a t l o c h o v á. *Literatura o divadle a divadelní hry. Soupis knižních publikací, vydaných y letech 1956—1960*. Praha, 1963.

¹⁰⁴ J. Potůček. *Výberová bibliografia zo slovenskej hudobnovednej literatúry (1862—1962)*. Bratislava, 1963; J. Potůček. *Súpis slovenských hudobní a literatúry o hudobníkoch*. Bratislava, 1952.

¹⁰⁵ «Bibliografia zagadnień polityki kulturalnej 1953—1955». «Kultura i Społeczeństwo». Warszawa, 1956.

¹⁰⁶ W. K o s y b a - K a m i Ń s k a. *Bibliografia polskich prac badawczych nad kulturą współczesną i przemianami społecznymi w Polsce Ludowej*. Warszawa, 1968.

Международные конгрессы по комплексным наукам, таким как славяноведение, балканистика, вызвали в ряде стран появление библиографических изданий, подводящих итоги национальных исследований этих комплексных дисциплин¹⁰⁷. Подобного вида издания значительно расширяют тематические границы библиографируемой литературы и хронологические рамки объекта исследования. Наряду с традиционными отраслями — филологией, историей включаются обобщающие материалы по искусству славянских народов.

VI Международный съезд славистов положил начало специальному изданию, суммирующему материалы съезда и славяноведческую литературу, опубликованную к его открытию¹⁰⁸.

Необходимо особо отметить два издания последних лет, разных по своему характеру, однако, в основу каждого из них положено толкование славяноведения как комплексной дисциплины. Это биографическо-библиографический словарь чехословацких ученых-славистов с конца XVIII в. по настоящее время, работавших в области истории, языкознания, культуры славянских народов¹⁰⁹, и «Библиографическая лаборатория историка польской литературы», наглядно иллюстрирующая неразрывную связь между собою отдельных отраслей славяноведения¹¹⁰.

Как мы старались показать в своем обзоре, при всем многообразии библиографических изданий по славяноведению ни одна из зарубежных социалистических стран не располагает системой библиографической славяноведческой информации, дающей сведения о славяноведении как комплексной дисциплине.

В ряде стран накоплен богатый опыт издания отдельных видов славяноведческой библиографии. Первоочередной задачей дня, на наш взгляд, является внесение планового начала в организацию подобной библиографии, в первую очередь в масштабах социалистических стран Европы. Сделать это призваны библиографические комиссии национальных комитетов славистов совместно с ведущими научно-исследовательскими славяноведческими учреждениями и центрами информации этих стран.

¹⁰⁷ «Les études balkaniques et Sud—Est européennes en Bulgarie». Sofia, 1966; J. S m r ě k o v a, J. S e d l a ě k. Bibliografie československe balkanistiky. 1945—1965. Praha, 1966.

¹⁰⁸ E. V e l i n s k a. VI Mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Bibliografie. Praha, 1969.

¹⁰⁹ M. K u d ě l k a, Z. S i m e ě k. Československé práce o jazyce, dějinách a knižní slovanství od 1760 r. Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972.

¹¹⁰ J. S t a r n a w s k i. Warsztat bibliograficzny historyka literatury polskiej (na tle dyscyplin pokrewnych). Warszawa, 1971.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«*Studia Historiae Oeconomicae*», vol. 8. Poznań, 1973; vol 9. Poznań, 1974

«Историко-экономические исследования»

Среди многочисленных научных изданий Университета им. А. Мицкевича внимание всех интересующихся экономической историей привлечет рецензируемый ежегодник (под редакцией Ч. Лучака и Е. Гопольского).

В 8-м томе ежегодника в основном нашли отражение сюжеты, связанные с историей второй мировой войны. Большая группа статей ежегодника посвящена анализу гитлеровской политики принудительных массовых выселений и переселений народов.

Коллектив авторов рассматривает эту тему применительно к различным странам и регионам Европы. В статье одного из ведущих польских историков — исследователя гитлеровской оккупационной политики — Ч. Мадайчика «Главные принципы и характер гитлеровских переселений» устанавливается периодизация гитлеровской политики переселений, дается характеристика каждого из выделяемых автором этапов «перестройки Европы на базе расизма».

Представители исторической науки ГДР — К. Дрехслер, Г. Хасс, В. Шуманн — в своей статье о месте политики принудительных выселений и германизации в планах гитлеровских монополистов на основе исследования документальных материалов Центрального немецкого архива в Потсдаме раскрывают роль и активное участие крупнейших немецких банков в финансировании деятельности так называемого переселенческого общества, созданного нацистами для обеспечения «возвращения немцев в рейх», имевшего свои подразделения в десятках оккупированных городов Польши, Чехословакии, Болгарии, Франции, Австрии, Италии, Югославии, Румынии, Венгрии, СССР.

Автор монографического исследования о гитлеровской политике в Словении в 1941—1945 гг.¹ Т. Ференц выступает в ежегоднике со статьей о массовых выселениях оккупантами народов Юго-

славии. Он отмечает, что политика денационализации проводилась не только немецкими, но и итальянскими и венгерскими оккупантами, а также хорватскими уставами в «независимой Хорватии». Основное внимание автор уделил описанию депортации словенцев и сербов и изложению материала о неудавшемся, вследствие массового сопротивления словенского, польского и украинского населения, плане гитлеровцев выселить так называемых пригодных к германизации словенцев в Польшу для колонизации люблинского округа.

Статья итальянского историка А. Джигелли рассказывает о вывозе гитлеровцами итальянских рабочих в Германию и об эксплуатации их в германской военной промышленности.

Статьи словацкого историка И. Каменца и польского исследователя А. Эйзенбаха посвящены разоблачению чудовищной сущности гитлеровской политики в отношении еврейского населения Европы вообще и Словакии, в частности.

И. Каменец не только приводит статистические данные о вывозе еврейского населения Словакии, но и прослеживает трансформацию политики словацких фашистов в отношении еврейского населения: от антиеврейских законов и «добровольной» эмиграции до принятия словацким «сеймом» закона, легализовавшего массовое уничтожение евреев Словакии в газовых камерах Освенцима. Автор статьи коснулся вопроса об отношении широких слоев населения Словакии к судьбе их сограждан — евреев. Было бы весьма целесообразным шире и глубже проанализировать этот вопрос, больше рассказать о деятельности подпольной КПС, единственной политической организации, заявившей свой протест в связи с действиями словацких административных властей, о деятельности ее по спасению и помощи еврейскому населению.

Статья А. Эйзенбаха рассказывает о депортации еврейского населения Европы в годы второй мировой войны, о трагической судьбе шести миллионов мужчин, женщин и детей, изгнанных из своих жилищ, униженных, оскорбленных, искалеченных и уничтоженных только за

¹ T. Ferencz. Nacistična raznarodovalna politika v Sloveniji v letih 1941—1945. Maribor, 1968.

принадлежность к еврейской национальности.

Весьма интересна статья французского исследователя А. Валя «Выселения в Эльзасе и Лотарингии в 1940—1944 гг.», где излагается краткая история выселения нацистами 100 тыс. лотарингцев и 10 тыс. эльзасцев во Францию, Германию и на оккупированные польские земли.

Известный польский историк Ч. Лучак в статье «Гитлеровские выселения на так называемых „восточных землях“, присоединенных к рейху» на основании многочисленных документальных материалов из польских и немецких архивов уточняет различные статистические данные о количестве выселенных поляков, встречающиеся в современной исторической литературе. Ч. Лучак утверждает, что почти каждый пятый поляк, или свыше 1,5 млн человек на включенных в состав рейха польских землях были изгнаны из родных мест, выселены в генерал-губернаторство или на принудительные работы в Германию.

Полностью соглашаясь с утверждением Ч. Лучака о том, что действия нацистов на присоединенных к Германии «восточных землях» были продолжением давней прусской германизаторской политики, следует отметить существенные различия в методах осуществления этой политики до прихода нацистов к власти и в годы второй мировой войны, когда был принят и начал осуществляться принцип массового физического уничтожения населения Польши.

Более частному вопросу посвящена статья З. Маньковского «Гитлеровская акция выселений и колонизации Замошья (модель или импровизация)». Автор справедливо рассматривает Замошье (точнее — действия нацистов в Замошье) как полигон для апробирования принципов генерального плана «Ост».

История репатриации немцев в Германию и расселения их на захваченных польских землях во время второй мировой войны излагаются в статье Я. Собчака.

Небольшая группа статей 8-го номера ежегодника касается экономической истории Польши в древности и средневековье (работы Я. Жака, А. Выробиша, С. Гершевского), в новое и новейшее время (статьи Г. Миссалевои, М. Экерт, З. Ландау). Югославский историк М. Деспот выступает здесь с исследованием «Начало индустриализации Хорватии до 80-х годов XIX в.». Ежегодник закрывается библиографией трудов по экономической и общественной истории, опубликованных в Польше в 1972 г.

9-й том ежегодника содержит материалы по экономической истории Польши, начиная от средневековья и кончая современной ПНР.

Специалистов по истории феодализма

в Центральной и Восточной Европе безусловно заинтересуют работы: В. Русиньского «Об этапах развития фольварочно-крепостнической экономики в Центральной и Восточной Европе. Попытка экономического анализа»; Г. Самсоновича — «Морская торговля Гданьска в первой половине XVI в.»; А. Мончака — «Прогресс и отсталость глазами людей ренессанса и барокко».

История нового времени представлена статьями: Я. Паздур «Развитие взглядов на труд в Польше в 1789—1917 гг.»; А. Езерского — «Проблемы экономического роста Польши в XIX в.»; З. Квазиньского — «Внешняя торговля Свободного города Кракова (в свете отчетов прусских резидентов)»; Г. Миссалевои — «Формирование рынка рабочей силы текстильной промышленности в Королевстве Польском в период перед раскрепощением крестьян»; И. Петшак-Павловской — «Черты индустриализации аграрных стран Европы (до 1918 г.)»; Я. Фиялек, В. Пусь, Б. Пелка — «Структура предприятий в текстильной промышленности на польских землях с середины XIX в. по 1913 г. (сравнительное исследование)»; М. Богудой — «Значение Гданьска для экономики Балтийского района в новое время»; Г. Мадурович-Урбанской — «Экономическая история в Польше как университетская дисциплина (организационный период 1905/06—1921/22) и ее научная программа». Статья С. Микаса «Экономика свободного города Гданьска в межвоенный период» характеризует историю экономического развития крупнейшего морского порта Польши на Балтике между двумя мировыми войнами и политику польского правительства в Свободном городе. Для специалиста, занимающегося историей буржуазной Польши, будет полезным знакомство с работой М. Экерта «Экспорт сельскохозяйственной продукции из Польши в 1918—1939 гг.», рассматривающей динамику экспорта продуктов сельского хозяйства буржуазной Польши, и со статьей З. Ландау «Внешние займы польского государства 1918—1939 гг.»

В статье Ч. Лучака «Набор рабочих на польских землях для принудительных работ в рейхе в период гитлеровской оккупации» опубликованы уточненные сведения о числе (2,84 млн человек) поляков, находившихся на принудительных работах в Германии.

Актуальные вопросы современности разрабатываются М. М. Дроздовским («Урбанизация Польши. 1870—1970»); Г. Ендруцак («Общественная структура городского населения в народной Польше. 1944—1970»); И. Костровицкой («Этапы развития сельского хозяйства в народной Польше»); Ю. Орчиком («Проблема дифференциации производительности сельского хозяйства (в отдельных воеводствах) в народной Польше»).

Теоретические вопросы исследования проблем экономической истории рассмотрены в статье Е. Топольского «Количественная конкретизация в модельном методе экономической истории».

В заключительной части ежегодника публикуется сообщение о международном коллоквиуме «Крестьянское хозяйство до и в период первых этапов промышленной революции», проходившем в Польше

в сентябре 1973 г. В коллоквиуме приняли участие представители Англии, Бельгии, Венгрии, ГДР, Дании, Италии, Польши, США, Франции и ФРГ.

Как и предыдущий ежегодник, том за 1974 г. закрывается библиографией трудов по экономической и общественной истории, опубликованных в Польше в 1973 г.

А. Носкова

M. H. SEREJSKI. Naród a państwo w polskiej myśli historycznej. Warszawa, PIW, 1973, 343 str.

М. Г. СЕРЕЙСКИЙ. Народ и государство в польской исторической мысли

Известный исследователь истории польской исторической науки проф. М. Серейский интенсивно изучает узловые проблемы польской историографии. Недавно он опубликовал содержательную работу об освещении учеными разных стран причин падения Польши в конце XVIII в.¹ Его новая работа посвящена оценке взглядов польских историков на одну из важнейших проблем — роль народа и государства в польской истории. Определяя значение этого вопроса, автор справедливо отмечает: «Термины народ и государство принадлежат к основным понятиям современного историка. Они служат ему орудием, с помощью которого он превращает при реконструкции исследуемого прошлого его отдельные фрагменты в определенное целое, сформулированное на основе интегрального действия одного или обоих общественных факторов» (стр. 5). Такой анализ, говорится в книге, помогает проследить «процесс формирования в Европе современных единых политических организмов и развитие в XIX в. национальной идеи» (стр. 5). М. Серейский подчеркивает, что он не рассматривает, правильно ли историки определяли понятие «народ». «Моей задачей, — пишет он, — является представление характерных, пожалуй, для польской исторической мысли после разделов антиномий, в рамках которых или вокруг которых концентрировалось исследовательское внимание, „организующее“ прошлое» (стр. 6). В польской исторической науке возникли две различные модели описания и размышления — «государственная» и «национальная». «Острое противопоставление обоих понятий и точек зрения, — отмечается в монографии, — придавало специфический отпе-

чаток польской историографии...» (стр. 6). Однако вряд ли правомерен отказ автора от рассмотрения вопроса о содержании термина «народ», которое в разное время вкладывали в него историки. Тем более, что в польской историографии конца XVIII — начала XX в. этот термин служил для передачи различных понятий, которые в ходе повествования М. Серейскому приходится учитывать. Термин «государство» также нуждается в более четком классовом определении.

Хронологические рамки рецензируемой монографии обширны: в ней исследуются взгляды польских историков на проблематику «народ — государство» со второй половины XVIII в. до кануна второй мировой войны. К сожалению, М. Серейский не рассматривает марксистскую историографию в Польше, что обедняет содержание его труда.

Большой интерес представляет принятый автором анализ исторической мысли Просвещения по изучаемой проблематике. Он освещает борьбу различных направлений в исторической мысли, тесно связывая ее с развивавшейся в Польше общественно-политической борьбой, отмечает влияние на польскую общественную мысль конца XVIII в. западноевропейских мыслителей и философов.

Много нового вносит автор в изучение польской романтической историографии. Он рассматривает ее общие черты и принципы, останавливается на генезисе и влиянии на нее идей И. Г. Гердера и Ж. Ж. Руссо. Даже, казалось бы, достаточно известная фигура И. Лелевеля и его историческая концепция показаны в книге словно в новом ракурсе. Продолжая наметившуюся в последние годы в польской историографической науке тенденцию, М. Серейский рассматривает Лелевеля не изолированно, а в связи с его последователями или антиподами, показывая восприятие, трансформацию, а подчас и искажение его идей о народе и государстве. Интересно сравнение истори-

¹ М. Н. S e r e j s k i. Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970. См. также рецензию на эту книгу: Б. С. П о п к о в. «Советское славяноведение», 1972, № 6.

ческих взглядов Лелевеля и А. Мицкевича, рассмотрение идей последователей выдающегося историка, о которых до появления книги М. Серейского чаще всего писалось в самой общей форме. Автор противопоставляет взгляды Лелевеля на народ и государство. У читателя может создаться неточное представление о том, что Лелевель вообще выступал против государства. Знаменитый виленский профессор действительно подчеркивал примат народа над государством. Однако ему несвойственно нигилистическое отрицание значения государства. Он выступал за создание демократического польского государства, способного обеспечить права всех граждан. Он против монархии — за республику, против деспотии — за демократию. Он приветствовал тираноборческий пафос античных историков, высоко оценивал республиканский строй древнего Новгорода и осуждал, несколько модернизируя историю, деспотизм московских князей.

Автор рассматривает взгляды польских ученых последних десятилетий XIX в. на проблему «народ — государство», анализируя труды историков так называемых краковской и варшавской исторических школ.

Последняя часть монографии М. Серейского называется «Реактуализация романтического взгляда на прошлое. На пути к синтезу». Такое название может создать у читателей ошибочное представление о том, что польские буржуазные историки 30-х годов смогли правильно решить изучаемую проблему. Однако, как видно из повествования автора, они

выступали за комплексное рассмотрение сюжетов, связанных с понятиями «народ» и «государство», для того, чтобы доказать значение санационного режима как якобы выразителя национальных интересов и венец развития польской государственности. История развеяла этот миф в трагические дни сентября 1939 г.

В монографии отсутствует хотя бы краткий очерк о взглядах историков Польской Народной Республики на проблему «народ — государство». Конечно, достижения современной польской историографии по этому вопросу могут стать предметом специального изучения. Но даже конспективное изложение итогов современных исследований было бы полезно для читателей книги.

Новая монография М. Серейского свидетельствует о большой эрудиции автора, написана ярко и живо. Она с интересом встречена в Польской Народной Республике². Эта работа, несмотря на высказанные замечания, вносит значительный вклад в изучение истории польской исторической науки и, безусловно, привлечет внимание всех, кто интересуется польской историографией, историей польской общественной мысли и общественно-политической борьбой в Польше в конце XVIII — начале XX в.

Б. С. Попков

² J. Skowronek. *Naród i państwo*. «Kultura», 5 V 1974; K. Kersten. *Obsesje polskiej historiografii*. «Polityka», 18 V 1974.

Б. Н. ФЛОРИЯ. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., «Наука», 1973, 221 стр.

Исследование международных отношений Русского централизованного государства XV—XVII вв. составляет важное направление в советской историографии. Его постоянная актуальность во многом объясняется слабой изученностью проблемы в дореволюционной литературе, искажением задач и роли русской дипломатии некоторыми современными буржуазными исследователями. Несомненно значительные успехи советских историков в восстановлении истинной картины международных связей Русского государства в указанное время, в установлении классовой природы и объективных целей русской внешней политики, вытекавших из потребностей исторического развития страны. Однако не все сюжеты и не все этапы русской дипломатии проанализированы достаточно полно. В советской историографии фактически не затрагивались вопросы, относящиеся к исто-

рии западного направления русской внешней политики в самом конце XVI — начале XVII в. Вполне очевидна поэтому своевременность¹ рецензируемой монографии.

Для изучения данной темы автор привлек сохранившуюся документацию русского Посольского приказа XVI в., связанную с отношениями не только с Речью Посполитой, но и с другими странами. Автор использовал также многочисленные источники по внешней по-

¹ Работа Г. В. Форстена («Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях», т. II, СПб., 1894) сильно устарела даже в фактическом отношении, к тому же в ней русско-польские отношения в связи с балтийской проблемой специально не рассматривались. В польской историографии также нет исследований, посвященных именно этой теме.

литике Речи Посполитой как изданные, так и извлеченные автором из архивов Варшавы, Познани и Кракова, публикации документов и литературу на чешском, немецком, английском, французском, шведском и итальянском языках.

Характеризуя подход автора к избранной им теме, следует отметить прежде всего его стремление рассматривать русско-польские отношения в тесной связи с развитием взаимоотношений России с рядом стран Северной и Центральной Европы (прежде всего Швецией, Данией, Австрией), а также последних между собой. В результате эволюция русско-польских отношений по балтийскому вопросу показана как часть общей истории восточноевропейской международной истории, в тесной связи с внутриполитической борьбой в изучаемых странах. В особенности это касается Речи Посполитой. Впервые не только в советской, но, пожалуй, и в польской историографии столь подробно изложены позиции разных групп магнатства и шляхты по балтийскому вопросу. Проведенное исследование во многом объясняет безуспешность попыток добиться решения балтийской проблемы путем дипломатической нейтрализации Речи Посполитой (и тем более союза с ней). Несмотря на серьезные разногласия между отдельными группами польских феодалов, общим для них было твердое стремление не допустить укрепления позиций Русского государства на Балтике.

Учет всех этих моментов придает особую убедительность и обоснованность основным выводам автора.

Совершенно правильным представляется его заключение, что основная задача русской внешней политики в отношении с Речью Посполитой на рубеже XVI—XVII вв. заключалась в достижении дипломатическими средствами выхода к Балтийскому морю и обеспечении условий для нормальных политических и экономических связей со странами Центральной и Западной Европы. Серьезно обоснованным представляется и вывод автора, сделанный им на основе рассмотрения всей системы международных отношений в восточноевропейском регионе, что балтийский вопрос в изучаемый им период объективно был центральным во внешнеполитических связях России с европейскими странами: ради урегулирования балтийского вопроса русское правительство на данном этапе было готово на определенный срок отложить решение других стоявших перед ним проблем (в том числе и украинских). Это позволяет расценивать работу Б. Н. Флори как ценный вклад в изучение балтийского направления в русской внешней политике.

Одновременно исследование Б. Н. Флори вносит много нового и в понимание внешней политики Речи Посполитой.

В нем, пожалуй, впервые так обстоятельно показано, что именно нежелание польских феодалов сотрудничать с Россией в решении балтийского вопроса (а для такого сотрудничества имелись реальные возможности) вызвало к жизни нерезальные планы сближения и династической унии со Швецией, а в дальнейшем содействовало затягиванию польско-шведских войн, нанесших в XVII в. столь огромный ущерб Речи Посполитой.

Существенным, хотя для автора и побочным, результатом его работы является также выявление реальных политических связей между балтийской политикой России, Речи Посполитой, Швеции и их взаимоотношений с державой Габсбургов и балканскими княжествами. Тем самым работа дает интересный материал для изучения процессов, подготавливавших формирование общеевропейской системы международных отношений на территории восточноевропейского региона.

Говоря о недостатках работы, следует прежде всего отметить отсутствие в ней специальной характеристики источников и историографии, что не всегда позволяет читателю составить полное представление о той документальной базе, на которой автор строит свою конструкцию, и оценить его оригинальный вклад в решение отдельных вопросов, тем более что автор в ряде случаев, обосновывая свою точку зрения, избегает прямой полемики со своими предшественниками.

Жаль, что в работе сравнительно мало места уделено вопросу о возможной связи между политической борьбой отдельных группировок господствующего класса России и изменениями русского внешнеполитического курса. Правда, прямых и достоверных фактических данных в распоряжении исследователей пока нет, но все же автору следовало бы дать критический разбор гипотез, выдвигавшихся на этот счет в историографии.

Известный ущерб работе наносит подчас чрезмерная осторожность автора, который в некоторых сложных случаях уклоняется от формулировки своих окончательных выводов (например, по вопросу о причинах заключения Тявзинского договора). Вызывает также сомнение стремление автора связать в единое целое проекты решения балтийской проблемы, предлагавшиеся русскими дипломатами в различных европейских государствах в 1599—1600 гг., между тем как речь должна идти скорее о первых поисках направлений во внешней политике, чем об осуществлении детально и всесторонне разработанного плана.

Все отмеченные проблемы и недостатки книги отнюдь не умаляют ее высокой позитивной оценки.

**О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ,
СЛАВЯНСКОЙ, ДРЕВНЕРУССКОЙ И БАЛКАНО-ДУНАЙСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ДНЕСТРОВСКО-ПРУТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Рецензируемая работа, которая не вполне точно называется «Древняя культура Молдавии»¹—первое обобщающее исследование по истории материальной культуры на территории Молдавии, в Днестровско-Прутском междуречье.

В создании труда участвовала большая группа авторов — московских и молдавских археологов, во главе с редакционной коллегией в составе В. С. Зеленчука (отв. ред.), А. И. Мелюковой и И. Г. Хынку. Охватывая огромный период истории Молдавии — от конца IX — начала VIII в. до н. э. до конца XVII в. — книга состоит из восьми глав, расположенных в хронологическом порядке: «Культура племен Днестровско-Прутского междуречья. VIII—I вв. до н. э.» (А. И. Мелюкова); «Сарматы и племена черняховской культуры. I—IV вв.» (Э. А. Рикман); «Культура славян Молдавии. VI—IX вв.» (И. А. Рафалович); «Древнерусская культура Поднепровья. X—XII вв.» (Г. Б. Федоров); «Памятники балкано-дунайской культуры. X—XIV вв.» (И. Г. Хынку); «Памятники золотордынского времени. XIV в.» (Л. Л. Полевой); «Памятники культуры молдаван. XV—XVII вв.» (П. П. Бырия); «Монета и денежное обращение на территории Днестровско-Прутского междуречья. IV в. до н. э.—XVII в.» (А. А. Нудельман).

Общая картина развития хозяйственной жизни населения на различных этапах археологических культур в рецензируемой книге отвечает периодизации, которой обычно придерживаются ведущие археологи Москвы и Кишинева. В целом она достаточно хорошо, убедительно аргументирована.

Раскопки многих поселений и могильников на территории Днестровско-Прутского междуречья, которые особенно большой размах и интенсивность приобрели в послевоенный период, дают большой материал о типе племен и народов степи и лесостепи. Книжки и статьи, публикации памятников материальной культуры, изданные Г. Б. Федоровым, Г. Д. Смирновым и плеядой их учеников-археологов, помогли на деле осуществить систематическое исследование по истории материальной культуры Молдавии с эпохи раннего железа по XVII в. включительно. При этом авторы сумели использовать памятники древней культуры главным образом юго-запада Украины и Румынии и частично (в главах 3, 4, 5, 6, 7) Чехословакии, Польши, Болгарии и Востока.

¹ «Древняя культура Молдавии». Кишинев, 1974, 231 стр.

Характеристика земледельцев лесостепной зоны Днестровско-Прутского междуречья в семи главах книги дается по следующим основным разделам: сводки археологических источников; поселения и жилища; занятия населения; обмен и торговля; погребальный обряд. Для степной зоны главными являются разделы: сводки археологических источников; погребальный обряд; обмен и торговля.

Таким образом, авторы при рассмотрении археологических источников выделили две различные зоны Днестровско-Прутского междуречья, отличающиеся по типу и способу хозяйственной жизни населения. Кочевники занимали степную зону, что установлено при изучении погребальных обрядов и керамики, а земледельцы жили в лесостепной зоне, обитали в поселениях и имели иные погребальные обряды и керамику. Пастушество (третий тип способа хозяйственной жизни) только упоминается в главе «Памятники балкано-дунайской культуры» в письменных источниках²; в археологических материалах оно не обнаружено.

Впрочем, это и не удивительно, поскольку население, занятое пастушеским скотоводством, в сущности и не могло оставить сколько-нибудь значительных следов материальной культуры³. Этнографические данные, извлекаемые из письменных свидетельств, действительно могут помочь в восстановлении картины жизни и занятий в прошлом пастушеского общества волохов — восточных романцев. Гипотетическая картина быта пастушеского населения в еще более ранние эпохи только возможна.

К сожалению, авторы не рассмотрели, да и не смогли дать точного анализа роли земледелия и скотоводства в жизни оседлого населения по памятникам археологии. Возможно, что, применяя ретроспективный метод исследования документов и этнографических данных, П. П. Бырия сумел бы показать более точную картину развития скотоводства, и уже во всяком случае — быт волохов.

² Наличие влахов (1164 г.) вблизи территории Галиции убедительно аргументировано Г. Г. Литавриным. См. Г. Г. Л и т а в р и н. Влахы византийских источников X—XIII вв. В сб. «Юго-Восточная Европа в средние века». Кишинев, 1972, стр. 102—103.

³ В. Д. Корольюк. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. «Советское славяноведение», 1973, № 3, стр. 80.

Действительный комплекс этногенетических исследований — археологические, лингвистические, антропологические, этнографические и, в первую очередь, историко-географические и этно-исторические письменные свидетельства — может дать максимальное приближение к решению теоретических палеоэтнических проблем происхождения племен и народов. К сожалению, исследователи до сих пор не выработали, по существу, такого рода комплекс этногенетических исследований племен и народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Они, в лучшем случае, могут, например, изложить результаты раскопок археологической культуры в сопоставлении с данными топонимии или антропологии. Крайне важно, однако, провести сопоставление археологических памятников с одновременными письменными источниками, если таковые имеются. Поэтому тезис авторов рецензируемой книги, что «археологический материал является единственным верным источником для изучения истории и древней культуры края» (стр. 3), т. е. для изучения древнего населения края и происхождения племен и народов — этносов, оказался не раскрытым, более того — этот тезис неправилен и по существу. Ретроспективный метод изучения достоверных археологических древностей Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы позволяет иногда проникнуть в более глубокое прошлое. Но этого метода, как правило, недостаточно. Археология бессильна обнаруживать все цепи сменявших друг друга генетических рядов населения (такие генетические ряды пока что не воссозданы), не говоря уже о том, что далеко не всегда на той или иной территории были открыты или выявлены определенные археологические культуры. Что же касается материальной культуры пастушеского населения, то сколько-нибудь существенные ее следы археологи вообще не могут обнаружить при археологических раскопках.

Вполне понятно и оправданно, что авторы-археологи (несмотря на упомянутый тезис во вступлении к книге) привлекли письменные источники, свидетельствующие о племенах и народах в Днестровско-Прутском междуречье. Именно сопоставление археологических памятников оседлых племен IV—III вв. до н. э. с письменными источниками дало возможность А. И. Мелюковой показать картину становления классов и государства гетов.

Значительные письменные источники привлечены Э. А. Рикманом. Черняховцы, в том числе и на территории Днестровско-Прутского междуречья, находились под влиянием культуры провинций Римской империи. Вернее, пожалуй, сказать, что черняховская культура яв-

ляется, по существу, провинциальной культурой на восточной периферии Римской империи, вне ее границ. Трактовка Э. А. Рикманом состава населения черняховцев как полиэтничного вполне убедительна. Опираясь на сообщения древних географов и историков, а также частично на антропологические данные, автор сумел дать общую характеристику оседлого населения Молдавии. Носителями черняховской культуры на территории Днестровско-Прутского междуречья в II—IV вв. были карпо-гето-даки, сарматы и готы. В III—IV вв. во главе военнополитической силы — «державы» стояли готы. Вестготская «держава» занимала нижнее Поднепровье, бассейн Прута и Серета. На востоке от нее находилась остготская «держава». В готские военно-политические объединения входило различное по происхождению население, как оседлые народы, так, возможно (по мнению рецензента), и кочевники. Именно поэтому, по словам А. Марцеллина, устремляясь «в битву, готы кричали на разных языках» (стр. 54).

Готы, переселившиеся от устья Вислы к Северному Черноморью, в ходе длительных странствий оказались в сфере воздействия культуры черняховцев, сохранив главным образом лишь свои традиционные ритуальные погребальные обряды. Возможно же, что готские дружины двинулись к берегам Черного моря вместе с небольшой частью населения территории Восточного Поморья (Польша).

Готские древности в устье Вислы в I—II вв. исследованы недостаточно. Более того, польские археологи (во всяком случае, их большинство) отрицают «археологическую культуру готов» или «готско-гепидскую археологическую культуру» в качестве особого этногенетического явления. В пределах Северного Черноморья культура готов приобрела черты и элементы «черняховской культуры»⁴.

Как бы то ни было, полиэтничная характеристика населения лесостепи к западу от Днестра, в том числе и готов, вполне отвечает картине «культуры черняховцев» I—IV вв. Романизация провинций Римской империи к северу и востоку от Балкан, безусловно, сказалась на всех сторонах культуры населения периферии, особенно в производстве керамики черняховцами. Однако романизация языка не произошло. Она проявилась лишь в узкой зоне империи вблизи от нее, по обе стороны Дуная. По нашему мнению, ее не было на территории Днест-

⁴ J. K m i e c i ń s k i. Zagadnienie tzw. kultury gotcko-gepidzkiej na Pomorzu Wschodnim w okresie wczesnorzymskim. Łódź, 1962; W. H e n s e l. Polska starożytna. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973, s. 439—443 и др. работы.

ровско-Прутского междуречья. Никаких элементов романизации язык населения Молдавии, конечно, в ту эпоху не имел. Археологические памятники не содержат следов романской письменности в современной Молдавии и далее на восток, к бассейну Днестра.

В современной литературе рассматриваются диаметрально противоположные суждения археологов о ходе этнических процессов у славян в I—IV вв. Одни из них считают, что носителями черняховской культуры были по преимуществу славяне⁵, другие решительно отвергают это предположение, поскольку никаких славянских этнических признаков в черняховской культуре не обнаружено и между черняховской культурой и более поздними славянскими древностями (VI—VII вв.) на рассматриваемой территории имеется огромный хронологический разрыв⁶.

Компромиссное решение проблемы черняховской культуры, очевидно, все же возможно. Отвлекаясь от ее материальных памятников следует привлечь свидетельства письменных источников, а именно — Певтингерovy таблицы, сложившиеся в период I—IV вв. Такого рода решение вопроса о черняховской культуре предложил Э. А. Рикман, поместив славян-венедов на территории Днестровско-Прутского междуречья (стр. 54), очевидно, вместе с гето-дако-карпатскими племенами, сарматами и готами.

Свидетельства о славянах в Молдавии, однако, требуют уточнений. Дело в том, что в Певтингерovyх таблицах упоминаются два названия славян. Венеды-сарматы помещены в VIII таблице под океаном, лугии-сарматы в VII таблице. Они представлены как соседи⁷. По общему мнению исследователей, венеды-сарматы населяли территорию от Вислы к Карпатам на восток и юго-восток. В отличие от венедов-сарматов, венеды, хоть и помещены тоже в VIII таблице, но локализованы в области между Дунаем и, видимо, Днестром, в дельте Дуная. Во второй половине III в. название венедов было, очевидно, внесено в VIII таблицу рукой комментатора⁸.

Венеды к III в. локализируются вблизи дельты Дуная. Примерно в это время венеды-сарматы, вероятно, начали проникать на территорию поселения черняховцев либо готы вместе с венедами-сарматами вторглись в пределы черняховской культуры. Несмотря на раз-

личие языков (Певтингерovy таблицы определяют венедов и лугиев собирательно как сарматов по языку в отличие от германцев)⁹, германцы и венеды жили вместе на территории современной Польши, были близки по быту и занятиям. Тацит в своем произведении «О происхождении германцев» пишет о быте венедов и германцев: «Однако их (венедов. — В. К.) скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой, все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»¹⁰.

Готы и, видимо, небольшие группы венедов-сарматов, вошли в контакт с черняховцами. Готы сумели даже захватить часть поселений и встать во главе знати черняховцев. Образ жизни и культура готов и венедов-сарматов содействовали их слиянию с черняховцами.

По мнению автора, на рубеже IV—V вв. полиэтническая черняховская культура погибла в результате сокрушительного удара, нанесенного ей гуннами. Земледельческое население было вытеснено кочевниками и ушло на другие территории (стр. 80).

Однако в его представлениях имеются противоречия. Несмотря на вывод об уходе черняховцев с занятых ими территорий, автор продолжает говорить о быте и земледелии черняховцев после нашествия гуннов. Опустели жилища, постепенно приходила в упадок и гибла черняховская культура, поскольку из провинций империи не исходили более животворные импульсы. Такова в целом была картина в Днестровско-Прутском междуречье. Но все же, по мнению Э. А. Рикмана, жизнь в поселениях черняховцев продолжалась, хотя они и были оттеснены в окраинные районы междуречья. «Отдельные черты домостроительства, погребального обряда, керамического производства черняховцев прослеживаются, например, в культуре племен VI—VII вв.», именно у местных племен, — говорит Э. А. Рикман (стр. 80).

Археологические памятники в сопоставлении с данными письменных византийских источников дали возможность И. А. Рафаловичу показать общую линию истории населения Молдавии с конца V по IX в. Хронологические этапы существования славянской культуры выяснены им достаточно четко: период VI—VII вв. — время переселения славян из лесостепного Поднепровья и Побужья через Днестровско-Прутское ме-

⁵ М. Ю. Брайчевский. Похождения Руси. Київ, 1968, стор. 50—108.

⁶ Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974 (Предисловие П. Н. Третьякова), стр. 4—7.

⁷ H. Łowmiański. Początki Polski, t. I. Warszawa, 1963, s. 180.

⁸ Ibid., 180—181.

⁹ Иордан. О происхождении и действиях гетов. М., 1960 (Е. Г. Скржинский. Комментарий), стр. 193.

¹⁰ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах, т. I, Л., 1969, стр. 372—373.

ждуречье к Балканам; период VIII—IX вв.— эпоха освоения славянским населением территории Молдавии (причем славяне заселяли не только ее северные и центральные области, но и юг). Соответственно керамика славян отличается по типам: пеньковский тип сосудов VI—VII вв., роменско-боршевский тип и посуда типа Луки-Райковецкой, генетически связанная с корчакским (пражским типом) — VIII—IX вв. (стр. 82—87, 101—104). Для второго периода по археологическим памятникам характерна восточно-славянская культура. Формы керамики, обычные для западных поселений, среди восточнославянской керамики чрезвычайно редки (стр. 103). Второй подготовительный этап сменился новым этапом, для которого был характерен расцвет общедревнерусской культуры X—XII вв.

Византийские авторы пристально следили за славянами-антами и склавинами: с конца V в., а также в VI и VII вв. анты и склавины вторгались в границы Восточной Римской империи; они прорвали ее систему укреплений вдоль Дуная и начали оседать в балканских провинциях — их поселения простерлись от Днестровско-Прутского междуречья вплоть до современной территории Болгарии и Греции. Два потока славян устремились из Молдавии, где Днестр служил границей двух крупнейших союзов — антов и склавинов. Правда, орда аваров разгромила антов, после чего имя их исчезло из истории памятников (602 г.). О них не упоминали более византийские авторы. Тем не менее, по общему мнению, анты сохранились и продолжали существовать на современной территории Молдавии, Румынии и Болгарии. Согласно более ранним письменным свидетельствам, анты и склавины жили вместе, быт их был одинаков, они говорили на одном языке и были схожи по внешнему виду¹¹.

Византийские авторы в VIII—IX вв. вообще не сообщают о населении Поднестровья. Возможно, территория Молдавии, оставшаяся в глубоком «тылу» славянства, не привлекала к себе их внимания (стр. 82). Размышляя над византийскими источниками, И. А. Рафалович предлагает следующее решение вопроса о населении Поднестровья. «Создание Дунайской Болгарии препятствовало дальнейшему движению за Дунай и ускорило славянскую колонизацию Днестровско-Прутского междуречья» (стр. 86—87). Последнее положение («ускорило славянскую колонизацию Днестровско-Прутского междуречья») представляется, бесспорно, правильным выводом. Образование восточно-славянской народно-

сти подготовило расцвет древнерусской культуры X—XII вв. Иное дело с тезисом автора о протоболгарском элементе. Грандиозная волна славян захватила не только Балканы, но и Дунайский бассейн, а на западе — территорию, примыкающую к Лабе. Великое переселение народов оказалось последним этапом перемещения славянского земледельческого населения, которое определило в VI—VII вв. судьбу Восточной Римской империи. Эта волна в VIII—IX вв. порой отступала на небольших территориях, внутри мира славянства происходило перемещение. Славяне осели и прочно удерживались на захваченных землях. Шел сложный процесс образования трех ветвей славянства — восточной, южной и западной; внутри этих ветвей начинался процесс формирования народностей и государств. Славяне стали на путь феодализма. Именно поэтому поток славян через территорию Поднестровья в конце V—VII вв. нельзя никоим образом сравнить с потоком славян (теперь восточных славян) в Молдавию в VIII—IX вв. Не отпор протоболгар, как предполагает А. И. Рафалович, а ход развития восточных славян определил границы Древней Руси и ареала формирования древнерусской культуры. Блестящий анализ памятников древнерусской культуры в четвертой главе достаточно ясно доказывает именно такой ход событий.

Однако вернусь к третьей главе. Автор нигде и ни разу не упоминает о свидетельствах византийских авторов, касающихся какого-либо другого оседлого земледельческого населения в Молдавии помимо славян, не отмечает никаких иных памятников археологической культуры, кроме славянских. Он и не пытается решить проблемы существования дославянских, местных племен или народов, очевидно, считая, что существовал огромный разрыв между черниговской культурой и древностями славянского этноса (стр. 87—98, 101—107).

Г. Б. Федоров, как и И. А. Рафалович, считает, что к моменту прихода славян в Молдавию местного, дославянского населения на ее территории не было. Восточнославянское население жило по-прежнему в Поднестровье. Тиверцы и уличи, правда, выпали из поля зрения летописцев при рассказе о событиях X в., тем не менее население Поднестровья по археологическим памятникам X—XII вв., безусловно, составляло единое целое с носителями древнерусской культуры восточнославянских земель. «Весь ее облик находит себе аналогии в древностях Киева, Чернигова и других русских городов того времени» (стр. 123).

В середине XII в. кочевники разорили местное восточнославянское население. Города и поселения были охвачены пожаром. Люди гибли, их уводили в плен. Но все же часть славянского населения

¹¹ Иордан. Там же, стр. 212; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 38.

сохранилась, оно было лишь оттеснено кочевниками. Часть славян продолжала жить под защитой лесов в центральных районах Поднестровья, другая часть отступила в земли Галицкого княжества. Именно в Оргеевских кодрах в XII—XIV вв. славяне постепенно слились с молдаванами. «Традиции древнерусской культуры явились одним из источников для формирования как материальной, так и духовной культуры молдавского народа» (стр. 126).

Интересна пятая глава книги. Северо-западная окраина Днестровско-Прутского междуречья, по мнению И. Г. Хынку, примыкала к территории этнокультурного ареала, входившего в Первое Болгарское царство. Памятники балкано-дунайской культуры хорошо изучены археологами. Они найдены на территории Первого Болгарского царства в период VIII—начала XI вв. Его разгром Византией в 1018 г. привел к упадку балкано-дунайской культуры. На завоеванные территории постепенно проникало влияние византийской культуры. Лишь на северо-восточной окраине Молдавии продолжала существовать балкано-дунайская культура, причем — только в период X—XIV вв. Население, являвшееся ее носителем, было по основным признакам славянским¹² (либо, по нашему мнению, могло быть славянским и местным славянизированным населением, среди которого имелось и небольшое число кочевников).

Итак, И. Г. Хынку, видимо, не обнаружил преемственности между населением I—начала V в. и населением X—XIV вв. Разрыв в его изложении явный. Зато им установлено, что население северо-восточной окраины Поднестровья вошло в состав населения, характеризующего молдавской культурой. Молдаване поглотили носителей полиэтнической, по существу, балкано-дунайской культуры. «В балкано-дунайской культуре X—XIV вв. зародились некоторые черты, позже ставшие одним из основных элементов средневековой молдавской материальной культуры» (стр. 149). Пестрота типов керамики, погребальных обрядов (X—XII вв.) и жилищ оказалась характерной для населения Молдавии. Автор привлек также этнографические материалы и даже антропологические источники (стр. 129—132, 141). В итоге он попытался составить схему географического размещения полиэтничного на-

селения, характеризующего балкано-дунайской культурой. Кочевники (печенег и главным образом половцы) жили на юге, а земледельческое население занимало северо-восточные районы. По мнению автора, земледельцы различались по типу керамики и жилищ и принадлежали к славянам и восточным романцам (стр. 148). Автор упоминает свидетельства о волохах. Он даже пытался найти остатки временных легких палаток волохов — пастухов (стр. 129). И тем не менее, представленная И. Г. Хынку этническая карта Поднестровья не оказалась полной. Рядом с кочевным и земледельческим ареалом следовало бы указать зону пастушества. Пастушеское романизированное население — восточные романцы с сильным элементом этнического самосознания — сыграло важную роль в истории населения Молдавии. Волохи (восточные романцы) постепенно перешли к оседлому образу жизни. Иначе говоря, они должны были отличаться от дославянского земледельческого населения в период X—XIV вв. Следовательно, необходимо было более тщательно изучить поселения земледельцев в районе балкано-дунайской культуры по памятникам археологии. Славяне, безусловно, продолжали жить на окраине Молдавии. Среди славян, кстати говоря, имелись представители богомилства. И. Г. Хынку обнаружил погребения славян-богомиллов (стр. 142). В составе земледельцев, возможно, находилось и некое дославянское население. Местные автохтонные жители испытали, по всей вероятности, романизацию, отразившуюся на их хозяйстве и ремеслах. Волна славянизации, в свою очередь, также захватила местное население. В их языке, однако, никаких следов романизации пока не обнаружено. Разрыв преемственности в быте населения фиксируется на территории Молдавии между концом V и началом X вв. Только в период X—XIV вв. в районах балкано-дунайской культуры начало проникать население, сохранившее традицию романизации в области керамики и жилищ. Подобные представления, возможно, отражают действительный ход исторического процесса.

В заключение необходимо подчеркнуть еще раз обобщающий характер рецензируемого исследования. Авторы и редколлегия проделали большую работу по выявлению археологических материалов. Подняты и достаточно полно освещены очень важные вопросы истории Молдавии. Особенно интересны выводы авторов для славистов. Некоторые положения авторов (главным образом по вопросам этнического состава населения) следует признать дискуссионными. Однако уже самый факт выявления этих спорных вопросов является в известном смысле шагом к их разрешению.

В. Д. Корольюк

¹² Г. Б. Федоров, Г. Ф. Чеботаренко. Культура Первого Болгарского царства в Карпато-Дунайских и Карпато-Днестровских землях. «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г.» Кишинев, 1967.

В ДУХЕ ПОЛЕМИКИ И УТВЕРЖДЕНИЯ РЕАЛИЗМА

20—30-е годы в развитии многих национальных литератур мира находятся в центре пристального внимания современного литературоведения. Такой интерес закономерен, ибо межвоенное двадцатилетие, озаренное Октябрьской революцией, это время интенсивного проникновения идей социализма в литературу, когда на основе прежних достижений революционного искусства складывается новый метод.

Монография С. А. Шерлаимовой¹ посвящена «чешской поэзии 20—30-х годов, когда был заложен фундамент и достигнуты первые важные успехи чешской социалистической поэзии», что делает ее изучение «очень важным в плане общих проблем возникновения и развития мировой социалистической литературы, взаимоотношения в ней традиции и новаторства, в плане проблем основных критериев и многообразия форм искусства социалистического реализма и складывания современных принципов его поэтики», — пишет автор. Знаменательно, что в центр исследования поставлена поэзия — этот наиболее мобильный жанр, где выразительно проявляются спорные моменты эстетики.

Исследование С. А. Шерлаимовой, монографическое в полном смысле этого слова, носит итоговый характер как по отношению к предыдущим работам автора о чешской поэзии и критике², так и в плане обобщения достижений советской богемистики в данной области.

Автор рассматривает развитие чешской революционной поэзии от истоков (глава 1—«Основные тенденции чешской поэзии конца XIX—начала XX века») и первых значительных успехов (глава 2—«Революционная поэзия начала 20-х годов») до достижений 30-х годов (глава 8—«Социалистический реализм и борьба концепций человека в поэзии 30-х годов») и поэзии антифашистского Сопротивления (глава 9—«Поэзия против фашизма»).

Кристаллизация новой марксистской концепции литературы представлена как процесс противодействия разного рода буржуазно-модернистским и клерикальным течениям (глава 5 — «В эпоху экономического кризиса», глава 6 — «Католи-

ческая поэзия») и размежевания с авангардистскими школами (глава 3 — «Чешский поэтизм», глава 4 — «Чешский сюрреализм»).

Такой всеобъемлющий охват темы сочетается с тонкими, требующими специальной методологии наблюдениями над поэтическими средствами: лексикой и образной системой, ритмом и рифмой, архитектоникой и полифонией стиха.

Это тем более интересно, что революционная чешская поэзия 20—30-х годов — как пишет автор, «одна из самых сильных во всем капиталистическом мире». — представляет «золотые россыпи» талантов. Назовем хотя бы могучий агитаторский дар Неймана, метафорически насыщенный стих Волькера и поистине ренессансного по мощи и диапазону Незвала.

На фоне литературного процесса, борьбы манифестов и программ в книге даны запоминающиеся портреты поэтических индивидуальностей (кроме уже названных поэтов — это К. Библ, Й. Гора, Я. Сейферт, В. Завада, И. Горжейший и др.). Проследившая их эволюцию, автор акцентирует переход от критико-обличительной тенденции к произведениям, где лирический герой — революционер, и видит в этом одно из ценнейших завоеваний нового метода.

20—30-е годы в книге С. А. Шерлаимовой воспринимаются не изолированно, а в контексте развития национальной поэзии на протяжении целого столетия (параллели В. Незвал — К. Главачек, П. Безруч — В. Завада), а также в связи с традициями европейской и русской литературы.

Достоинством монографии С. А. Шерлаимовой является разносторонность аспектов рассмотрения, единство идейно-тематического и художественного анализа, глубокая трактовка социальности.

Сделанные в работе наблюдения выходят за рамки собственно чешской поэзии. Методологическое значение исследования С. А. Шерлаимовой шире названной в заглавии темы.

Теоретическое углубление проблемы реализма — насущная задача современной науки, требующая пристального внимания. В этой связи представляется исключительно важным стремление с позиций 70-х годов осмыслить период формирования в чешской поэзии нового эстетического идеала, становления метода социалистического реализма.

Работу С. А. Шерлаимовой, отстаивающую искусство жизненной правды и его революционно-марксистскую теорию, пронизывает дух полемики с рядом идеалистических концепций, проявившихся в чешском литературоведении довольно четко к 1968 г., когда, как пишет автор,

¹ С. А. Шерлаимова. Чешская поэзия XX века (20—30-е годы). М., «Наука», 1973.

² «Станислав Костка Нейман», М., 1959; «Иржи Волькер и новые пути чешской поэзии XX века», М., 1965; «Витезслав Незвал», М., 1968; «Формирование чешской марксистской критики», в сб. «Формирование марксистской литературной критики в зарубежных славянских странах», М., 1972, и др.

«искажение революционных традиций 20—30-х годов явилось одной из ставок идеологической реакции в области культуры».

Некоторые характерные черты аналитического метода исследования, положенного в основу книги, можно проследить, например, на небольшой, но очень важной и интересной главе — «Католическая поэзия». Рассматривая католическое направление в литературе, вводя в контекст рассуждений и теоретические эссе и стихи наиболее талантливых его поэтов (Я. Дурих), автор приходит к выводу об антипролетарском характере этой слащаво-сентиментальной «в духе праздничных религиозных служб» поэзии.

Остро полемически написаны страницы о чешском поэтизме и сюрреализме. Осуждение антиреалистических принципов не мешает пытливому, благожелательному стремлению автора выявить не столько просчеты, сколько открытия, сделанные той или иной школой.

Четко определив предмет спора и упорядочив, насколько это возможно, путаную терминологию, С. А. Шерлаимова освещает ряд новейших теорий авангардистского искусства. Скрупулезно изучив манифесты чешского поэтизма и сюрреализма, она убедительно доказывает, что утверждения о марксистской природе теории поэтизма являются явным заблуждением.

С. А. Шерлаимова выступает против искусственного преувеличения роли авангардистского искусства, сказавшегося в работе чешского литературоведа К. Хва-

тика «Бедрих Вацлавек и развитие марксистской эстетики» (1962), равно как и против ряда других дискуссионных, а порою и ошибочных, положений его работ «Смысл современного искусства» (1965), «Структурализм и авангард» (1970).

Отстаивая ленинские принципы партийности литературы как основу социалистического искусства, С. А. Шерлаимова убедительно возражает против теории «специфичности» социалистического реализма в чешской литературе, будто бы возникшего в 30-е годы в результате синтеза пролетарского направления и авангардизма.

Все положения и рассуждения в монографии богато иллюстрируются непосредственными наблюдениями над поэтическими текстами. Автор постоянно обращается к завоевавшим признание критическим работам Ю. Фучика, Б. Вацлавека, К. Конрада, Л. Штоллы, Ф. К. Шальды, А. М. Пиши, Я. Петрихля, Ф. Бурианска и др.

Работу обогащает сравнительный аспект, позволяющий выявить некоторые влияния или типологические сходжения. Интересны сопоставления как отдельных произведений, так и программ чешского поэтизма, с одной стороны, и имажинизма, акмеизма, теорий пролеткульта в России, с другой.

Работа С. А. Шерлаимовой, обобщившая художественные достижения и ведущие тенденции чешской поэзии на одном из важнейших этапов ее развития, — заметный вклад в советскую богемистику.

И. В. Шабловская

«АЗБУЧНАЯ МОЛИТВА» КОНСТАНТИНА ПРЕСЛАВСКОГО В ИССЛЕДОВАНИИ БОЛГАРСКОГО УЧЕНОГО

Издательство Болгарской академии наук выпустило в свет новый труд профессора Софийского университета К. М. Куева¹.

К. М. Куев хорошо известен как исследователь славянских литератур IX—XIX вв. и их взаимосвязей. Историко-филологические исследования К. М. Куева о Константине Костенском (1950), Адаме Мицкевиче (1957), о начале славянской письменности (1960), о Черноризде Храбре (1969) привлекли к себе внимание эрудицией, разнообразием историко-филологических методов. Рецензируемая книга — не исключение из общего правила. Она посвящена одному из важнейших поэтических памятников древнеболгарской литературы — «Про-

логу о Христе умерену», имеющему в научной литературе условное название «Азбучной молитвы». Вопрос об авторстве этого поэтического произведения, находящегося у истоков древнеславянского стихотворства, волновал многих ученых. И. Я. Франко и Э. Георгиев приписывают его первоучителю славян Кириллу Философу, а большинство исследователей — преславскому епископу Константину, автору Учительного евангелия. Многочисленные списки первого славянского акростиха до сих пор издавались и комментировались вне связи с историей текста произведения (см. публикации Б. Ангелова, К. Ивановой-Константиновой и др.). Поэтическое значение памятника и его историко-философский смысл не были до конца раскрыты. Восполнить существовавший в науке пробел было целью многолетней, кропотливой работы болгарского ученого. С 1961 г.

¹ К. М. Куев. Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974, 362 стр.

К. М. Куев работал в архивах и книгохранилищах Москвы, Ленинграда, Киева, Вильно, собирая неизвестные прежде списки этого сочинения. В результате ему удалось увеличить число известных списков «Азбучной молитвы» до 38. Собранный таким образом материал составил текстологический фундамент исследования.

Рецензируемая книга состоит из предисловия и двух частей. В предисловии автор ставит задачу и определяет цель своего исследования. Первая, основная часть состоит из десяти разделов, или глав.

В первом, историографическом разделе — «Прежние открытия и издания „Азбучной молитвы“» — рассказывается об истории открытия и издания памятника, начиная с 1825 г. и до наших дней.

Во втором разделе — «История вопроса об авторстве „Азбучной молитвы“» — болгарский ученый подробно излагает точки зрения М. П. Погодина, В. М. Ундольского, П. Шафарика, О. М. Бодянского, епископа Антония (Вадковского) и И. И. Малышевского, И. Я. Франко, Э. Георгиева и особенно подробно останавливается на сомнениях советского ученого Э. Г. Зыкова в отношении авторства Константина Кирилла Философа.

В третьем разделе более подробно рассматривается вопрос об авторстве «Азбучной молитвы» в свете источников о литературной деятельности Кирилла и Мефодия. К. М. Куев приходит к выводу, что в настоящее время не имеется никаких данных в пользу авторства Кирилла. Едва ли не самым веским аргументом в пользу авторства Константина Преславского является почти буквальное совпадение «Азбучной молитвы» с текстом вступления к 3-й беседе «Учительного евангелия» Константина Преславского².

Третий раздел книги по своему назначению выходит за пределы данной темы. Он послужит многим исследователям ценным справочником, дополняющим и исправляющим старые работы Е. В. Петухова и Н. К. Никольского, посвященные литературной деятельности солунских братьев. Добавим только, что с известной долей вероятности перу Кирилла Философа можно было бы приписывать «Слово похвальное священномученику Клименту»; так называемые Обширное Житие и Мучение Климента Римского также, возможно, были переведены Кириллом с греческого

языка на болгарский в 860—861 гг.³.

Особенно важен четвертый раздел рецензируемой книги — «Об авторском тексте „Азбучной молитвы“». К. М. Куев обращается к проблеме реконструкции подлинного текста памятника, отчасти испорченного позднейшими переписчиками. Весьма интересным представляется комментарий болгарского ученого (на стр. 54—59) к форме двойственного числа «учитель»: здесь имеется в виду почетное звание обоих братьев — Кирилла и Мефодия. Интересным представляется прочтение 12-го стиха произведения как «И летить нынѣ словѣнско плема». Этот стих, вполне очевидно, есть параллель к глаголическому «г'ервь». К сожалению, в монографии обойдено молчанием другое прочтение этого же стиха С. Н. Палаузовым как «И лѣтъ ти нынѣ словѣнско плема»⁴.

В пятом и шестом разделах болгарский ученый всесторонне рассматривает и убедительно отводит аргументы Э. Георгиева в пользу авторства Кирилла.

В седьмом разделе — «Литературные особенности „Азбучной молитвы“» — болгарский поэтический памятник сопоставляется с греко-византийскими гимнографическими произведениями V—X вв. Подробно изучаются поэтические особенности стихотворения (азбучный акrostих, размер, цезура, стилистически-языковые приемы)⁵, особое внимание обращается на интонацию и общий эмоционально-эстетический пафос произведения. Становится более или менее ясным и отношение болгарского стихотворения к гимнографической традиции: новосоставленное произве-

³ Ю. К. Бегунов. «Слово похвальное Клименту Римскому» — предполагаемое сочинение на Константина-Кирил Философ. «Език и литература», 1972, год XXVII, кн. 2, стр. 83—88; его же. Русское Слово о чуде Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция. «Slavia», год. XLII, Praha, 1974, s. 26—46.

⁴ См. С. Н. Палаузов. Век болгарского царя Симеона. СПб., 1852, стр. 112 («И лѣтъ ти» — чистый грецизм «κἄι δεῖ γὰς σα νῶ»). Ср.: С. Стоянов. Бележки върху стиха «летит нынѣ и словѣнско плема» в Азбучната молитва. В кн. Хиляда и сто години славянска писменост 863—1963. Сборник в чест на Кирил и Методий. София, 1963, стр. 165—170; Э. Г. Зыков. Памятники болгарской оригинальной литературы старшей поры (конца IX—X вв.) на Руси. Автореферат канд. дисс. Петрозаводск, 1970, стр. 22.

⁵ Заметим, что Э. Георгиев все же, вероятно, прав в отношении размера памятника: это не византийский политический стих, а вариант ямбического триметра (см. Е. Георгиев. Кирил и Методий — истината на създателите на българската и славянска писменост. София 1969, стр. 247—257).

² Об этом нам сообщил недавно Э. Г. Зыков. В монографии К. М. Куева приведено довольно много интересных параллелей между «Азбучной молитвой» и «Учительным евангелием», но самого главного — что «Азбучная молитва» была одним из начальных этапов работы преславского епископа над «Учительным евангелием» — не сказано.

дение отражало историко-культурные события эпохи, когда южные и западные славянские народы начали строительство своей культуры на путях христианизации.

Жизнеутверждающий характер произведения и его общеславянский смысл подчеркиваются в восьмом разделе книги — «Распространение и нынешнее местонахождение „Азбучной молитвы“». Исследование литературной судьбы ее текста в славянских литературах убедительно свидетельствует о том, что болгарское произведение широко распространилось в России. Этот факт подтверждает общее положение: большая часть древнеболгарской литературы оказалась вовлеченной в ареал восточнославянской письменной культуры и оказала сильное воздействие на формирующуюся русскую литературу⁶.

В девятом разделе рецензируемой книги исследуется текст «Азбучной молитвы» по всем спискам. К. М. Куев приходит к выводу, что Синодальный список XII в.⁷ лучше других списков сохранил черты подлинного авторского текста IX в.

В десятом разделе книги — «Восстановленный текст и словарный фонд „Азбучной молитвы“» — подводятся итоги всей проделанной ранее работы. Используя интересные методические приемы, К. М. Куев шаг за шагом восстанавливает не дошедший до нас в полном виде авторский текст «Азбучной молитвы» и достигает при этом желанной убедительности.

Во второй части книги приводятся каждый из 38 списков «Азбучной молитвы» с кратким археографическим комментарием. В приложении (на стр. 305—350) приводятся факсимиле наиболее интересных списков произведения, а на страницах 351—354 — резюме на немецком языке. Чтение книги значительно облегчает указатель имен (на стр. 355—357).

⁶ В этой связи термин Д. С. Лихачева «трансплантация», предложенный в качестве характеристики механизма передачи византийского письменного наследия Руси через посредство болгар, не кажется нам удачным. По существу имело место не перенесение культуры одного народа другим, а органическое освоение элементов одной культуры господствующими классами Древней Руси. При этом строительство древнерусской культуры проходило при сильном участии болгарской культуры, которая была не столько передаточным звеном, сколько творческим партнером в создании всего нового на Руси. Болгарская культура в России играла роль «хранительницы традиции» подобно тому, как среднелатинская культура была хранительницей несколько иных традиций в Европе.

⁷ Более точная датировка Синодального списка — конец XII — начало XIII в. (сообщено нам Э. Г. Зыковым).

Самый способ построения разделов книги свидетельствует о глубине историко-филологических разысканий болгарского ученого. Главное содержание своей работы он видит не в приготовлении критического издания текста «Азбучной молитвы»⁸, с тяжеловесным критическим аппаратом, а в особой реконструкции — исследовании, представляющем собой новый, перспективный тип разысканий в области истории древнеславянских произведений. В самом деле, ученого должен интересовать прежде всего авторский текст исследуемого им памятника. Значит, не критическое издание, а реконструкция является как бы венцом всех разысканий. Правда, реконструкция, как гипотеза исследования, может быть выполнена только после того, как вся возможная текстологическая работа проделана и история произведения ясна. Мы отнюдь не призываем здесь к замене критических изданий реконструкциями. А только напоминая о том подобающем месте, которое должна занять реконструкция в системе исследовательской работы текстологов.

Дальнейшее изучение истории текста «Азбучной молитвы» значительно облегчается благодаря монографии К. М. Куева. А сделать предстоит еще немало, учитывая, что история текста произведения изучена не до конца. Важные текстологические замечания Э. Г. Зыкова⁹, к сожалению, не были развиты в монографии болгарского ученого. Прежде всего остается не ясным, следует ли подразделять все списки «Азбучной молитвы» на четыре группы (как К. М. Куев), или на две редакции (как Э. Г. Зыков), не ясно, в чем же состоит реальная, а не формальная история текста произведения на Руси и т. п. Русские переделки «Азбучной молитвы» в монографии не отмечаются¹⁰.

Тем не менее книга К. М. Куева производит солидное впечатление. Она представляет ценный вклад в славистику и будет полезна всем тем, кто пожелает обратиться к истокам древнеславянского стихотворства, к изучению взаимосвязей братских русской и болгарской литератур в глубокой древности.

Ю. К. Бегунов

⁸ Критическое издание текста памятника по двум редакциям с учетом 26 списков уже вышло в свет. См. Э. Г. Зыков. Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности. ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, стр. 187—191.

⁹ Там же стр. 183—186.

¹⁰ Ср. Э. Г. Зыков. Русская переделка древнеболгарского стихотворения. ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, стр. 308—316.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1974 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. *Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика.*

Дёрнберг С. Внешняя политика социализма и обстановка в мире. Междунар. жизнь, 1975, № 2.

Информационное сообщение о совещании руководителей молодежных организаций социалистических стран. Информ. бюл. Ком. молодежных организаций СССР, 1974, № 10.

Клещева Р. А., Портной И. Л. Интернациональные связи рабочего класса братских стран социализма (на примере Казахской ССР и НРБ). В кн. Карагандинский университет. Сборник научных трудов по общественным наукам. Караганда, 1974.

2. *Экономика. Экономическое сотрудничество*

Алексеев В. Г. Социалистическая экономическая интеграция — воплощение ленинских идей об образовании мирового социалистического хозяйства. Полит. экономия, Минск, 1974, вып. 2.

Бородкин И. Научно-техническая интеграция стран — членов СЭВ. Коммунист Вооруж. Сил, 1975, № 4.

Бутаков Д. Плата за фонды в зарубежных странах СЭВ. Вопр. экономики, 1975, № 1.

Вайс Т. О социально-экономической политике в странах — членах СЭВ и Югославии. План. хоз-во, 1975, № 2.

Валев Э. Б. Важнейшие особенности формирования территориальной структуры промышленности социалистических стран Юго-Восточной Европы. Вопр. географии, 1974, сб. 97.

Вардомский Л. Б. Основные экономико-географические проблемы развития портов в зарубежной социалистической Европе. Вопр. географии, 1974, сб. 97.

Добрев Д. Развитие машиностроения в Болгарии. «Машиностроитель», 1975, № 1.

Долежел О. Прогнозы развития механизации сельского хозяйства стран — членов СЭВ. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 1.

Журавлев Ю. Сотрудничество СЭВ и Югославии. Внеш. торговля, 1975, № 2.

Иванов М. И. Основные тенденции в развитии промышленности строительных материалов европейских стран — членов СЭВ. Научн. тр. Моск. инж.-экон. ин-та, 1974, вып. 85.

Илинич Ю. В. Влияние энергетики на изменения территориальной структуры хозяйства европейских социалистических стран (на примере Польши). Вопр. географии, 1974, сб. 97.

Канцеевская И. В., Пивоваров Ю. Л., Стронгина М. Л. Второй советско-польский семинар по проблемам урбанизации. (Москва — Ленинград. 24—30 июня 1974 г.) Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1975, № 1.

Коган Е. Проблемы социально-экономической политики братских стран. Вопр. экономики, 1975, № 2.

Комиссаров В. П., Шелков О. М. Многосторонние расчеты и кредиты МБЭС. «Деньги и кредит», 1975, № 1.

Корминов Ю., Фрумкин Б. Аграрно-промышленная интеграция стран — членов СЭВ. План. хоз-во, 1975, № 1.

Круковский Ю. А. Развитие черной металлургии социалистических стран зарубежной Европы и сдвиги в ее территориальной структуре. Вопр. географии, 1974, сб. 97.

Ладыгин Б., Пекшеев Ю. Социалистическая экономическая интеграция — планомерно управляемый процесс. Вопр. экономики, 1974, № 11.

Лебединская А. А. Кредитные отношения стран — членов СЭВ при совместном сооружении хозяйственных объектов. «Деньги и кредит», 1974, № 12.

Лямцев В. Н. Специализация производства — важная форма развития социалистической экономической интеграции. «Коммунист Украины», 1975, № 1.

Макеев А. В. Деятельность КПСС по развитию производственного сотрудничества советского рабочего класса с рабочим классом стран СЭВ (1966—1970 гг.). Вестн. Моск. ун-та. История, 1975, № 1.

Макеев А. В. Из опыта КПСС по развитию производственных связей рабочего класса СССР с рабочим классом социалистических стран (1966—1970 гг.). В кн. Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунистического общества. Вып. 5. М., 1974.

Максаковский В. П. Воздействие экономического сотрудничества на отраслевую и территориальную структуру хозяйства социалистических стран зарубежной Европы. Вопр. географии, 1974, сб. 97.

Микельский К. Совершенствование распределения по труду в странах СЭВ. Вопр. экономики, 1975, № 1.

Моторин И. Методологические проблемы долгосрочного планирования интеграционных процессов. План. хоз-во, 1975, № 2.

Мюллер Р. Пятилетка развития Праги. (Жилищное строительство в Праге.) Гор. хоз-во Москвы, 1975, № 1.

Невский В. А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области патентной информации. Вопр. изобретательства, 1974, № 11.

Пефтиев В. И. Социалистическая экономическая интеграция и международное обобществление труда. Сб. научн. трудов Ярослав. пед. ин-та, 1974, вып. 130.

Пин А. Чтобы лучше жилось людям. (Сотрудничество стран СЭВ в области легкой и пищевой промышленности.) «Новое время», 1975, 17 янв., № 3.

Рябов М. Ф. Борьба компартий стран — членов СЭВ за ускорение научно-технического прогресса. В кн. Проблемы соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Воронеж, 1974.

Савин В. А. Некоторые экономико-географические аспекты внешнеэкономических связей Советского Союза с социалистическими странами Европы. Вопр. географии, 1974, сб. 97.

Сенин М. В. Социалистическая интеграция в условиях научно-технической революции. В кн. Идеологические проблемы научно-технической революции. М., 1974.

Сенин М. СЭВ — международная экономическая организация нового типа. «Коммунист», 1975, № 3.

Сергеев С., Михеев С. Экономические достижения народной Болгарии. Междунар. жизнь, 1975, № 2.

Сквернюков П. Развитие целлюлозно-бумажной промышленности стран — членов СЭВ. «Бум. промышленность», 1974, № 12.

Стерлин Н. Б. Производственно-техническое сотрудничество стран СЭВ в химической промышленности. В кн. Сотрудничество стран СЭВ в обрабатывающей промышленности. М., 1974.

Сыром А. Экономическая интеграция как закономерность социалистического развития. «Коммунист Эстонии», 1975, № 2.

Телефус А., Клепацкий Л. Повышение благосостояния трудящихся в странах СЭВ. Междунар. жизнь, 1975, № 1.

Томов Г. Роль болгаро-радянської дружби і співробітництва для індустріального розвитку Народної Республіки Болгарії. (На приклад Бургаського округу). Укр. іст. журн., 1974, № 12.

Трейвиш А. И. Экономико-географические предпосылки развития атомной энергетики в социалистических странах Европы. Вопр. географии, 1974, сб. 97.

Трендафилов Р. О материальном стимулировании руководящих работ-

ников в сельском хозяйстве. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 1.

Успенский А. А., Успенский В. А. Развитие социалистической интеграции и роль кредита. «Деньги и кредит», 1975, № 1.

Устименко В. В. Развитие строительства в странах — членах СЭВ. Экономика стр-ва, 1975, № 1.

Фекете Ф. Развитие животноводства в европейских социалистических странах. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 1.

Филиппова Э. Страны СЭВ обмениваются опытом планирования. План. хоз-во, 1975, № 1.

Фотев Н. Аграрно-промышленный комплекс Бургас: результаты деятельности. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 1.

Хлебников В. Б. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области черной металлургии. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1975, 8 февр., № 16.

Худолей В. Ф. Обзор польской экономико-географической литературы (1954—1973). Вопр. географии, 1974, сб. 97.

Черненко М. С., Будкин В. С. Экономическое сотрудничество стран СЭВ и развитие их материально-технической базы. В кн. Под знаменем пролетарского, социалистического интернационализма. Киев, 1974.

Шаблевски Х. Автомобильная промышленность Польской Народной Республики. Автомоб. промышленность, 1975, № 1.

Шиняпин Ю., Фрумкин Б. Аграрно-промышленный комплекс в европейских странах СЭВ. Вопр. экономики, 1975, № 2.

Шитов В. Научно-техническое сотрудничество и развитие экономики социалистических стран. «Вопросы и ответы», 1975, № 1.

Шишков Ю. Международные хозяйственные отношения и экономическая интеграция двух типов. Вопр. экономики, 1975, № 2.

3. Государственное строительство. Право

Власкин Г. А., Симановский С. И. Лицензионная практика ЧССР. Вопр. изобретательства, 1975, № 2.

Голембиевский Я. Генезис государств народной демократии в освещении идеологов антикоммунизма. Вопр. истории КПСС, 1975, № 2.

Гольская Д. Х. Наследники из социалистических стран и англо-саксонское законодательство о блокировании наследств. «Проблемы государства и права», 1974, вып. 9.

Грановская А. Народная Республика Болгария: 30 лет по пути социализма. Сов. торговля, 1975, № 1.

Дорожкин Ю. Н. О некоторых особенностях социалистических политических отношений развитого социализма.

Вести. Моск. ун-та. Теория науч. коммунизма, 1974, № 5.

Зайцев Д. Ф. Строительство развитого социалистического общества в СССР и странах социалистического содружества. В кн. На переднем крае идейной борьбы. Л., 1974.

Залесский В., Касаткина Н. Регистрация актов гражданского состояния в европейских социалистических странах. Сов. юстиция, 1975, № 3.

Котора М. Чехословацкий Кодекс международной торговли. Сов. государство и право, 1975, № 2.

Новикова С. С. Новое в законодательстве ЧССР о правах женщины — матери. «Проблемы государства и права», 1974, вып. 9.

Положение о расследовании аварийных случаев в Народной Республике Болгарии. Вопр. правового регулирования мореплавания и промысла, 1974, вып. 4.

Розенберг М. Г. Некоторые вопросы применения Общих условий поставок товаров между организациями стран—

членов СЭВ в практике Внешнеторговой арбитражной комиссии. Материалы секции права Торг.-пром. палаты СССР, 1974, № 27.

Ставицкий Л. Матеріальна відшвидальність у трудових кодексах деяких соціалістичних країн. Рад. право, 1975, № 1.

Страшун Б. А. Территориальный коллектив в политической системе социализма. «Проблемы государства и права», 1974, вып. 9.

Хланта О. В. Славний син робітничого класу Чехословаччини (90-летие со дня рождения А. Занотоцкого). Укр. ист. журн., 1974, № 12.

Шпекторов А. И. Из практики Внешнеторговой арбитражной комиссии за 1972 г. Материалы секции права Торг.-пром. палаты СССР, 1974, № 27.

Шульженко Ю. Л. Экономические задачи социалистического государства в Польской Народной Республике. «Проблемы государства и права», 1974, вып. 9.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Аврус А. И. МОПР и Лейпцигский процесс. Вопр. истории, 1975, № 1.

Александрова Л. Н. Социально-экономическое положение чешских крестьян накануне революции 1848—1849 гг. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1974 г. Вильнюс, 1974.

Ваганян М. Новое свидетельство давней дружбы. Ереван, 1974, № 3.

Документы о Висло-Одерской наступательной операции (январь — февраль 1945). Сов. архивы, 1975, № 1.

Душенко К. В. Спор о польском буржуазном либерализме последней трети XIX в. (Варшавский позитивизм в освещении историков народной Польши). В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1974.

Дядькин В. В. Из истории развития капитализма и формирования пролетариата в Болгарии на рубеже XIX—XX вв. В кн. Вопросы истории и политэкономии. Орджоникидзе, 1974.

Зайцев В. В. Роль Англии у створенні Балканського союзу 1912 р. «Питання нової та новітньої історії», 1974, вип. 18.

Злыдне в В. И. 30-летие социалистической революции в Болгарии. «Новая и новейшая история», 1975, № 1.

Караев Г. Н. В. И. Ленин и Д. Благоев. Вопр. истории КПСС, 1975, № 2.

Каракоз М. 1-я армия Войска Польского в боях за прорыв Померанского вала. Воен.-ист. журнал, 1975, № 2.

Кізченко А. Ф. Політика правлячих кіл Чехословаччини в період верес-

невої кризи 1938 р. «Штаття нової та новітньої історії», 1974, вип. 18.

Коровников И. Удар на Краков. Воен.-ист. журнал, 1975, № 1.

Курило В. М., Кравець М. М. Єдність українських і польських трудящих у революційній боротьбі (1924—1928 рр.). Укр. ист. журн., 1975, № 1.

Латтева Л. П. Классовая борьба чешских крестьян в первой половине XVI в. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1974 г. Вильнюс, 1974.

Ларионова Г., Микора В. Герои Висло-Одерской операции. Воен.-ист. журн., 1975, № 1.

Магидов В. М. Историко-ведческий анализ кинофото документов и экспертиза их ценности в историографии ГДР и ПНР. Сов. архивы, 1975, № 1.

Марьяна В. В. Взаимоотношения рабочих и крестьянских партий в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вопр. истории, 1975, № 2.

Марьяна В. В. 30-летие словацкого национального восстания. «Новая и новейшая история», 1975, № 1.

Матвеев Г. Ф. Буржуазные политики Польши о стабилизации государства (На материалах публицистики Ст. Грабского 1921—1924 гг.). В кн. Проблемы всеобщей истории. М., 1974.

Мацуленко В. Оперативная маскировка войск в Висло-Одерской операции. Воен.-ист. журн., 1975, № 1.

Мурашко Г. П. Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы

в 1944—1948 годах. *Вопр. истории*, 1974, № 11.

Никулице И. Т., Рафалович И. А. Жилища гетов и ранних славян у с. Ханска. В кн. *Археологические исследования в Молдавии* (1973 г.). Кишинев, 1974.

Ойматов Х. Борьба болгарского крестьянства против налогов в 1930—1934 гг. В кн. *Проблемы всеобщей истории*. М., 1974.

Паливода С. С. Пропагандистская та ідейно-політична робота антифашистів у бухенвальдському підпіллі (1942—1945 рр.). *Укр. слов'янознавство*, 1975, вип. II.

Петухоў К. М. Антифашистская падпольная барацьба ў канцэнтрацыйным лагэры Асвенцім у гады другой сусветнай вайны. *Весті АН БССР. Сер. грамад. навук*, 1975, № 1.

Писарев Ю. А. Великие державы и Сербия накануне первой мировой войны. «Новая и новейшая история», 1975, № 1.

Письма болгарских граждан в миссию Советского Союза в Софии (1940—1944). *Сов. архивы*, 1975, № 1.

Рафалович И. А., Лапушнян В. Л. Могильники и раннеславянское городище у с. Селиште. В кн. *Археологические исследования в Молдавии* (1973 г.). Кишинев, 1974.

Сирадзе Р. Из истории болгаро-грузино-византийских отношений. «Цискари», Тбилиси, 1974, № 10.

Степанов Ф. I. З історії болгарської імміграції в Росію у 50—60-х роках XIX ст. «Питання нової та новітньої історії», 1974, вип. 18.

Терехов В. К. Дипломатическая борьба накануне сербско-болгарской войны 1885 года. В кн. *Проблемы всеобщей истории*. М., 1974.

Хорева О. А. Чешская марксистская историография о революционном движении 1848 года в Чехии (1945—1960). В кн. *Проблемы всеобщей истории*. М., 1974.

Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма и отражение его в региональных типах крестьянских движений в Европе в XVI—XVIII веках. *Вопр. истории*, 1975, № 1.

Шевяков А. А. Установление дипломатических отношений СССР со странами Центральной и Юго-Восточной Европы. *Вопр. истории*, 1975, № 1.

2. Культура и наука

Ангелов К. Мыслитель, публицист, критик. (Творческая биография Л. Пишкова.) *Сов. музыка*, 1975, № 2.

Баранкова Г. С. Опыт лингвотекстологического анализа списков «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского, хранящихся в ГБЛ. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Записки. Вып. 35. М., 1974.

Бернштейн И. А., Богатырев Ш. Ш. Островский в Чехословакии. В кн. *Литературное наследство*, т. 88, кн. 2. М., 1974.

Блашковиц Й. Тюркологические исследования в Чехословакии. *Вопр. языкознания*, 1975, № 1.

Богданов Ю. «Словенские погледы» — год издания девяностый. *Вопр. лит-ры*, 1975, № 1.

Булаховська Ю. Л. Традиції Тувима в сучасній польській поезії Рад. літературознавство, 1975, № 1.

Вторая научная конференция педагогов социалистических стран «Формирование всесторонне развитой личности — задача системы народного образования в странах социализма». *Сов. педагогика*, 1975, № 2.

Г. К. Теоретическая конференция по проблемам сатиры и юмора (Конференция Союза болгарских писателей. София, 1974 г.). *Вопр. лит-ры*, 1974, № 11.

Гарибджанян Г. Б. Степан Лисициан и польская литература. *Вестн. архивов Армении*, 1974, № 3.

Голомидов В. И. Архивные здания в Югославии. *Вестн. архивов Армении*, 1974, № 37.

Гольдберг А. Л. Сопровождение библиографов социалистических стран (Берлин, 1974 г.). *Сов. библиогр.*, 1974, № 5.

Грушко П. Как все на свете люди... (Поэзия Атанаса Далчева). *Иностр. лит-ра*, 1975, № 1.

Дзягіль Н. К. Супрацоўніцтва Беларусі і Югославіі у галіне літаратуры і мастацтва (1956—1970). *Весті АН БССР. Сер. грамад. навук*, 1974, № 5.

Димов Г. Формирование и развитие новой болгарской литературы и процессы национального Возрождения. В кн. *Современные проблемы литературоведения и языкознания*. М., 1974.

Иванова В., Прашков Л. Казанльская гробница. «Художник», 1975, № 1.

Крестьянинов А. I Международная конференция редакторов журналов профтехобразования социалистических стран (Варшава, 20—22 мая 1974 г.). *Вопр. педагогики*, 1974, № 10.

Куберски Е. Польское просвещение за 30 лет. (Дело народного образования и воспитания в ПНР.) *Сов. педагогика*, 1974, № 10.

Литвинов Ю. И. Распространение экономических идей марксизма в Сербии. В кн. *Вопросы истории экономической мысли*. М., 1974.

Львова Е. О картинах Златю Боджикова. *Иностр. лит-ра*, 1975, № 2.

Макарова Э. Дни советской культуры в Болгарии. «Театр», 1974, № 11.

Мойковский С. Журналистика социалистической Польши. *Демокр. журналист*, 1974, № 10.

Молчанова А. М. Тема белорусского крестьянства и польской интеллигенции в послевоенной польской прозе. В

кн. Минский педагогический институт им. А. М. Горького. Научные труды. Минск, 1973.

Му си ен ко С. Ф. Польская социально-психологическая проза 60-х годов (Микророман Я. Бохеньского «Божественный Юлий»). В кн. Гродненский педагогический институт им. Я. Купалы. Минск, 1974.

На й де но ва Е. М. Начальный этап распространения марксистской экономической мысли в Польше (70—80-е годы XIX в.). В кн. Вопросы истории экономической мысли. М., 1974.

На й дьо нов Ч. А. Розробка філософських проблем природознавства в Народній Республіці Болгарії (Огляд літератури за 1958—першу половину 1973 р.). Філософські проблеми сучас. природознавства, Київ, 1974, вип. 36.

На ли в ай ко Д. З потоку світової прози. В кн. Рік '73. Літ.—критич. огляд. Київ, 1974.

На у мен ко Ф. І., Р уд ко М. К. Борьба прогрессивных сил Галичины за вищу школу в умовах буржуазної Польщі. Питання педагогіки аиц. школи, Львів, 1974.

Па па я н Р. Р. Подготовка и повышение квалификации кадров в европейских социалистических странах. В кн. Кадры управления социалистическим общественным производством. М., 1974.

По з ня к Т. Островский в Польше. В кн. Литературное наследство, т. 88, кн. 2. М., 1974.

По кро в с к а я Г. А. Островский в Югославии. В кн. Литературное наследство, т. 88, кн. 2. М., 1974.

П ри х одь ко В. Золотое перо Юлиана Тувима. К 80-летию со дня рождения Юлиана Тувима. В кн. Детская литература. М., 1974.

Ро сто ц к и й С. Впечатления и раздумья после фестиваля в Карловых Варах. «Искусство кино», 1975, № 1.

Р у бе н ч и к Е. С. Школа ПНР вступает в свое четвертое десятилетие. Сов. педагогика, 1975, № 1.

Си ма че ва Т. А. Островский в Болгарии. В кн. Литературное наследство, т. 88, кн. 2, М., 1974.

С ла не в с к и й И. А. «Латинские» письма Филона Кмиты Чернобыльского об Иване Грозном. «История СССР», 1975, № 1.

С па с с С. А. Идеино-художественное своеобразие рассказов Я. Ивашкевича и К. Паустовского. В кн. Гродненский педагогический институт им. Я. Купалы. Минск, 1974.

Ти щ ен ко И. Монюшко, Мицкевич и... тайная полиция. «Неман», Минск, 1975, № 1.

Т ро ф и м о в и ч К. К. Національний рух лужицьких сербів і формування верхньолужицької літературної мови в 30—70-х роках XIX століття. Укр. слов'янознавство, Львів, 1975, вип. II.

Х а ш де у Б. П. Покровитель сельского хозяйства в Молдо-Валахии. В кн. Хашдеу Б. П. Принципы лингвистики. Кишинев, 1974.

3. Язык

А н д е л В. П. Типи Абстрактних назв дії у чеській мові. Укр. слов'янознавство, Львів, 1975, вип. II.

Г р и н ч и ш и н Д. Г. Субстантивовані прикметники і дії прикметники на означення осіб у слов'янських мовах. Укр. слов'янознавство, Львів, 1975, вип. II.

К о в а л ь - К о с т и н с ь к а О. В. Іменики — назви кольорів у слов'янських мовах (На матеріалі російської, української і болгарської мов). Укр. мовознавство, Київ, 1974, вип. 2.

К о в а л ь - К о с т и н с ь к а О. В. Назви основних кольорів у болгарській, українській і російській мовах (Порівняльна характеристика). Укр. мовознавство, Київ, 1974, вип. 2.

К о р у б и н Б. Место глагола сум как вспомогательного и как связки в македонском литературном языке. В кн. Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.

Л а у ч ю т е Ю. А. Критерии выделения балтизмов в славянских языках. Тр. АН ЛитССР. Обществ. науки, 1974, № 4.

Л о г а ч е в К. Проблемы славянского перевода Нового Завета и современная западная библейская текстология. Журн. Моск. патриархии, 1974, № 11.

М а р г о с А. Персональные имена и топонимы на армянских эпиграфических памятниках в Болгарии. Ист.-филол. журн., Ереван, 1974, № 4.

М и х а л к Ф. О причинах широкого распространения рамочной конструкции в сербо-лужицком языке. В кн. Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.

М и х а л ь ч е н к о В. Употребление нескольких языков и культура речи. «Kalbos kultūra», Вильнюс, 1974, вип. 27.

Н и к у л и н а М. В. Вопросы славянской этимологии в письмах Ст. Младенова к А. А. Шахматову. 1910—1914 гг. В кн. Балто-славянские исследования. М., 1974.

П е т р Я. Вивчення слов'янських мов у праязкій «Сербовці». Укр. слов'янознавство, Львів, 1975, вип. II.

П и с а р к о в а К. Посесивность как грамматическая проблема (На примере польского языка). В кн. Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.

Р е к е н а А. Названия жилого дома и его внутренних помещений в южнолатгальских говорах и их соответствие в славянских языках. В кн. Диалектологический сборник. Материалы IV Диалектол. конф. по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике. Октябрь 1972. Вильнюс, 1974.

Р о т О. М. Питання східнослов'янсь-

ко-тюркських та західнослов'янсько-тюркських мовних контактів і особливості взаємодіймов та діалектів Карпатського ареалу. В кн. А. Ю. Кримський — українці орієнталіст. Київ, 1974.

С е р б е н с ь к а О. А. Дослідження польського мовознавця. Укр. слов'янознавство, Львів, 1975, вип. II.

С и м о н о в Р. А. О глаголическом влиянии на графику кириллического «зе-

ло». В кн. Проблемы палеографии и кодологии в СССР. М., 1974.

С м о л ь с ь к а А. К. Дистрибуція фемінних суфіксів у сербськохорватській мові. Укр. слов'янознавство, Львів, 1975, вип. II.

Х а ш д е у Б. П. Бодуэн де Куртене и славяно-туранский диалект в Италии. В кн. Б. П. Хашдеу. Принципы лингвистики. Кишинев, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Литературна мисъл», 1974, № 6

А. Натев. Порог необычного; О. Сапарев. Импрессионистическая и/или аналитическая критика; Л. Георгиев. Поэтическая полемичность Димитра Мефодиева; С. Илиев. Эстетика символизма; К. Топалов. Некоторые проблемы космического в прозе Болгарского Возрождения; Д. Петканова-Тотева. Риторическая проза средневековья; Л. Григорова. Проблема художника и искусства в литературе немецкого романтизма.

«Български език», 1975, № 5

В. И. Георгиев. Балканское языкознание сегодня; П. Асенова. Предлог за и его соответствия в славянских языках. Х. Ерен. Турецкие заимствования в болгарском языке и местные турецкие говоры; Д. Х. Мазилу. Одна славяно-румынская семантическая параллель.

«Kwartalnik Historyczny», 1975, № 1

Б. Ляпис. Duo sunt genera divitiarum... Высказывания авторов раннего средневековья о богатстве; М. Э. Вельти. Экономика изгнанников на примере Дживани Бонифация; Л. Хаас. Из истории масонства в Центральной и Восточной Европе в межвоенный период; М. М. Дроздовский. Историческая и общественная мысль Польши об американской революции.

«Przegląd Historyczny», 1974, № 4

А. Бердецкая. Новые основания королевских городов в Малой Польше в 1333—1370 гг.; В. А. Дьяков. Участие поляков в изучении и освоении Сибири в XIX в.; М. Вильк. Московская буржуазия и царизм (1914—1917); А. Бергман. Антон Луцкевич (1884—1946). Биографический очерк.

«Z pola walki», 1974, № 3

М. Шишко. Политика Профинтерна и польское революционное профсоюзное

движение в 1921—1923 гг.; Ф. Барановский. Из истории левого течения послевоенной ППС.

«Język polski», 1975, № 1

Е. Островская. Кохановский и Тувим; М. Карплюк. О языке поэзии Кохановского (1 часть); Х. Витневская. Носовые гласные в пшемысльских цеховых книгах XVIII в.: М. Бжезина. К инвентарю старспольских рифм. Дополнения Е. Островской, С. Урбанчика; З. Салони. К вопросу о *się*; А. Ковальская. О функции форм *byłby dał*, *byłiby zrobili*; Т. Шиманский. Заметки по польской лексике. З. Камубское *śulqta*.

«Československý časopis historický», 1975, № 1

Ф. Гавличек. Общее и особенное в строительстве социализма в Чехословакии; Г. П. Мурашкова. Социализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1944—1948 гг.; В. Крал. Запад и Словацкое национальное восстание; В. Налевка. Характер латиноамериканского колониального общества; З. Немешкалова-Ироудкова. Золото и кельтское общество в Чехословакии и Моравии.

«Historický časopis», 1974, № 4

Я. Звада. Возникновение ленинской стратегии мира и мирного сосуществования; М. Брофт. К основным военным проблемам Словацкого национального восстания; М. Кучера. Проблемы возникновения и развития феодализма в Словакии.

«Slovanský přehled», 1974, № 6

И. Кочи. Некоторые аспекты чешского национального движения в XIX в.; К. Герман. Современные проблемы балканистики в области исторических наук; Я. Вавра. Русская Америка и русско-американские связи в XVIII в.; Н. Д. Ратнер. Германская экспансия и славянский вопрос в Австро-Венгрии

в последней трети XIX в.; И. К о л е й - к а. Международное рабочее движение и социалисты Австро-Венгрии об аннексии в Боснии и Герцеговине в 1908 г.

1975, № 1

В. К р а л. Вклад Словацкого национального восстания в чехословацко-советские отношения; И. К о ч и. О «словацком вопросе» в трудах Карла Гавличека Боровского; Ч. А м о р т. Константин Йиречек и болгары; К. Г е р м а н. Чешское рабочее движение и русская культура; Ф. Г е й л. К вопросу идеологии и практики клерофашизма в Словакии; Д. Ч и е р н а. Венгрия в год перелома (1947—1948).

«Slovenská reč», 1975, № 1

Ш. П е ц и а р. Юбилей журнала «Slovenská reč»; Я. С а б о л. Альтернативные падежные формы существительных мужского рода в литературе 80-х и 90-х гг. XIX в.; Я. К о п и н а. Употребление неопределенных местоимений в сборнике рассказов М. Урбана «Výkřiky bez ozvevu».

«Slovo a slovesnost», 1974, № 4

Я. К о р ж е н с к и. Проблемы конструкции грамматики на основе семантической базы; П. Н о в а к. К локалистическому пониманию значения падежей; Д. К о н е ч н а. О значениях чешских собственных предлогов; Л. К р о у п о в а.

К дискуссии о предложениях и их классификации с точки зрения частей речи; К. С в о б о д а. Имя прилагательное в роли несогласованного определения (конструкция типа *pěso veselého*); И. Н е б е с к а. К семантике сложных предложений с придаточным предложением цели; Ф. Ч е р м а к. Наименования из нескольких слов (словосочетания) типа глагол — существительное в чешском языке (К синтагматике так называемых абстрактных слов); Б. Б о р о в и ч к о в а, В. М а л а ч, М. С е д л а к о в а. Новые направления в исследовании смычных.

«Jezik in slovstvo», 1974/1975, № 1

Двадцатилетний юбилей; Я. З е н ю к о в а. Кашубский язык в лингвистических исследованиях; К. Г а й т а р. Копитар и греки; Й. К о р у з а. Слово об Альфонсе Гспане в честь его семидесятилетия.

«Jezik», 1975, № 1

От редакции. О теме: топонимы, этнонимы и производные от них прилагательные в литературном языке; В. Д о р ч и ч. *Baščanski* или *bašćanski*?; С. Б а б и ч. Аргументы в пользу *baščanski* и *bašćanski*; Д. А л е р и ч. О необходимости частичной адаптации диалектных топонимов и фамилий; С. Т е ж а к. О штокавском оформлении топонимов и фамилий; А. Ш о я т. О включении диалектных имен в литературный язык.

О НАУЧНЫХ ИТОГАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЮНЕСКО ПО ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Среди ученых и в широких кругах общест­венности разных стран мира в последние годы резко увеличился интерес к многовековой, самобытной культуре славянских народов, к современной жизни социалистических славянских государств, добившихся в последние десятилетия в условиях социализма выдающихся успехов в экономической и культурной деятельности.

Этот интерес стал ныне важным фак­тором международной духовной жизни. Учитывая его, XVI сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО утвердила в 1970 г. в Париже специальный Проект по изучению славянских культур, рас­читанный на 1971—1980 гг.

В связи с большим общественно-поли­тическим и научным значением Проекта при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО в 1972 г. был создан Комитет по изучению славянских культур. Считая своей основ­ной задачей координацию усилий соот­ветствующих культурных и научных уч­реждений и организаций СССР по испол­зованию Проекта ЮНЕСКО в целях укрепления дружеских связей между на­родами европейских стран, содействия ак­тивной популяризации непреходящих ценностей славянских культур, Комитет внес в Секретариат ЮНЕСКО предложе­ние о проведении в рамках Славянского проекта крупной международной научной конференции, на которой были бы рас­смотрены проблемы славянских культур на одном из важнейших этапов историче­ской эволюции славянского мира — в пе­риод формирования и развития славян­ских наций, охватывающий XVIII—XIX века.

После утверждения этого предложения Секретариатом ЮНЕСКО Президиум Ака­демии наук СССР поручил подготовку и проведение Международной научной кон­ференции под эгидой ЮНЕСКО «Славян­ские культуры в эпоху формирования и раз­вития славянских наций» Институту славяноведения и балканистики АН СССР — ведущему научному учреждению в на­шей стране, занимающемуся славистиче­скими исследованиями. В ходе консульта­ций с советскими и зарубежными специа­листами, экспертами Славянского проекта Оргкомитет конференции, возглавляемый чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марковым, под­

готовил научную программу конференции и издал тезисы докладов и сообщений на трех основных языках ЮНЕСКО — рус­ском, английском, французском. Институт научной информации по общественным наукам АН СССР подготовил два выпуска библиографии по теме конференции.

Важнейшей отличительной чертой кон­ференции явился ее четко выраженный междисциплинарный характер. В работе конференции принимали участие истори­ки, историки культуры, литературоведы, искусствоведы, лингвисты, фольклори­сты.

Комплексный подход к изучению славянских культур, во-первых, обусловлен объективно существующей многомерно­стью самого феномена духовной культу­ры, во-вторых, предопределен современ­ными требованиями науки, когда много­численные исследования отдельных обла­стей духовной жизни славян в эпоху пере­хода от феодализма к капитализму, фор­мирования и развития славянских наций позволяют ныне успешно выявлять общие закономерности и типологические сход­дения культурного процесса, вклад славян в мировую культуру.

Принципиальная установка на комп­лексное освещение проблем славянской культуры была выдвинута в качестве ос­новной с самого начала деятельности Оргкомитета, который опирался на соот­ветствующий опыт, накопленный за по­следние годы в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Характеризуя смысл такого рода научных исследований, директор института чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков писал: «Как известно, соци­ально-экономические формации, сос­тавляющие основу исторического процес­са, представляют собой разветвленные системы, комплексы экономических, по­литических, культурных и иных факто­ров. Можно изучать какой-либо один из этих факторов (подсистем) в рамках той или иной науки, не претендуя, конечно, на охват явления в целом. Но и в этом случае мысль ученого стремится к воз­можно более широкому выводу, не ограничиваясь, скажем, историческим опытом только одной страны. Ученые соотносят явления данной страны со сходными и в то же время различными явлениями в других странах. А задача целостного изу­

чения хотя бы определенного периода истории того или иного народа (его экономики, культуры и т. д.) неизбежно приводит к комплексности научного анализа — она вызывается комплексностью самих исторических реальностей¹.

Следует подчеркнуть, что в столь широком масштабе и столь целенаправленно, как на прошедшей конференции, проблемы изучения национальных славянских культур не ставились даже на съездах славистов — этих наиболее крупных форумах славистической общественности.

Научная компетентность и представительность московской конференции приобретает особенно важное значение в связи с тем, что в последнее время под вывеской славистики и так называемых славистических исследований организуются различные «симпозиумы» и «издания», не имеющие ничего общего с подлинно научной разработкой этой актуальной проблематики.

Большой интерес вызвали обобщающие и теоретико-методологические доклады первого дня конференции, в которых культура трактовалась как один из определяющих и специфических компонентов общен исторического процесса, исторической деятельности человека, а конкретный ход развития славянских культур рассматривался в диалектической взаимосвязи с формированием славянских наций, ростом социальных и национально-освободительных движений славянских народов.

В докладе В. И. Злыднева и А. С. Мыльникова (СССР) «Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов XVIII — 70-х годов XIX в.» был обоснован тезис о двусторонности взаимодействия социально-исторического и культурного процессов как органической закономерности общественного развития в целом. С одной стороны, культура каждого народа в эпоху формирования нации интенсивно реагирует на новые тенденции в жизни общества, становясь на более высокий уровень художественного сознания, создавая новые формы культурных институций, с другой — эта национальная культура, будучи продуктом более развитой этносоциальной общности, сама воздействует на процесс сплочения нации, становясь одним из важных факторов ее утверждения. Неравномерность проявления социально-экономических факторов у разных славянских народов привела к тому, что их историко-культурные процессы протекали неодинаково по времени, по характеру выражения типических особенностей, по степени интенсивности. Это необходимо учитывать при выявлении типологичес-

ких закономерностей в развитии славянской культуры нового времени. Процесс формирования национальной культуры начался, по мнению докладчиков, у русских с начала XVIII в., у поляков — с середины, у чехов, словаков и южных славян — с последней трети XVIII в., еще позже — у белорусов, серболужичан.

Роли традиций национально-освободительной борьбы западных и южных славян в жизни этих народов и в их культурах был посвящен доклад польского историка Л. Базылева.

«Культура и проблемы социальных и национально-освободительных движений славянских народов» — такова была тема доклада И. С. Миллера (СССР). При всей социальной неоднородности тех слов, которые были творцами нарождавшейся национальной культуры, определяющим было то общее, что объединяло подавляющее большинство нации на начальных этапах ее развития, что приводило к возникновению черт культуры, по преимуществу демократической. Культура этого периода была выразительницей антифеодальных и национально-освободительных устремлений народных масс. Анализ историко-культурной проблематики неопровержимо свидетельствует о том, что высшие достижения национальной культуры, непреходящие ценности, созданные ею в этот период развития, находятся почти всегда в определенной, зачастую непосредственной связи с освободительными идеалами, с прогрессивными тенденциями развития нации. Докладчик обратил особое внимание на место произведений культуры в кругу исторических материалов как источника, не имеющего себе равных по степени концентрированного выражения освободительных идеалов, quintэссенции духа эпохи могучего подъема нации.

Венгерский ученый Э. Нидерхаузер сделал попытку, исходя из социально-экономической структуры славянских народов рассматриваемого периода, наметить два типа историко-культурного процесса, различие между которыми состоит, по мнению автора, в степени проявления на первом этапе национального Возрождения идей европейского Просвещения XVIII в.

Общим проблемам славянских культур были посвящены доклады чл.-корр. Болгарской академии наук Э. Георгиева «Славянские культуры и формирование наций на Балканах», А. Флакера (Югославия) «Хорватская культура периода национального Возрождения. Иллирийский Олимп», Я. Шолты (ГДР) «Национальное движение и культура лужицких сербов со второй половины XVIII по вторую половину XIX вв.», выступления К. Гротхузена (ФРГ), Л. Н. Титовой (СССР) и других ученых.

Многостороннему рассмотрению на конференции были подвергнуты проблемы ху-

¹ Д. Ф. Марков. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. «Вопросы истории», 1973, № 10, стр. 81.

дожественной культуры славян в названную историческую эпоху. При этом в центре внимания находились не только сами произведения литературы, драматургии, изобразительного искусства, но и такие принципиально новые явления в художественной жизни, характерные для этапа становления национальной культуры, как постепенная профессионализация художественного творчества, формирование национальной художественной интеллигенции как специфического социального слоя, возникновение новых центров и учреждений художественной жизни и т. д.

Для большинства выступлений было свойственно стремление рассматривать ту или иную область художественной деятельности не столько с точки зрения имманентных законов ее развития, сколько как составную часть всей системы художественной и духовной культуры, общей истории национального коллектива.

Так, С. В. Никольский (СССР) в докладе о славянских литературах показал прямую зависимость между стремительным формированием национальных литератур западных и южных славян в эпоху национального Возрождения и предреволюционным подъемом социально-демократического и национально-освободительного движения. Художественное мышление эпохи, нашедшее свое отражение в литературных программах и в художественном творчестве, характеризуется осознанием общественно-исторической жизни как процесса развития. Литературное развитие являет собой постепенный переход от просветительских форм художественного творчества к романтическим и раннереалистическим. Набирая постепенно идейную и эстетическую зрелость, литература каждого народа становится все более эффективным фактором национального самоутверждения.

В докладе А. А. Гершковича, Ю. И. Ритчика, Л. А. Софроновой (СССР) была рассмотрена сущность культурно-исторического аспекта изучения театра славянских народов, позволяющего, с одной стороны, глубже понять влияние социальных и политических факторов на искусство, в том числе, театральное, а с другой — раскрыть полнее силу воздействия искусства на разные формы общественной жизни. Театральное искусство Польши, Чехии, Сербии, Болгарии в эпоху национального Возрождения играло значительную, а на некоторых исторических этапах и первостепенную роль в процессе формирования наций, национального самосознания в процессе создания полнокровной национальной культуры нового времени.

Специфика рождения национальных театров в славянских странах — тема доклада Б. И. Росточко (СССР). При всем различии исторических судеб каждого из них, им всем приходилось активно бороться в большей или меньшей мере против

различного рода иноземных влияний, мешавших становлению самобытной духовной культуры. Живая история отчетливо демонстрирует важную типологическую особенность формирования театра в славянских странах как форпоста борьбы за передовую культуру, национальный характер которой был неотделим от ее демократических устремлений. В этом смысле показательны параллели, проведенные докладчиком, между Ф. Волковым и В. Богуславским, А. Пушкиным и А. Мицкевичем.

Проблемы изобразительного искусства славян, в частности анализ их художественной близости в XIX в., были предметом выступления акад. Ю. Стажиньского (Польша). Некоторые жанры получают большое социальное и национальное значение именно в искусстве славянских народов, в то время как в Германии или во Франции они остаются на периферии художественного развития. Например, французская историческая живопись после революций 1830 и 1848 гг. перестает играть сколь-нибудь существенную роль, тогда как в таких странах, как Польша, Россия или Чехия, т. е. там, где историческая живопись связана с движением национального и социального освобождения, этот творческий жанр сохраняется в своей полноте на протяжении всего XIX в. и оказывает большое влияние на национальное воспитание народа.

В ряде выступлений были затронуты вопросы, связанные с возникновением новых национальных культурных центров. Эта характерная тенденция славянского Возрождения была рассмотрена на материале южнославянского ареала югославским ученым Ж. Милсарадом. Очень важной вехой в культурном развитии сербов стало создание в 1826 г. Матицы Сербской, по образцу которой подобные учреждения появились вскоре и у других славян Австрийской империи — Матица Хорватская, Матица Далматинская, Матица Словенская и т. д. Сущность концепции деятельности Матицы Сербской, принятой в основном другими славянскими культурными центрами, заключалась в признании необходимости создавать национальную культуру, опираясь на опыт более развитых народов, главным образом — русского.

В Словакии появлению развитых культурных центров способствовала, как показал В. Матула (Чехословакия) в сообщении «Центры словацкой национально-культурной жизни 30—40-х годов XIX в. и их славянские связи», активная и плодотворная работа студенческих обществ в протестантских лицеях Братиславы, Левоча, Препова и особенно братиславского Чешско-славянского общества, руководимого Л. Штуром. В дальнейшем братиславский центр внес существенный вклад в расширение и укрепление словацко-славянских отношений, способствовавших

обогащению братских культур. Штуровское поколение, с энтузиазмом воспринявшее колларовскую идею славянской взаимности, под влиянием тесного общения и идейной близости с представителями польского революционного движения и с чешскими полонофилами, придало этим отношениям политической акцент.

Анализ социального, правового, общественного положения польских художников в конце XVIII — первой трети XIX в., предпринятый советским искусствоведам И. И. Свиридой, позволил автору наметить некоторые общие закономерности формирования национальной художественной интеллигенции как необходимого элемента складывающейся национальной культуры, признака ее зрелости. Это, во-первых, превращение творческих работников в представителей свободных профессий в результате разрушения непосредственной связи «художник — сюзерен», далее — повышение роли художника в общественной жизни и, как следствие, вытеснение иностранных мастеров с ведущих позиций в художественном процессе.

Во всех славянских странах Возрождения, пожалуй, центральным, был языковой вопрос, на решение которого были направлены усилия больших и малых деятелей этой эпохи. Он был предметом горячих споров во всех слоях формирующегося национального общества. Развитый литературный язык, опирающийся на нормы родной речи, был необходим в борьбе за государственность, за национальную культуру.

Естественно поэтому, что проблемам языка в эпоху славянского Возрождения, всестороннее освещение которых дает возможность многое объяснить в содержании изучаемой исторической эпохи, было отведено на московской конференции особое место: работала специальная секция «Язык и культура».

Основной доклад на этой секции — «Национальное Возрождение славянских народов и формирование славянских литературных языков» — был сделан советским ученым С. Б. Бернштейном. Отметив, что в эпоху Возрождения вся старая славянская письменность устарела как по содержанию, так и в языковом отношении и была доступна лишь незначительной части населения, автор показал объективную потребность в языковой реформе, диктуемую всем общественно-историческим развитием славян в эпоху формирования национальных коллективов.

Сопоставление содержания языковых реформ в разных славянских странах выявляет существенные различия между ними. Наиболее консервативно вопрос был решен в Чехии, поскольку положенный в основу литературного языка язык Кралицкой Библии (XVI в.) уже устарел к XIX в. Это имело весьма серьезные последствия для истории литературного

языка в XIX—XX вв. Радикально языковой вопрос был решен сербами.

Поэтому славянские литературные языки весьма различны между собой в типологическом отношении. Сравнительное их изучение обнаруживает черты глубокого своеобразия их структуры, различную ценность генетически тождественных элементов, разное соотношение стилей и жанров.

Однако на всех этапах истории славянских литературных языков обнаруживаются тесные и живые связи между ними. Они определялись политическими и культурными отношениями славянских народов. Особенно велика роль русского литературного языка в развитии и обогащении некоторых зарубежных славянских литературных языков, в первую очередь болгарского.

Основные закономерности формирования и развития литературных языков и их вклад в национальную и мировую культуру были прослежены в докладе австрийского ученого Й. Хамма, сосредоточившего свое внимание главным образом на чисто лингвистических сторонах рассматриваемой проблемы. Р. Отт (Великобритания) представил доклад «Традиционное и новое в развитии славянских литературных языков второй половины XVIII — начала XIX вв.».

Важные проблемы формирования литературных языков славянских народов были затронуты в выступлениях Л. Н. Смирнова (СССР) «О роли культурных интердиалектов в процессе формирования славянских литературных языков», В. М. Русановского (УССР) «Формирование украинского национального языка и роль межславянских языковых контактов», А. Г. Широковой и Г. П. Нецименко (СССР) «Возрождение чешского литературного языка как необходимого компонента формирования чешской нации», Г. К. Венедиктова (СССР) «О создании грамматики и словаря как предпосылке формирования единого болгарского литературного языка в эпоху национального Возрождения» и др.

Второй секцией, предусмотренной программой конференции, была секция «Фольклор и культура», на которой первым выступил акад. П. Динев (Болгария). Он полемизировал с еще бытующим мнением, будто бы болгарская культура в эпоху Возрождения создается в оппозиции к фольклору, путем преодоления фольклорного сознания. Лучшее опровержение этого тезиса — творчество родоначальников новой болгарской литературы Паисия Хилендарского и Софония Врачанского, тесно связанное именно с фольклором.

В. Е. Гусев (СССР) в докладе «Роль фольклора в формировании национальных культур славянских народов» охарактеризовал две основные формы освоения фольклора нарождающимися национальными культурами. Во-первых, со-

бирание, публикация и изучение памятников народного творчества и появление в связи с этим новой научной дисциплины — фольклористики, во-вторых — исследование фольклора как одного из источников литературы и искусства (фольклоризм писателей, музыкантов, драматургов, художников).

Критерий демократизма и народности национальной культуры — не в самом по себе обращении к фольклору, а в характере освоения его деятелями национальной культуры славянских народов. В этом процессе существуют реакционная тенденция, связанная с идеализацией консервативных элементов в фольклоре, и демократическая, ориентирующаяся на свободлюбивые, антифеодалные мотивы в народном творчестве. Докладчик классифицировал основные типы фольклоризма в период становления национальной культуры: «историографический» (Лелевель, Палацкий, Мажуранич), «лингвистический» (Добровский, Караджич, Востоков), «этнографический» (бытописатели славянских народов), «художественный» (писатели, композиторы).

На секции были заслушаны также выступления Р. Гурского (Польша) «Межславянские национальные связи и развитие польской фольклористики в первой половине XIX в.», Л. М. Соловей (БССР) «Место фольклора в национальной культуре белорусов», Н. И. Кравцова (СССР) «Славянский фольклор и социальные и национально-освободительные движения славянских народов» и других ученых.

Важный тематический узел в широком диапазоне проблем, анализировавшихся на конференции, составили доклады и сообщения, посвященные рассмотрению роли наследия прошлого, исторических и культурных традиций в процессе формирования славянских национальных культур. Изучение проблемы культурной преемственности, или — в более распространенной сейчас формулировке — проблемы традиций и новаторства, является неперенным условием всестороннего раскрытия самобытности любой национальной культуры. При изучении же культур славянских народов, длительное время борющихся против иноземных, иноэтнических воздействий, преемственность как объективная закономерность духовного и материального развития общества приобретает особый, принципиальный смысл.

В докладе чехословацкого ученого С. Вольмана «Значение традиций прошлого для становления и развития национальных культур славян XVIII—XIX вв.» была показана важность в общей структуре традиций наряду с местными традициями, вытекающими из исторического и культурного прошлого данной страны или народности, традиций межславянских (например, культура Ве-

ликой Моравии или Киевской Руси как начало нескольких национальных культур, общие герои литературы и фольклора, общие модели литературного творчества) и общеславянских (представление об общем фонде народно-поэтического творчества, кирилло-мефодиевская традиция и т. д.). К числу межславянских и общеславянских традиций принадлежат также различные концепции движения славянской взаимности. Они сыграли чрезвычайно активную роль в осваивании других межславянских и общеславянских традиций отдельными славянскими народами, несмотря на то, что результатом всего этого развития оказалась не интеграция славянства, а его национальная дифференциация.

Богатейший фактический материал и методологическая ценность отличали доклад акад. Д. С. Лихачева (СССР) «Была ли эпоха так называемых „петровских реформ“ перерывом в развитии русской культуры?». Ученый показал, что петровское время является закономерным этапом в развитии русского общества и культуры, обусловленным совершившимся в XVI—XVII вв. процессом перехода от средневековья к новому времени, а не результатом западноевропейских влияний, которые только благодаря этому процессу и могли найти в России благодатную почву. В своем движении к культуре нового времени древняя Русь в силу ряда обстоятельств не имела своей эпохи Ренессанса, но необходимое ренессансное «освобождение личности» в ней совершалось, хотя и крайне медленно, в течение всего XVI, XVII, а отчасти и XVIII веков.

Особенно интенсивно переходные явления дают себя знать в XVII в. В это время культура (наука, искусство, в первую очередь) освобождаются от безраздельного господства церкви. Творчество писателей и художников становится гораздо более личностным. В искусстве и литературе появляются различные художественные направления, из которых наиболее примечательным было барокко, имевшее отчетливо выраженные русские черты.

Время «петровских реформ» стало наиболее ярким и внешне заметным проявлением того длительного перехода от средневековья к новому времени, который совершался в России в течение нескольких столетий.

Важным дополнением к докладу Лихачева стали сообщения А. Н. Робинсона (СССР) «Доминирующая роль русской драматургии и театра как видов искусства в эпоху петровских реформ», С. Грачиотти (Италия) «Функция утопии в славянских литературах XVIII в.», Р. Пиккио (США) «Вклад латино-романского наследия в развитие литературных систем славянских наций (XVIII—XIX вв.)».

Эпоха национального Возрождения в славянских странах сопровождалась резкой интенсификацией общения и контактов между родственными культурами единого этнического ареала, вызванной прежде всего «сходством общественного быта»²: подъем социальной и национальной борьбы, рост национального самосознания, реализованного зачастую в идее славянской взаимности и т. д. Этот духовный взаимообмен служил эффективным фактором прогресса славянских национальных культур.

Размах культурных связей имел особое значение, как показал украинский ученый Г. Д. Вервес, для ликвидации последствий некоторых перерывов (замедлений) в развитии культуры «негосударственных» народов путем овладения «последним словом» наиболее зрелых родственных славянских культур, обогащенных опытом мировой культуры (роль русской культуры — литературы, театра, журналистики — для культуры украинского, сербского, а несколько позже болгарского народов, польской — для чешской и хорватской культуры).

Своеобразие развития родственных культур порождало многообразие функциональных связей, им же объясняется и специфика типологических сходжений, а зачастую и последовательность их проявления. В то же время возрастает роль инославянской тематики в национальных искусствах, деятельность представителей национального Возрождения входит в инациональный культурный процесс, острее становится интернациональный характер славяноведения как науки.

Следует различать связи в период формирования славянских буржуазных наций и национальных культур и в период, последовавший за ним, отмеченный более четким размежеванием двух культур в рамках каждой национальной культуры, консолидацией прогрессивных деятелей славянских стран в борьбе против разных форм общественной и политической реакции.

Продуктивность межславянских культурных связей была раскрыта на обширном конкретном материале, содержащемся в выступлениях чл.-корр. АН УССР Е. П. Кирилюка «Роль идей славянской взаимности в становлении новой украинской культуры XIX в.», К. Розенбаума (Чехословакия) «Значение контактов словацкой литературы с литературами славянских народов в период национального Возрождения», М. Якубеца (Польша) «Польская литература и становление национальных культур южных славян в первой половине XIX в.», А. И. Мальдиса (БССР) «Роль межславянских литературных связей в формировании новой бе-

лорусской литературы (XVIII—XIX вв.)», Д. В. Степовика (УССР) «Творческие связи сербских и болгарских художников с Украиной в XVIII—XIX вв.».

Последовательное раскрытие основных закономерностей и явлений процесса формирования славянских национальных культур естественно приводит к рассмотрению культурных взаимоотношений славянских народов с другими, прежде всего европейскими, народами, а также вкладу славянских наций в общечеловеческий фонд духовных и художественных ценностей.

Значительность этого вклада общепризнана и подтверждена самим мировым культурным процессом, использующим в возрастающем объеме эстетические и этические достижения славянской культуры. Тем не менее еще далеко не все грани этого вклада получили всестороннее, адекватное его масштабам освещение. Эту задачу предстоит решить совместными усилиями ученых разных специальностей и стран.

Между тем широкое обращение к данной проблематике, характерное для московской конференции и предполагаемое в дальнейшем, на конференции в Берлине в 1976 г., имеет огромное значение для развития всего Славянского проекта ЮНЕСКО по пути его интернационализации, означающей привлечение к изучению славянских культур еще большего контингента ученых из неславянских стран, расширение круга людей, приобщенных к духовным богатствам славянского мира.

Роли славян в общеевропейской духовной жизни XVIII—XIX вв. были посвящены выступления ученым из ГДР Г. Цигенгайста «Славянские литературы и их взаимоотношения и контакты с культурами западноевропейских народов» и Х. Грасстофа «Русская культура в немецкой общественной мысли XVIII в.», Л. Робеля (Франция) «Из истории славистических исследований во Франции», доклад чл.-корр. Венгерской АН Э. Арато «Венгеро-славянские культурные связи в первой половине XIX в.» и обобщающий доклад И. Ф. Бэлзы (СССР) «Вклад славянских народов в мировую культуру».

Советский ученый подчеркнул, что мировое значение славянских культур признается обычно, лишь начиная с эпохи европейского романтизма. Между тем этическое-эстетические концепции, ярко проявившиеся в эту эпоху, зародились уже в далеком прошлом. Достаточно вспомнить о той роли, какую сыграли в развитии прогрессивной философской мысли во всей Европе и утверждении гуманистических принципов художественной культуры просветительские и педагогические труды Яна Амоса Коменского и амстердамские издания «Библиотеки польских братьев».

Что же касается вклада славянских народов в мировую культуру последних десятилетий XVIII и первых десятилетий

² Г. В. Плеханов. Избр. философ. произв. в пяти томах, т. I. М., 1956, стр. 658.

XIX в., т. е. в период формирования славянских национальных культур, то масштабы его представляются практически необозримыми. Необходимо еще более усилить разработку сохранившихся материалов, ибо в эту эпоху мировое значение славянской культуры определяется окончательно и бесповоротно. Принципиально важно отметить, что мировое признание гигантов славянского мира — Пушкина и Мицкевича, Шопена и Глинки и многих других — обусловлено не только их гениальной одаренностью, позволившей им достичь вершин художественного мастерства, но и — в первую очередь — глубокой идейностью, высоким гуманизмом и морально-этической силой их творчества, неразрывной связью этих великих деятелей с передовыми устремлениями своего века.

На конференции были заслушаны доклады, посвященные узловым моментам в общественном и художественном развитии русской нации: доклад Ф. Я. Приймы «Движение декабристов и его роль в развитии русской культуры», Л. Н. Пушкирева «Вклад Академии наук в русскую культуру XVIII — первой половины XIX в.», Б. Ф. Стахеева «Декабристское движение и культуры зарубежных славянских народов», В. И. Кулешова «Эстетическая мысль и национальная культура России», К. В. Пигарева «Взаимодействие литературы и искусства в России (XVIII — первая треть XIX в.)», А. Н. Савинова «Русское искусство XVIII — начала XIX в.», которые вызвали живой интерес у участников конференции.

Отмечая подлинную научную компетентность и высокий профессиональный уровень большинства докладов, сообщений и выступлений в дискуссии, прозвучавших в течение трех рабочих дней конференции, следует сказать, что по ряду вопросов наблюдалось несоответствие мнений, вполне естественное в условиях продолжающейся разработки сложного комплекса проблем, связанных с формированием славянских наций и национальных культур.

К числу спорных вопросов относится, например, периодизация эпохи славянского Возрождения (обязателен ли этап

Просвещения, что положить в основу определения последующего этапа — романтизм как доминирующее течение в художественной культуре или появление четко выраженных концепций национальной культуры как системы), характеристика типов культуры и др.

Многое предстоит сделать в отношении совершенствования понятийного и терминологического аппарата в области комплексного и сравнительно-исторического изучения славянских культур.

Высокий научный уровень конференции в значительной мере способствовал ее немалому международному политическому эффекту, отмечавшемуся в многочисленных откликах советской и зарубежной печати, выступлениях иностранных ученых на закрытии конференции и в речи заместителя Генерального директора ЮНЕСКО г-на Р. Хоггарта.

В заключительном слове председателя Оргкомитета чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Маркова подчеркивалось, что конференция убедительно подтвердила плодотворность комплексного подхода к изучению культуры Возрождения вообще, национального Возрождения в славянских странах в частности. Такие встречи объединяют ученых, способствуют выработке «сознания комплексности», т. е. ясного понимания единства культурно-исторического процесса, а отсюда — и единства многочисленных исследований разных наук, выступающих как компоненты целого.

Участники конференции единодушно одобрили подготовленный совещанием экспертов Славянского Проекта ЮНЕСКО «Итоговый доклад конференции» (полный текст доклада будет опубликован в следующем номере).

Советские слависты — организаторы и участники московской конференции ЮНЕСКО с удовлетворением оценивают научные и общественно-политические результаты важного славистического форума. Широкое участие в реализации Славянского Проекта ЮНЕСКО — одна из актуальных задач, стоящих перед советскими учеными.

В. И. Злыднев, Ю. И. Ритчик

ИНТЕРЕСНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

24 и 25 февраля 1975 г. в Москве состоялась Всесоюзная научная конференция «Историческое значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и социалистическими странами Европы», посвященная 30-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и освобождения народов Европы от фашизма. Конференция была ор-

ганизована Научным советом АН СССР по истории внешней политики СССР и международным отношениям, Институтом истории СССР АН СССР, Институтом всеобщей истории АН СССР, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР, Институтом военной истории МО СССР и Московским

Государственным институтом международных отношений МИД СССР. В работе конференции приняли участие советские ученые и ученые социалистических стран Европы.

Работу конференции открыл директор Института истории СССР АН СССР акад. А. Л. Нарочницкий. В своем вступительном слове он обрисовал важное теоретическое и идеологическое значение проблем, связанных с установлением межгосударственных отношений нового типа и формирования социалистического содружества в Европе.

Роли Советской Армии в освобождении народов Европы от фашизма посвятил свой доклад генерал-майор А. И. Шеховцев. В докладе д-ра ист. наук проф. Ш. П. Санакоева затрагивались вопросы, связанные с международно-политическим значением образования мировой социалистической системы в частности, с вытекающим из этого коренным изменением соотношения сил на международной арене.

После пленарного заседания работа продолжалась в секциях. Секцией I «СССР и развитие социалистического содружества» руководили д-р ист. наук Л. И. Нежинский (Москва) и член-корр. АН УССР И. Н. Мельникова (Киев).

Проблемам сотрудничества СССР и антифашистских сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на завершающем этапе второй мировой войны посвятили свои выступления д-р Е. Зеебер (Центральный институт истории АН ГДР) и д-р ист. наук М. И. Семиряга (Институт военной истории МО СССР). Канд. ист. наук В. К. Волков (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) и д-р ист. наук В. Я. Сиполс (Институт истории СССР АН СССР) рассмотрели в своих докладах вопросы послевоенного урегулирования.

В ряде докладов были рассмотрены различные аспекты общей проблемы международного сотрудничества социалистических стран; этой проблеме посвятили свои выступления д-р ист. наук А. П. Бутенко и канд. ист. наук Б. Н. Пугачев (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), канд. ист. наук А. В. Антосяк (Институт военной истории МО СССР), канд. ист. наук М. П. Павлова-Сильванская (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), д-р экон. наук Н. В. Баутина (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), д-р ист. наук Л. Н. Нежинский (Институт истории СССР АН СССР), канд. ист. наук А. И. Степанов (Дипломатическая академия МИД СССР) и д-р ист. наук П. С. Сохань (Институт истории АН УССР), канд. ист. наук М. А. Мунтян (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), чл.-корр. АН УССР И. Н. Мельникова. На про-

блемах двустороннего сотрудничества СССР с социалистическими странами Европы останавливались канд. ист. наук А. Наков (Институт истории БАН), канд. ист. наук Ч. Аморт (Чехословацко-советский институт АН ЧССР) и д-р Х. Беднарек (Центральный институт истории АН ГДР).

Чл.-корр. АН СССР С. Л. Тихвинский подробно рассмотрел в своем докладе проблемы укрепления социалистического содружества в свете антисоветской политики руководства ГНР.

Секцией II «Становление и развитие дружбы и сотрудничества между СССР и европейскими социалистическими странами» руководили д-р ист. наук А. И. Недорезов (Москва) и канд. ист. наук В. С. Толстой (Минск).

В докладе д-ра ист. наук В. Т. Фомина (АОН при ЦК КПСС) было рассмотрено развитие принципов социалистического строительства и интернационализма в международных отношениях нового типа, а в докладе канд. ист. наук В. Мелихара (Чехословацко-советский институт АН ЧССР) освещен вопрос об исторической закономерности образования народно-демократических государств в Европе и переходе их к строительству социализма как следствие основных социально-экономических изменений после второй мировой войны.

Проблемам советско-польских отношений были посвящены выступления д-ра ист. наук И. А. Хренова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) и канд. ист. наук А. К. Кавко (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), канд. ист. наук В. С. Толстого (Институт истории АН БССР) и проф. С. Я. Снятковского (директор Института славяноведения ПАН).

Проблемам болгарско-советского сотрудничества посвятили свои выступления канд. ист. наук А. Е. Иоффе и м. н. с. Ю. Н. Жиленко (Институт истории СССР АН СССР), канд. ист. наук Б. Матеев (Институт истории БАН), канд. ист. наук Г. Г. Сергеева (Институт истории АН БССР).

Венгерские ученые д-р ист. наук Л. Керекеш и канд. ист. наук И. Вида (Институт истории ВАН) и советский ученый д-р ист. наук А. И. Пушкаш (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) рассмотрели ряд аспектов советско-венгерских отношений.

«Основные аспекты развития братского сотрудничества СССР и ГДР» были темой выступления канд. ист. наук В. И. Милюковой (Институт истории СССР АН СССР) и доклада проф. Р. Бадштюбнера (Центральный институт истории ГДР).

Советско-румынским отношениям были посвящены доклад румынских ученых канд. ист. наук Г. Унка и н. с. И. Калафеяну (Институт исторических и социально-политических наук при ЦК РКП)

и канд. ист. наук А. А. Шевякова (Институт истории СССР АН СССР).

Проблемы чехословацко-советских отношений нашли свое отражение в докладах д-ра ист. наук Й. Грозинчика (Институт истории европейской социалистических стран в Братиславе), канд. ист. наук А. Р. Янина (МГИМО МИД СССР), доктора ист. наук И. А. Петерса (Институт истории АН УССР), канд. ист. наук Л. П. Мироницкого (Институт истории АН БССР).

Советско-югославское сотрудничество в борьбе с фашизмом было темой выступления канд. ист. наук Г. М. Славина (Институт славяноведения и балканистики АН СССР). Д-р ист. наук М. Д. Смирнова (Институт всеобщей истории АН СССР) посвятила свой доклад некоторым вопросам советско-албанских отношений послевоенного периода. Борьбе Советского Союза за дипломатическое признание демократических правительств Болгарии

и Румынии посвятил доклад н.с. К. Л. Жигня (Институт истории АН МССР).

Профессор Т. Р. Джураев остановился в своем выступлении на вкладе УССР в установление дружбы и сотрудничества между социалистическими странами и задачах идеологического воспитания трудящихся социалистических стран.

На заключительном пленарном заседании руководители секций подвели итоги конференции. Было отмечено как положительный факт, что выступавшие рассматривали поднятые проблемы в тесной связи с общей международной обстановкой — борьбой между социализмом и капитализмом на мировой арене, а также то, что двустороннее сотрудничество между СССР и странами региона исследовалось как составная часть комплексного процесса экономической, политической и культурной интеграции стран социализма.

И. В. Зайчиков

ТРЕТЬЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЭТНОГРАФИИ»

10—12 февраля 1975 г. в Ленинграде проходила третья конференция «Ареальные исследования в языкознании и этнографии», посвященная на этот раз теме «Методика лингво- и этнографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы». В ее работе принимали участие лингвисты и этнографы Москвы, Ленинграда, Киева, Кишинева, Минска, Вильнюса, Львова, Махачкалы и других городов. Во время конференции обсуждались следующие проблемы: общие вопросы ареальных исследований; ареальные исследования в индоевропейском языкознании; особенности контактных зон; лексика, семантика, фонетика в маргинальных ареалах; характеристика маргинальных ареалов; влияние административных и политических границ на языковые движения; соотношение изоглосс и изопрагм; картографирование отдельных явлений и составление атласов; методика работы с картой и источники ареальных исследований.

Кроме пленарных заседаний, доклады и сообщения заслушивались на четырех секциях: I — славянские и прибалтийские языки и народы; II — романские языки; III — индоевропейское языкознание; германские, иранские, кавказские и финноугорские языки; IV — тюркское языкознание; языки и народы Сибири.

На секции I было прочтено 8 докладов и 12 сообщений, в которых получила отражение почти вся проблематика конференции. Среди них особенно выделились выступления, в которых лингвистический анализ тесно переплетался с данными этнографии, а именно: «О сопоставлении лингвистических и этнографических ареалов

(к методике работы с источниками ареалогических исследований)» (О. Н. Мсраховская, Москва); «Совпадающие изоглоссы и изопрагмы при дифференциации ареалов» (Л. Т. Выгонная, Минск); «О двух типах изоглосс и изопрагм в Брестско-Пинском Полесье» (Ф. Д. Климчук, Минск); «Ареалы и этимология двух слов с прозрачной внутренней формой» (Н. В. Попова, Ленинград); «К вопросу о соотношении ареалов слов и реалий» (И. А. Попов, Ленинград).

Несколько докладов было посвящено вопросам языковой интерференции и изучению лексических заимствований — межъязыковых, междialeктных или заимствований из литературного языка в говоры: «Некоторые явления языковой интерференции в белорусских говорах литовского пограничья» (Э. И. Гранавяцкене, Ю. Ф. Мацкевич, Вильнюс, Минск); «Особенности лексического заимствования из одного языка-источника в маргинальные диалекты разных языков» (Ю. Лаучюте, Ленинград); «Методика составления атласов лексических заимствований в украинских говорах карпатского ареала» (П. Н. Лизанец, Ужгород); «К вопросу об использовании методов ареальной лингвистики для определения характера влияния литературного языка на диалекты» (О. Г. Порохова, Ленинград); «Проблемы взаимодействия пограничных говоров близкородственных восточнославянских языков (на материале говоров Брянской области РСФСР)» (А. М. Родионова-Нащекина, Ленинград); «К лексической проблематике белорусского маргинального ареала» (А. Е. Суирун, Минск); «К вопросу об ареальной реконст-

рукции прусского языка» (А. П. Непокупный, Киев).

Доклады молодых московских лингвистов О. А. Терновской, А. Ф. Журавлева и А. В. Гуры, касавшиеся славянской и русской обрядности, отличались ярко выраженным лингвотнографическим характером, ставшим предметом дискуссии.

В докладе А. С. Герда (Ленинград) обращалось внимание на недостатки существующих методов лингвистической географии и предлагалось в качестве взаимодополняющего метода использовать метод сопоставления локальных микрорайонов. Возможности ареальных исследований по материалам древних рукописных источников обсуждались в докладе Л. П. Жуковской (Москва); методика картографирования семантического поля излагалась в сообщении Н. В. Никончука (Житомир); в докладе Ю. С. Азарх (Москва) была предпринята попытка выявить типичные для разных периодов истории русского языка модели апеллятивов и топонимов с корнями, обозначающими дерево определенной породы; об использовании лингвогеографии при установлении относительной хронологии лексики говорилось в сообщении А. С. Соколовской (Минск); Б. П. Полевым (Ленинград) сделано сообщение «Значение ареальных исследований для решения вопроса о месте основания первого русского поселения на Кольме».

Проблемы славянских и балтийских ареальных исследований обсуждались и на пленарных заседаниях. Были прослушаны доклады: «Противопоставлены ли в

современной Славии центральный и маргинальный ареалы?» (Н. И. Толстой, Москва), «Картографирование культуры населения Латгалии в связи с историей ее формирования» (Л. Н. Терентьева, Москва). Материал славянских и балтийских языков привлекался в докладе В. Н. Чекмана (Минск) «Лингвогеографический и типологический аспекты исследования изменений в фонетике», зачитанном на секции III.

Выступления участников конференции, и в особенности завязавшаяся дискуссия, выявили два разных подхода к ареальным исследованиям в лингвистике и этнографии. С одной стороны, намечалось стремление объединить эти две науки, создать «этнографическую диалектологию» (Н. И. Толстой, К. В. Чистов и др.). С другой стороны, подчеркивалась необходимость четко разграничивать цели, задачи, методы исследований в лингвистике и этнографии, хотя союз этих двух наук признается возможным; ареалогия же, возникшая на стыке многих дисциплин, должна быть четко отделена и от лингвистики и от этнографии (А. С. Герд, Л. Т. Выгонная). Против выделения ареалогии как особой науки высказывался А. Е. Супрун.

В резолюции конференции был отмечен общий высокий научный уровень прочитанных докладов и сообщений; подчеркивалась также целесообразность дальнейших ареальных исследований в сотрудничестве лингвистики и этнографии.

Ю. Лауцмане

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ «ИЗБОРНИКУ 1073 г.»

Конференция была организована тремя учреждениями: Институтом русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Институтом литературы Болгарской АН и Советом по истории мировой литературы АН СССР. Она проходила 31 октября и 1 ноября 1974 г. в Пушкинском доме.

Изборник 1073 года — вторая по времени (после Остромирова евангелия 1056 г.) из дошедших до нас датированных древнерусских рукописей. Переписанный с болгарского оригинала примерно через 150 лет после его составления, Изборник 1073 года является вместе с тем единственным (как отметил в своем докладе Н. Н. Розов) памятником золотого века царя Симеона, сохранившимся в столь близком списке и столь полном виде. Этим определяется значение данного памятника для истории болгарской и русской культуры. Изборник сохранял свое значение в древнерусской письменности вплоть до 17 века, являясь (как отметил академик Д. С. Лихачев) излюбленным и наиболее распространенным видом сборника для индивидуального чтения древнерусских людей: это книга-библиотека,

сосредоточившая в себе сведения из всех областей знаний своего времени (богословия, филологии, естественных наук) в изложении виднейших писателей-богословов греко-славянского мира.

Отметив, что данная конференция совпадает с празднованием тридцатилетия Народной Республики Болгарии Д. С. Лихачев сказал, что она является началом большой совместной работы по подготовке научного издания Изборника, в которой примут участие болгарские и советские ученые.

В докладах, прочитанных на конференции, было освещено значение Изборника 1073 г. в истории болгарской и русской культуры, анализировалось содержание Изборника в связи с запросами времени его создания в Болгарии и переписки на Руси, рассматривались вопросы о распространении сборника в древней Руси, о том, как Сборник попал на Русь, кто был его первым владельцем, переписан ли он с копии или непосредственно с болгарского оригинала, вопросы, связанные с художественным оформлением Изборника (является ли это копией с болгарского ори-

гинала, как проявилось в сборнике творчество русских художников, отношение к византийскому искусству), рассматривался вопрос о типе книги, к которому относится Изборник, вопросы техники и искусства перевода, степени языковой и идейной адаптации сборника на русской почве и некоторые другие. Так как данная конференция рассматривалась ее участниками как начало совместной работы советских и болгарских ученых над изучением и изданием Изборника, большое внимание было уделено обсуждению задач и проблем будущей работы. Об этом говорилось в специальных докладах Л. П. Жуковской и Н. Н. Розова, во вступительном слове акад. Д. С. Лихачева, в заключительном слове акад. П. Динекова, а также в других докладах и выступлениях.

В докладе Л. П. Жуковской «Изборник 1073 г. Состояние и задачи изучения» были рассмотрены задачи кодикологического, палеографического и текстологического исследования Изборника. В докладе Н. Н. Розова «О научном издании Изборника 1073 г.» сформулированы предложения о плане публикации, в которой предполагается дать: 1) фототипию древнего списка, 2) наборное издание списка 1073 г. с палеографическим описанием и словоуказателем, 3) издание Кирилло-Белозерского списка XVI в. с вариантами по другим доступным спискам.

В докладе акад. П. Динекова «Симеоновский сборник в развитии староболгарской культуры» была охарактеризована культурно-историческая обстановка в Болгарии при царе Симеоне — обстановка высокого подъема болгарской культуры, и показано, что Симеоновский сборник — вполне закономерное явление своего времени и полностью отвечает культурной политике симеоновской Болгарии. Охарактеризовав содержание Сборника, его энциклопедический характер (сборник содержит 383 статьи 25 авторов), докладчик сказал, что важной общественной функцией Сборника было преодоление языческого мировоззрения и утверждение христианства, широкая популяризация знаний, введение болгарского общества в новый для него свет философских идей, знакомство с античной мыслью. Он останавливается на вопросе высокого мастерства перевода, характеризует Сборник как образец прикладного искусства, свидетельствующий о высокой художественной культуре симеоновской Болгарии. Наконец, докладчик характеризует роль болгарской литературы как посредника между Византией и славянским миром, отмечая, что болгарская литература блестяще выполнила свою историческую миссию. Симеонов сборник — произведение большой научной и культурной ценности — свидетельство высокой культуры болгарского общества X в. Поэтому открытие рукописи Изборника 1073 г. в начале

XIX в. было научной сенсацией. Переводная литература эпохи царя Симеона, отметил проф. Динеков, не нашла еще должной оценки, не раскрыта и в достаточной мере не анализирована.

Тема идейной связи Сборника с эпохой первого Болгарского царства и вопрос о его создателях и переводчиках был рассмотрен в докладе Э. Георгиева «Симеоновский сборник и царь Симеон». Эпоха царя Симеона является эпохой крупных событий в истории Болгарии: родовая формация сменяется феодальной, Болгария входит в сферу средневековой духовной жизни. На этом историческом фоне возникает Сборник как философское, богословское и идеологическое обоснование нового общества, проповедь новых взглядов на мир, бога и человека. По мнению докладчика, Сборник был создан руководителями тогдашней жизни — царем Симеоном и Иоанном Экзархом, болгарским философом и богословом, переводчиком сочинений И. Дамаскина и «Шестоднева». Это заключение автор обосновывает анализом «Похвального слова Симеону» со стороны его содержания, риторических приемов, теории и практики перевода, языка, которые аналогичны тому, что находим в других творениях Иоанна Экзарха.

В докладе К. Куева «Симеоновский сборник и его распространение в старых славянских литературах» высказано мнение, что Сборник Симеона был вывезен из Преслава во время похода Святослава. В докладе приведен богатый материал о списках Сборника на Руси, материал, в значительной степени собранный самим автором.

В докладе акад. Б. А. Рыбакова были приведены аргументы в пользу догадки С. П. Шевырева о том, что Изборник был переписан для князя Изяслава.

В докладе Е. М. Верецагина «Ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике 1073 г.» рассмотрен вопрос о лексическом варьировании в тексте цитат из книг Священного писания. Автор приходит к тем же выводам, которые дает анализ языка старославянских памятников, а именно, что лексические нормы были достаточно широкими, видимо потому, что канонический текст Псалтыри и Евангелия к X—XI в. еще не сложился. Данные Изборника интересны не только для русистов, но также для исследователей первого литературного языка славян.

Н. А. Мецкерский в докладе «Взаимоотношение Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г.», основываясь на данных языка, главным образом лексики, показывает, что Изборники 1073 и 1076 г. являются текстами разными по происхождению (Изборник 1076 г., по мнению автора, составлен на славянской почве) и отражают разную степень адаптации на русской почве: Изборник 1076 г. можно назвать памятником древнерусского языка.

Доклад Е. Э. Гранстрем и Л. С. Ковтун «Поэтические термины в Изборнике 1073 г. и развитие их в русской традиции» рассматривает вопрос о переводе и раскрытии содержания греческих терминов славянскими переводчиками (на материале трактата Хировоска о тропях). Вопрос о переводе греческих тропов рассматривается в докладе Г. К. Вагнера «Слово об образех» в Изборнике 1073 г. и русское искусство XI в.». Автор показывает, что перевод гр. *Фроπος* словом *о б р а з* не случаен, но полностью отвечает содержанию понятия данного греческого термина.

В докладе Р. А. Симонова «Числовые обозначения в Изборнике 1073 г.» приведены интересные данные, касающиеся начертания цифр 6 и 900, а также расположения цифр в двузначных числах, которые позволяют судить о связи отдельных редакций текста.

Естественнонаучным статьям Изборника был посвящен доклад В. К. Кузакова «Естественнознание Изборника 1073 г.».

Философским проблемам Сборника были посвящены доклады В. Велчева «Неоплатоновские традиции в Сборнике Симеона» и Б. Пейчева «Трактат Теодора Райтунского как интерпретация категорий Аристотеля в Изборнике 1073 г.». Ставя вопрос о личности автора, Б. Пейчев устанавливает идентичность текста в Изборнике с греческим текстом, принадлежащим, по предположению, Теодору из Райту, а также высказывает предположение, что это лицо можно отождествить с загадочной фигурой Теодора из Фаррана — основателя монотеизма. Анализ «Похвалы царю Симеону» и ее проникновению в старославянские произведения был посвящен доклад Б. Ангелова. На большом конкретном материале был построен доклад И. Добрева «Символические и аллегорические мотивы в орнаменте Сборника 1073 г.». Раскрыв аллегорический смысл рисунков в орнаменте сборника, автор показал их связь с византийской и древнеболгарской традицией.

Анализу различных сторон художественного оформления Изборника был посвящен ряд докладов русских ученых. В докладе В. В. Гиршберга «Человек в знаках зодиака Изборника 1073 г. и русское искусство XI в.» показана связь рисунков зодиакального цикла с изображением человека в древнерусском искусстве. В. Д. Лихачева в докладе «Византийские источники архитектурных фронтисписов Изборника 1073 г.» про-

слеживает особое значение византийских образцов для архитектурного обрамления миниатюр Изборника. В докладе О. И. Подобедовой «Изборник 1073 г. как тип книги» анализируется иллюстративная сторона книги и ее роль в организации текста. Автор характеризует основные типы древнеславянских рукописных книг, определяет, к какому из них принадлежит Изборник, рассматривает вопрос о типе оформления рукописных книг в круге царя Симеона, характеризует высокую культуру книжного дела в Древней Руси.

Доклады, прочитанные на конференции, дали разностороннюю характеристику содержания и оформления Сборника, осветили степень изученности различных вопросов и дальнейшие задачи изучения, показали важное значение данных Изборника для изучения различных вопросов истории древнеболгарской и древнерусской культуры и истории литературного языка южных и восточных славян.

Выступающие по докладам говорили о работе по выявлению списков Изборника и их исследовании (Л. П. Грязина, Н. А. Щербачева — ВГБЛ), о некоторых методологических аспектах исследования (С. О. Шмидт), о значении текста Изборника для реконструкции ранних греческих сборников (Э. Г. Самодурова); Э. Георгиев познакомил собравшихся с планами Института истории болгарской литературы БАН. Была вынесена благодарность собравшихся организаторам конференции.

Подводя итоги работы конференции, акад. П. Динев сказал, что конференция прошла интересно и безусловно успешно, отметил разносторонность дискуссии, выявившей ряд спорных и нерешенных вопросов (например, вопрос о протографе Сборника, о том, где были созданы миниатюры, и другие). Формулируя дальнейшие задачи, он отметил необходимость осуществления научного издания Сборника, продолжение работы по его изучению и, в качестве организационных мер, предложил создать постоянную комиссию для руководства работой по изданию и изучению Сборника. От имени болгарской делегации проф. Динев выразил признательность непосредственным организаторам этой конференции. Акад. Д. С. Лихачев со своей стороны поблагодарил докладчиков и все организации, приславшие своих представителей на эту конференцию.

Е. В. Чешко

НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ Л. В. ЩЕРБЫ

25 декабря 1974 г. на филологическом факультете Ленинградского государственного университета состоялось заседание, посвященное 30-летию со дня смерти академика Л. В. Щербы, выдающегося лингвиста, теоретика и фонетиста, внесшего значительный вклад и в славянскую филологию.

На заседании было представлено три доклада. Первый из них — воспоминания писателя Л. В. Успенского о преподавательской деятельности профессора Л. В. Щербы.

Доклад Л. В. Бондарко «Лингвистические проблемы исследования восприятия речевых единиц» был посвящен описанию фонемной интерпретации согласных, обладающих фонетическими свойствами, противоречащими их различительным признакам. Это рассматривалось на примере русских аффрикат [с] и [ѣ] и заднеязычного щелевого [х], реализующихся в виде звонких аллофонов перед звонкими шумными (*отец болен, дочь гуляет* и т. д.). Экспериментальный материал был записан в произношении четырех дикторов и содержал 36 фраз с интересующими сочетаниями ([с] и [ѣ] перед словами, начинающимися с губного, переднеязычного и заднеязычного звонкого шумного), а также контрольные фразы, где исследуемые согласные находились перед глухими шумными. Испытуемым аудиторам предъявлялись выделенные из этих фраз звуки в различных фонетических контекстах. Оказалось, что звонкость как фонетический признак опознается очень хорошо, однако остальные признаки согласных могут «затемняться»: для аффрикат наиболее неустойчивым оказывается признак смычности, для [х] — его заднеязычный характер.

Кроме идентификации согласных на основе фонетических характеристик испытуемые решали и другую задачу — определяли степень близости услышанного звука к определенному набору фонем. Оказалось, что аффрикаты оцениваются как наиболее близкие к звонким щелевым переднеязычным согласным, тогда как звонкий аллофон [х] — к заднеязычному смычному звонкому [д]. Интересно, что предъявление целого слова с необычным (звонким) консонантным завершением далеко не всегда достаточно для правильного распознавания — часто только широким смысловым контекст снимает фонетическую и фонемную неопределенность.

Результаты опытов позволяют наблюдать конкретные механизмы нарушения языковой иерархии, необходимого для фонемной идентификации звуковых сегментов, а также оценить возможности перестройки фонологической системы, зависящие от реализации противопоставле-

ний в речи и оценки их в языковом сознании говорящих.

В докладе Т. М. Николаевой «Понятие синтагмы (по Л. В. Щербе) и теория высказывания» были намечены три комплекса идей, связанных с щербовской трактовкой синтагмы.

Первая линия связана с синтагмой как оправданием лингвистического статуса фразовой интонации. Та неперемещаемость языковых и смысловых связей в рамках синтагмы, на которой настаивал Л. В. Щерба, связывает интонацию с сегментными единицами и отличает синтагму от других собственно интонационных понятий (ритмическая группа, дыхательный такт и т. п.).

Вторая линия связана с проблемой членности высказывания в его актуализованном воплощении. Наиболее распространенным и известным в теории высказывания является двучленное разбиение на так называемые тему и рему — актуальное членение. Однако несомненно, что все случаи и типы разбиения высказывания не сводятся только к актуальному членению. Положение Щербы о том, что «синтагмы могут объединяться в группы высшего порядка с разными интонациями и в конце концов образуют фразу» позволяет более тонко квалифицировать различные типы членения высказывания. В связи с этим именно то настаивание на фонетичности в трактовке синтагмы, за которое иногда упрекали Л. В. Щербу, сводя синтагму к комплексу идей словосочетаний или членов предложения, предоставляет возможность нахождения замкнутого списка смысловых отношений, передаваемых членами фразы на базе формальных показателей («разные интонации»). Таким образом, смысловая интерпретация посинтагменного членения фразы, предложенного Л. В. Щербой, наиболее близко соотносится с концепцией разных, но не бесконечно варьирующихся типов смысловых отношений внутри фразы, принадлежащей С. И. Карцевскому (в его терминологии, синтагмы — это «части фразы»). Примечательно, что концептуально оба ученых оказываются очень близкими и принципиально различная трактовка самого термина «синтагма» не оказывается — при более широком подходе — существенной для общей теории фразы.

Третья линия — это возможность неоднозначной трактовки актуального членения предложения, вытекающая из анализа лексико-грамматического состава расчленяемых предложений. Между темой и ремой оказывается в ряде случаев целесообразным выделить некоторый х, который может интерпретироваться по-разному. Именно на это указывал Л. В. Щерба, разбирая типы двучленного и одночлен-

ных фраз разной степени сложности, где двучленность не противоречит внесению дополнительного смыслового качества (причинные, временные и т. д. отношения).

В заключительной части доклада рассматривалась идея синтагмы как сегмент-

ной минимальной единицы коммуникативного синтаксиса, синтаксиса высказывания, в его отличии от конструктивного синтаксиса, синтаксиса предложения.

Л. В. Бондарко, Т. М. Николаева

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ П. Г. БОГАТЫРЕВА

В Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии секцией фольклора ежегодно проводятся чтения памяти ученого-слависта, фольклориста, этнографа, литературоведа и переводчика, профессора Московского университета — П. Г. Богатырева.

Первые «Чтения» были посвящены теме «Драматические формы народных обрядов», вторая тема называлась «Функции фольклора» и третья — «Взаимодействие различных видов народного искусства» (11—12 декабря 1974 г.).

Во вступительном слове В. Е. Гусев (Ленинград) — председатель первого дня — подчеркнул, что тема «Чтений» была подхвачена еще П. Г. Богатыревым на конференции «Историческое развитие народного театра». Комплексное изучение фольклора, к которому призывал П. Г. Богатырев, становится в настоящее время вопросом актуальным, а последняя тема «Чтений» имеет общенаучное значение и нашла одобрение в Совете мировой культуры.

В первый день конференции был заслушан доклад В. П. Аникина (Москва) на тему «Соединение разных видов искусства в народной игре». На примере народных детских игр было рассмотрено явление синкретизма, свойственное всем фольклорным жанрам. Докладчик подробно остановился на природе этого явления, подчеркнув, что комплексный подход к фольклору невозможен без изучения синкретизма. Эта постановка вопроса задала тон дальнейшему ходу конференции.

Д. М. Балашов (Петрозаводск) выступил с докладом «О характере внутриродовых взаимодействий различных жанров фольклора (постановка вопроса)». Докладчик высказал мысль о том, что исчезновение магической и заклинательной функций создало возможность взаимодействия различных жанров. Хороводная лирика стала переходить в свадебную, былины стали походить на балладу и даже на сказку; некоторые сюжеты исчезли. Автор рассматривает эпос как сумму сюжетов, которые пришли в него из разных жанров.

В докладе С. Н. Азбелева (Ленинград) «Взаимосвязь идейно-художественных тенденций эпоса и зодчества Новгородской земли» сопоставлялись образы фольклора и зодчества и был сделан вывод о

существовании в Новгороде собственной системы образов.

В. В. Сикевич-Гудкова (Петрозаводск) сделала доклад «Взаимодействие песенных и драматических элементов в медвежьих праздниках у северных хантов». Материал к этому докладу был собран еще в 1931 г., когда технических средств для записи фольклора не было. Докладчица сама исполнила все записанные ею песни, продемонстрировав редчайший материал, который исчез с изменением быта хантов. С. А. Шентаев (Ленинград) сопоставил стих и прозу разинского цикла, придя к выводу, что спешность является характерной для них чертой. Было отмечено, что драматизм преобладает больше в прозе, а в стихотворных жанрах намечается тенденция психологического раскрытия характеров героев.

В заключение первого дня конференции выступил Б. М. Путилов (Ленинград). Он подчеркнул важность поднятой на конференции темы, отметил, что из прослушанных докладов уже видно, по какому пути пойдет поиск способов типологической периодизации. К выступлению Б. М. Путилова присоединились Г. Г. Шаповалова (Ленинград) и др.

Второй день конференции открылся докладом В. Е. Гусева «Русский лубок и народный театр». Докладчик обратил особое внимание на изображение движения на лубочных картинках, которое усиливает драматизм сценок. Драматизм, выраженный изображением застывшего движения, по мнению докладчика, присутствует в последней сцене комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», что позволяет думать о влиянии лубочных традиций на творчество великого русского писателя. Доклад вызвал живой интерес у аудитории.

Н. М. Бачинская (Москва) прочитала доклад «О методах сравнительного изучения пространственных и временных видов фольклора». Докладчица пришла к выводу, что разные виды народного творчества объединяет общий ритм, характеризующий эпоху. Сравнив также произведение профессионального искусства и народного творчества одного периода, она обнаружила в ритме много общего. Оригинальная постановка вопроса привлекла внимание присутствующих.

Третьим был заслушан доклад И. П. Уваровой (Ленинград) «Костюм и пластика в народном театре» (на приме-

ре народного театра Молдавии, Украины, России). Кроме интересных сведений докладчица продемонстрировала коллекции масок молдавской игры «Маланка» и фотографии различных обрядовых игр.

Н. Велецкая (Москва) рассказала о надгробиях, увиденных ею в Югославии. Докладчица отметила, что в символике югославских и кавказских надгробий много общего. Докладчице были высказаны пожелания заняться изучением материала, который она представила.

Мацевский выступил с интересным сообщением об эксперименте, проделанном в экспедиции секцией фольклора Института театра, музыки и кинематографии. Эксперимент заключался в синхронной записи известной русской хороводной народной песни «А мы просо сеяли» фольклористом, диалектологом, хореографом, музыковедом. Результат эксперимента подтвердил, что слово, жест и музыка совпадают в своем ритме, и был

отражен в представленной схеме. Сообщение Мацевского явилось откликом на доклад Н. М. Бачинской и также заинтересовало слушателей.

И. И. Земцовский (Ленинград) интересно рассказал о русских масленичных и хороводных песнях, на примере которых он показал, что открытие понятия синкретизма — величайшее завоевание фольклористики, так как фольклор — искусство полифункциональное.

В выступлении Т. Г. Булак (Москва) речь шла о влиянии городских фольклорных жанров на народную рекламу. Выступление было построено на материале забытого фольклорного жанра — народной рекламы, привлекающей внимание не только своей связью с другими фольклорными жанрами, но и непосредственной связью с жизнью, вследствие чего в ней отразились исторические события и социальные процессы.

Т. Г. Булак

ДЕСЯТЫЙ ЮБИЛЕЙ САС

«Вы станете мостом, который помогает взаимопониманию народов и их сближению, который поможет этому миру жить в атмосфере безопасности и доверия» — эти слова были обращены к участникам X летних курсов словацкого языка и культуры.

Летние курсы словацкого языка и культуры, ежегодно устраиваемые философским факультетом Братиславского университета им. Я. А. Коменского, в 1974 г. проходили в период оживленной подготовки к 30-летию Словацкого национального восстания. Это не могло не повлиять на программу семинара и общую атмосферу занятий. Кроме того, в 1974 г. «Студия академика словака» (САС) отмечала первый юбилей — 10 лет своего существования. Все это обусловило рекордное количество стран-участников и максимальное число слушателей семинара. Если в первый год (1964) на курсах САС было всего 17 человек, то в этом году — 110 человек из 22 стран. За 10 лет существования курсов их закончили более 800 человек.

Семинар «Студия академика словака» ставит своей целью совершенствование знаний словацкого языка, литературы, искусства и современной жизни Словацкой Социалистической Республики. Это учитывалось в программе курсов, отличавшейся исключительной продуманностью и разнообразием.

Участники семинара были разделены на 11 групп, составленных в соответствии с уровнем языковой подготовки. Относительная малочисленность групп давала возможность преподавателям учитывать индивидуальные особенности слушателей,

дифференцированно подходить к составлению домашних заданий.

Рабочий день начинался двухчасовыми практическими занятиями словацким языком, во время которых внимание уделялось овладению навыками разговорной речи, усвоению языкового минимума, правильного произношения. Хорошим подспорьем в изучении языка явились методические и учебные пособия, подготовленные специально для курсов и подаренные их участникам. Это — «Словацкий язык», пособие для иностранцев, написанное преподавателями курсов П. Балажем и М. Даровцем; «Мы познаем Словакию» — физико-географический и культурно-исторический обзор, также составленный преподавателем И. Прокопом, и другие.

Значительная часть аудиторного времени отводилась для лекций, главным образом по языкознанию и литературе. Руководитель курсов — доцент Братиславского университета Й. Мистрик прочитал исключительно интересную лекцию о языковом минимуме словацкого языка, а также выступил с «Прогнозом развития словацкого языка». Запомнилась также лекция проф. К. Розенбаума «Революционные традиции словацкой литературы». Большое внимание уделялось истории становления и развития национальной культуры, взаимному влиянию славянских культур, месту словацкой культуры в общеевропейском культурном наследии. В этом году была прочитана лекция о современной экономике Словакии.

Словацкое национальное восстание нашло отражение в программе курсов юбилейного года. Практически в каждой лек-

ции так или иначе присутствовало это величайшее событие национальной истории. Кроме того, 30-летию Словацкого национального восстания был специально посвящен ряд лекций и встреч. Прежде всего хотелось сказать о беседе с народным деятелем искусств, писателем, участником восстания, Владимиром Миначем, который остановился на вопросах влияния восстания на творчество писателей его поколения и на современную молодежь. Интерес слушателей вызвали также лекции доц. Я. Черного «Словацкое национальное восстание в контексте эпохи», Б. Трухларжа «Словацкое национальное восстание и литература».

К чтению лекций привлекались ведущие ученые философского и других факультетов Братиславского университета, Словацкой академии наук и других научных учреждений. Лекции читались на словацком языке и пользовались большой популярностью у слушателей, вызвали большое количество вопросов, почти всегда заканчивались оживленной дискуссией. Ценным подарком для каждого участника курсов явился хорошо оформленный том, объемом 20 п.л., содержащий тексты прочитанных лекций.

Активно участвовали члены САС в большинстве факультативных мероприятий и культурной программе. Эта часть была логическим продолжением и дополнением теоретических знаний, полученных во время обязательных занятий. Администрация курсов организовала встречу с представителями культурной жизни Словакии, посещение университетской библиотеки, «Матицы Словацкой», новой телестудии, встречу с работниками словацких издательств. Лекция директора Словацкой филармонии о сов-

ременной музыкальной культуре Словакии была продолжена встречей с одним из крупнейших словацких композиторов Я. Циккером и прослушиванием его произведений. Лекции о народном творчестве подкреплялись посещением музеев, выставок, знакомством с искусством народного рассказчика Л. Зеленки, концертом с участием известной исполнительницы народных песен Д. Лащиаковой. Просмотры кинофильмов, прогулки по Дунаю, ватра (костер) в ночном лесу и збойничские яношиковские песни обрамляли рабочую часть программы.

Интереснейшим моментом пребывания в Словакии явилась пятидневная экскурсия по наиболее живописным и интересным с исторической точки зрения местам, связанным прежде всего со Словацким национальным восстанием. На могилу Людовита Штура в Модре были возложены цветы, был осмотрен всемирно-известный алтарь Майстра Павла в костеле св. Якуба в Левочах, Деменовские пещеры, Татры.

По общей оценке слушателей тщательно подготовленная программа обеспечила успех X юбилейных курсов словацкого языка. Курсам уделяли большое внимание пресса, радио, телевидение. Представители всех стран, участвовавших в работе САС, были приняты приматорами городов Братиславы, Трнавы, Левочи и Мартина.

Ежегодные курсы словацкого языка и культуры являются крупным событием в жизни братского народа, имеющим международное значение. Они способствуют укреплению дружбы между народами, позволяют узнать современную Словакию.

Т. Б. Ионова

АКАДЕМИК ЮЛЬОШ СТАЖИНСКИЙ

11 декабря 1974 г. в Варшаве скончался директор Института искусств Польской академии наук, акад. Юльош Стажинский.

Еще совсем недавно, в конце ноября, польский ученый был среди нас, принимал деятельное участие в Международной научной конференции «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций», организованной Комитетом по изучению славянских культур Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО и Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР. Приехав в Москву во главе польской делегации, акад. Стажинский со свойственным ему блеском выступал на конференции, беседовал со многими делегатами, председательствовал на одном из заседаний и обсуждал планы дальнейшего международного сотрудничества славистов — историков культуры.

Юльош Стажинский родился в 1906 г. во Львове. Там он учился в Третьей классической гимназии, по окончании которой поступил в Варшавский университет, где специализировался в области истории искусств. Зарубежные поездки помогли ему, благодаря знанию основных европейских языков, овладеть огромным историко-культурным материалом, далеко не ограничивавшимся только изобразительным искусством. Широта интересов и обобщений проявилась уже в первых работах ученого, опубликованных еще до войны, — «Истории польского искусства» (совместно с Михалом Валицким), в монографии о Виланове — резиденции короля Яна Собеского и др. До войны началась и педагогическая работа Стажинского (в качестве доцента Варшавского университета) и разносторонняя организационная и публицистическая деятельность, в частности в качестве редактора известного прогрессивного журнала «Нике».

Войну профессор Стажинский встретил в рядах польской армии в чине поручика войск связи, а затем попал в фашистский лагерь Мурнау, где, как вспоминали позже узники, старался поддерживать в них бодрость и веру в победу, читал патристические стихи польских поэтов. Он и сам был поэтом, его литературное дарование с блеском проявилось

в нескольких пьесах и прекрасных переводах сонетов Микелаццело.

Необычайно широко развернулась многогранная деятельность Юльоша Стажинского после освобождения Польши от гитлеровских оккупантов. Именно он основал и на протяжении почти всего времени существования возглавлял Институт искусств, входя одновременно в состав профессуры Варшавского университета, а также на протяжении нескольких лет руководя Бюро сотрудничества с границей Министерства культуры и искусства ПНР. Будучи избран действительным членом Польской академии наук, он достойно представлял ее, участвуя в обоих конгрессах польской науки, многих международных конгрессах и конференциях, а также читая лекции в различных странах, в частности славянских и романских.

Огромная эрудиция и пронизательность суждений позволили акад. Стажинскому создать обобщающие труды непреходящего значения, посвященные преимущественно эпохе романтизма, на примере которой он показывал неразрывную взаимосвязь литературы со всеми областями искусства, а также зависимость культурно-исторического процесса от форм общественного сознания. Такая концепция была достаточно полно изложена уже в книге «О романтическом синтезе искусств. Делакруа, Шопен, Бодлер» (1965), а затем получила развитие в книге «Романтизм и генезис современности» (1972) и других трудах ученого, опубликованных в Польше и других странах (работы акад. Стажинского можно найти, например, в «Бюллетенях Лувра»).

Акад. Стажинский был не только историком культуры, но и ее строителем. Его тонкий вкус ценили польские издательства, обращавшиеся к нему за консультациями по вопросам художественного оформления книг. Он внес свой вклад и в театральное искусство, и в литературоведение, подготовив снабженные образцовым научным аппаратом польские издания литературных произведений Делакруа, Стендаля и Бодлера. Трудно охватить в краткой статье все стороны деятельности этого крупного ученого, получившей высокую оценку и в его родной стране, и за рубежом.

Лауреат Государственной премии первой степени, акад. Стажиньский был награжден тремя крестами (включая Командорский) ордена Возрождения Польши и другими орденами и медалями, как польскими, так и зарубежными. Он был избран членом венецианской *Accademia di Belle Arti*, Общества истории французского искусства, вице-президентом Международного объединения искусствоведов и других обществ.

Советские историки культуры потеряли не только собрата-ученого с мировым именем, но и самого искреннего друга, принимавшего деятельное участие во многих совместных трудах, с братским радушием встречавшего ученых у себя в Польше и неизменно оказывавшего поддержку многим из нас, сохранивших благодарную память об этом мудром, сердечном и обаятельном человеке.

Игорь Бэла

CONTENTS

<p><i>I. A. Khrenov.</i> The Russian-Polish revolutionary union during the First Russian Revolution. <i>V. F. Kadatsky, A. Kh. Klevansky, I. V. Mikhutina, M. M. Sumarokova.</i> The communist parties of Bulgaria, Poland, Czechoslovakia and Yugoslavia on the way to a new political orientation and the VII Congress of Comintern. <i>I. V. Churkina.</i> To the question of the cultural-national autonomy. <i>Peter Ratkoš (CSSR).</i> The struggle of the slovak population of the free king's towns for national equality. <i>O. R. Lapatuhina.</i> The people in Reimont's novel «Muzhiki» (To the problem of the writer's realism). <i>M. A. Shtudinger.</i> On the long consonants in slavic languages . . . . .</p>	3
---	---

COMMUNICATIONS

<p><i>S. I. Bochkareva.</i> The Serbian socialist newspaper «Radnik» about Russian the revolutionary movement. <i>M. Ya. Golberg.</i> Živojin Žujović on the pages of an Ukranian journal. <i>I. A. Kalojeva.</i> The state of the information on the slavic studies in the European socialist countries . . . . .</p>	69
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>A. Noskova.</i> «Studia Historiae Oeconomicae». <i>B. S. Popkov.</i> M. H. Serejski. Naród a państwo w polskiej myśli historycznej. <i>V. D. Nazarov.</i> B. N. Florya. The Russian-Polish relations and the Baltic question at the close of the XVI — at the beginning of the XVII centuries. <i>V. D. Koroljuk.</i> On some disputable questions of the development of the Chernyakhov, Slavic, Old Russian and Balkan-Danubian archaeological cultures in the areas between Dniester and Prut. <i>I. V. Shablovskaya.</i> In the spirit of polemics and the affirmation of the realism. <i>Yu. K. Begunov.</i> Konstantin Preslavsky's «Alphabetical Prayer» in the Bulgarian scientist's research . . . . .</p>	97
---	----

Bibliography

<p>The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1975 (continuation). The contents of foreign periodicals . . . . .</p>	111
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>V. I. Zlydnew, Yu. I. Ritchik.</i> On the scientific results of the International conference of the UNESCO on the problems of Slavic cultures . . . . .</p>	118
<p><i>I. V. Zajchikov.</i> An interesting scientific conference. <i>Yu. Lauchjute.</i> The third conference «The areal researches in linguistics and ethnography». <i>E. V. Cheshko.</i> A conference dedicated to the «Izbornik of 1073». <i>L. V. Bondarko, T. M. Nikolajeva.</i> A scientific session in memory of L. V. Shcherba. <i>T. P. Bulak.</i> Readings in memoriam of P. G. Bogatyrev. <i>T. B. Ionova.</i> The Tenth Anniversary of the SAS . . . . .</p>	124
<p><i>Igor Belza.</i> Academician Yuljush Stažiňsky . . . . .</p>	134

Технический редактор *Е. В. Синуцyna*

Сдано в набор 11/IV-1975 г. Т-10540 Подписано к печати 25/VI-1975 г. Тираж 1265 экз.
 Зак. 2020 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 11,9 Бум. л. 4^{1/4} Уч.-изд. л. 14,4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

лн 17
В ОРЕДНИКА 34/38 КВ 40
ТОЛСТОМУ Н И
70891
1-12

Цена 1 руб.
Индекс 70891

к